

Беседы на слова пророков Исаии и Иеремии святитель Иоанн Златоуст

Беседа 1. Похвала тем, которые пришли в церковь; о благочинии при славословиях, и на слова пророка Исаии: «видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис.6:1)

1. Вижу, что вы с великим усердием стараетесь прилагать к делу сказанное вам прежде. Потому и я без лености бросаю семена учения, питаюсь от того доброй надеждой. Земледелец, хотя бы с трудом бросал семена, – когда видит землю плодоносную и жатву обильною, забывает о прежних трудах и ободряется к дальнейшему обработыванию и сохранению (плодов) ожидаемую пользою. Но сколько плодоноснее и полезнее того это земледелие! То, производя изобилие чувственных плодов, доставляет пищу телам; а это, сея словесное учение и умножая дары Духа, собирает богатство душевное, пищу не истребляемую, не истлевающую, не уничтожающуюся, не портящуюся от времени, но сохраняемую неизреченным Промыслом и заключающую в себе духовное наслаждение. Это – плод моих трудов; это – богатство, соблюдаемое для вашей любви. Видя его умножающимся в вас, я постоянно радуюсь, как не напрасно бросающий семена, как не без пользы понесший труды, как сеющий на землю плодоносную, тучную, способную к принесению плодов. Из чего же я заключаю о такой пользе? Откуда вижу, что слова мои прилагаются к делу? Из самого настоящего собрания, из того, что вы с усердием посещаете мать всех – церковь, из этого всеобщего и непрерывного стояния, из того, что вы, подражая ликам ангельским, приносите непрестанное славословие Создателю. О, дарования Христовы! На небе славословят ангельские воинства; на земле люди, в церквах составляя лики, подражают такому их славословию; на небе серафимы взывают Трисвятую песнь; на земле множество людей возносит ту же песнь; составляется общее торжество небесных и земных существ, одна благодарность, один восторг, одно радостное ликостояние. Оно устроено неизреченным снисхождением Господа; оно составлено Духом Святым; гармония звуков его согласована благоволением Отца; свыше оно имеет ритмичность членов и, движимое Троицею, как бы некоторым плектром (плектром называлось орудие из золота, серебра или слоновой кости, которым, во время игры на струнном музыкальном инструменте, игравший

ударял по струнам), производит усладительную и блаженную мелодию, ангельскую песнь, непрестанную гармонию. Вот – следствие здешнего усердия; вот – плод нашего собрания! Вот почему я радуюсь, видя такое благолепие; радуюсь, видя радость в душах ваших, радость духовную, веселие по Боге. Ничто так не делает нашей жизни радостною, как веселие в церкви. В церкви сохраняется радость радующихся, в церкви утешение для унывающих, в церкви веселие для скорбящих, в церкви успокоение для изнуренных, в церкви отдохновение для утружденных. «Придите ко Мне, – сказал Господь, – все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф.11:28). Что может быть вожделеннее этого воззвания? Что приятнее этого приглашения? На пир зовет тебя зовущий тебя в церкви Господь, приглашает к отдохновению вместо трудов, возвращает к успокоению после скорбей, облегчая бремя грехов, врачует уныние наслаждением и печаль радостью. О, неизреченное попечение, небесное призвание! Поспешим же, возлюбленные, как показать ревностное усердие, так и с надлежащим благочинием и с должным расположением исполнять его. Об этом я хочу теперь сказать вам слово, по видимому тяжкое, но поистине не тяжкое и полезное. Так поступают и чадолюбивые отцы: они предлагают детям не только то, что доставляет радость на краткое время, но и то, что причиняет скорбь, и внушают им не только то, что тотчас оказывает пользу, но и то, что кажется тяжким, но бывает спасительным по исполнению, и этому последнему научают с особенным усердием и настойчиво требуют от них соблюдения. Мы предлагаем такое слово для того, чтобы нам не трудиться здесь напрасно, чтобы, приняв на себя необходимость бдения, нам не подвизаться без рассудка, чтобы звуки, рассеивающиеся в воздухе, не гласили более ко вреду, нежели к пользе. И купец, производя отдаленную торговлю и подвергаясь сильному течению ветров и возмущению волн, не стал бы напрасно и без пользы переносить такие трудности; но для того он и рассекает моря, и решается на опасности, и переходит с места на место, и целые ночи проводит без сна, чтобы получить себе прибыль от своей торговли. А если бы этого не было, но вместо прибыли у него истрачивался бы и капитал, то он не стал бы ни сходить с своего места, ни подвергать себя таким разнообразным опасностям.

2. Зная это, будем приходить сюда с надлежащим благоговением, чтобы вместо отпущения грехов не умножить их и с тем не возвратиться домой. Чего же мы желаем и требуем? Того, чтобы, вознося божественные песнопения, вы были проникнуты великим страхом и украшены благоговением, и таким образом возносили их. Из присутствующих здесь

есть люди, которых, я думаю, не знает и ваша любовь, которые, не почитая Бога и считая изречения Духа обыкновенными, издают нестройные звуки и ведут себя несколько не лучше беснующихся, колеблясь и двигаясь всем телом и показывая нравы, чуждые духовному бдению. Жалкий и несчастный! Тебе должно с изумлением и трепетом возносить ангельское славословие, со страхом совершать исповедание пред Создателем и чрез это испрашивать прощение грехов; а ты переносишь сюда обычаи шутов и плясунов, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всем телом. Как ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая такие изречения? Разве ты не знаешь, что здесь невидимо присутствует сам Господь, измеряя движение каждого и испытывая совесть? Разве ты не знаешь, что ангелы предстоят этой страшной трапезе и окружают ее со страхом? Но ты не разумеешь этого, потому что слышанное и виденное тобою на зрелищах помрачило твой ум, и совершаемое там ты вносишь в церковные обряды, обнаруживая бессмысленными криками беспорядочность своей души. Как же ты испросишь прощение своих грехов? Как преклонишь на милость Господа, принося моление столь небрежно? Ты говоришь: «помилуй мя, Боже», а сам обнаруживаешь нрав, противный помилованию. Взываешь: «спаси мя», а сам принимаешь вид, чуждый спасения. Помогут ли сколько-нибудь молитве руки, непрестанно поднимаемые кверху и движимые беспорядочно, и сильный крик, производимый напряженным дуновением воздуха, но не имеющий смысла? Не свойственны ли такие действия беспутным женщинам, встречающимся на перекрестках, или кричащим на зрелищах? Как же ты осмеливаешься к ангельскому славословию примешивать бесовские шуточки? Как ты не стыдишься того изречения, которое здесь произносишь: «работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс.2:11)? Это ли значит: «работать со страхом», чтобы действовать необузданно и с напряжением и самому не знать, о чем говоришь беспорядочными звуками голоса? Это – знак презрения, а не страха, дерзости, не смирения; это свойственно более произносящим шуточки, нежели славословящим. Что же значит: «работать Господу со страхом»? Значит: исполняя всякую заповедь, совершать это со страхом и трепетом, возносить молитвы с сокрушенным сердцем и смиренным умом. И не только «работать со страхом», но и «радоваться с трепетом» повелевает Дух Святой чрез пророка. Так как исполнение заповеди обыкновенно доставляет радость упражняющемуся в добродетели, то и ей, говорит он, надобно предаваться со страхом и трепетом, чтобы нам, забывшись от бесстрашия, не погубить трудов и не оскорбить Бога. Но как возможно, скажешь, радоваться с

трепетом? Эти два чувства не могут быть вместе в одно и то же время, будучи весьма различны между собою. Радость есть удовлетворение желаний, наслаждение приятным, забвение неприятного; а страх есть преувеличение ожидаемых бедствий и происходит в отчаивающейся совести. Как же можно «радоваться... со страхом», и не просто со страхом, но и «с трепетом», который есть усиленный страх и знак великого беспокойства?

Как, скажешь, это может быть? Этому научают тебя серафимы, которые самым делом исполняют такое служение. Они наслаждаются неизреченною славою Создателя и созерцают непостижимую красоту, – не говорю, какова она по самому существу своему (потому что она непостижима, незрима, невообразима, и нелепо было бы так думать о ней), но сколько они могут, сколько они в состоянии просвещаться этими лучами. Они постоянно служат вокруг царского престола, пребывают в постоянной радости, в вечном веселии, в непрестанном удовольствии, восхищаясь, ликуя, неумолчно славословя. Стоять пред лицом этой славы и просвещаться происходящим от нее светом, это – их радость, восторг, веселие, слава. Может быть, и вы несколько почувствовали удовольствие и в вас пробудилось желание этой славы.

3. Если вы захотите послушаться увещаний и совершать настоящее славословие с благоговением, то и вы не лишитесь этой радости, потому что один и тот же Господь, прославляемый на небесах и на земле. «Вся земля полна славы Его!» (Ис.6:3). Как же серафимы, наслаждаясь такою радостью, соединяют ее со страхом? Послушай, что говорит пророк: «видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном». Почему он, сказав: "высоком", прибавил: «и превознесенном»? Разве не достаточно было словом: "высоком" – объяснить все и показать превосходство достоинства? Для чего же он прибавил: «и превознесенном»? Для того, чтобы показать непостижимость седалища. Так как у нас слово: «высокий» внушает мысль о сравнении чего-нибудь с предметами дольными и низкими, – напр. горы называются высокими по отношению к равнинам и долинам земли, и небо называется высоким, потому что превышает все земное, – а слово: «превознесенный» и возвышенный относится только к одному непостижимому Существу, которого невозможно ни постигнуть, ни изъяснить, то он и сказал: «видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном». И что еще видел ты, пророк? Что созерцал ты вокруг Его? «Вокруг Него, – говорит, – стояли Серафимы» (Ис.6:2). Что делали они, и что говорили? Какое имели они дерзновение? Они не имели, – говорит, – никакого дерзновения, но

были исполнены страха и изумления и самым видом своим показывали неизреченный трепет. "Двумя (крыльями) закрывал каждый лице свое» как для ограждения себя от света, исходящего от престола, потому что не могли снести невыносимой славы его, так и для выражения своего благоговения, которое они имели к Господу.

Такою радуются они радостью, таким восхищаются веселием, и однако закрывают не только лица, но и ноги свои. Почему же они делают это? Лица они справедливо закрывают по причине страшного зрелища, потому что они не могут взирать на неприступную славу; но почему закрывают ноги? Я желал бы предоставить вам, чтобы вы сами потрудились решить это и пробудились для исследования предметов духовных; но чтобы, оставив ваш ум занятым таким исследованием, не произвести в вас невнимательности к увещанию, я считаю необходимым самому объяснить это. Почему же они закрывают ноги? Они стараются выразить свое беспредельное благоговение к Создателю, желая показать великое смущение и видом своим, и голосом, и взором, и самым положением. Но так как они и таким образом не достигают желаемого и должного, то, закрываясь со всех сторон, остальное прикрывают. Поняли ли вы сказанное, или нужно опять повторить это? Впрочем, для большей ясности, постараюсь раскрыть это примерами, случающимися у нас. Кто предстоит земному царю, тот всеми мерами старается выразить пред ним свое великое уважение, чтобы этим снискать себе от него большее благоволение. Для того он и видом головы, и голосом, и сложением рук, и постановкою ног, и положением всего тела старается показать такое уважение. То же происходит и с теми бесплотными силами. Питая великое благоговение к Создателю и стараясь во всем выразить его, но не достигая желаемого, не соответствующее их желанию они закрывают покрывалом. Потому и говорится, что они закрывают лица и ноги свои. Может быть представлено и другое более таинственное воззрение касательно этого: так говорится не потому, чтобы они действительно имели ноги и лица (они бестелесны, подобно Божеству), но дабы этим показать, что они со всем смирением, со страхом и благоговением служат Господу. Так должно предстоять и нам, принося Ему славословие со страхом и трепетом и как бы созерцая Его самого очами ума. Подлинно, здесь присутствует сам Он, неопикуемый никаким местом, и отмечает голоса всех. Потом, воссылая Ему хвалу с сердцем сокрушенным и смиренным, сделаем ее благоприятною и вознесем на небо, как благовонный фимиам. «Сердце сокрушенно и смиренно, – говорит Писание, – Бог не уничтожит» (Пс.50:19). Но, скажешь, пророк заповедует совершать славословие с

восклицием: «воскликните, – говорит, – Господу, вся земля» (Пс.65:1). И мы запрещаем не такое восклицание, а бессмысленный вопль, не голос хвалы, а голос бесчинства, усиленные крики друг пред другом, напрасное и тщетное поднятие рук на воздух, топание ногами, безобразные и непристойные обычаи, которые свойственны занимающимся шутками на зрелищах и ристалищах. Оттуда приносятся к нам эти вредные привычки, оттуда эти неблагоговейные и простонародные крики, оттуда непристойные движения рук, ссоры, состязания, беспорядочные нравы.

4. Действительно, ничто так не производит невнимательности к изречениям Божиим, как восхищение тамошними представлениями. Потому я часто внушал, чтобы никто из приходящих сюда, слушающих божественное учение и причащающихся страшной и таинственной жертвы, не ходил на те зрелища и не смешивал божественных таинств с бесовскими. Но некоторые так обезумели, что, имея даже благоговейный вид и дожив до глубокой седины, все-таки бегут туда, не обращая внимания на наши слова и не стыдясь собственного возраста. И когда мы поставляем им это на вид и убеждаем постыдиться седины и благоговейности, то какой пустой и смешной ответ дают они? Там, говорят они, находится пример будущей победы и венцов, и мы оттуда получаем весьма великую пользу. Что говоришь ты, человек? Это – старая и обманчивая речь. От чего ты получаешь там пользу? От бесчисленных ли ссор и напрасных и бесполезных проклятий, обращающихся во вред говорящим, или от обид, злословий и насмешек, которыми осыпают друг друга зрители этих представлений? Но, конечно, не от них. Или извлекаешь пользу из бесчинных криков, бессмысленного вопля, поднимающейся пыли и людей толкающихся, теснящихся и лицемерящих пред женщинами? Но здесь все пророки и учителя представляют самого Владыку ангелов сидящим на престоле высоком и превознесенном, разделяющим награды и венцы достойным и назначающим геенну и огонь недостойным; и сам Господь подтверждает это. Как же ты презираешь то, в чем страх для совести, обличение дел, истязание суда и неизбежность наказания, и между тем для безрассудного оправдания своих зрелищ указываешь на пользу от того, от чего ты терпишь неисправимый вред? Нет, прошу и умоляю, не будем представлять оправданий во грехах; это – предлог и обольщение, причиняющее вред нам самим. Впрочем, довольно об этом; время уже обратиться к прежнему увещанию и, изложив его кратко, положить приличный конец слову. Подлинно, здесь не только бесчинство, но господствует еще некоторая другая тяжкая болезнь. Какая же именно? Предполагающее беседовать с Богом и возносящие Ему

славословие, потом, оставив Его, каждый выбирает соседа, и начинает разговаривать о делах, происходящих дома, на торжищах, в народе, на зрелищах, в войске, как устроено то и как опущено это, что излишне в распоряжениях и чего не достает в них, и вообще разговаривает здесь о всех делах общественных и частных. Заслуживает ли это прощения? Беседующий и с земным царем говорит только о том, о чем тот хотел бы слышать и о чем он сам предлагает вопросы, если же осмелится упомянуть о чем-нибудь другом против его желания, то подвергается тяжкому наказанию; а ты, беседуя с Царем царствующих, Которому с трепетом служат ангелы, оставив беседу с Ним, разговариваешь о грязи, о пыли, о паутине? Таковы ведь настоящие дела. Как ты перенесешь наказание за такое пренебрежение? Кто избавит тебя от этого наказания?

Но, скажешь, дела и управление находятся в худом положении; об них мы и говорим много и беспокоимся много. Какая же причина? Неблагоразумие, скажешь, правителей? Не неблагоприятие правителей, а наша греховность, последствие преступления. Она низвратила дела, она привлекла все бедствия, она вооружила врагов, она доставила нам поражение. Не от чего-нибудь другого постиг нас ряд бедствий, как только от этой причины. Хотя бы правителем нашим был какой-либо Авраам, хотя бы Моисей, хотя бы Давид, хотя бы мудрейший Соломон, хотя бы праведнейший из всех людей, но если мы живем худо, это безразлично в отношении к причине зол. Как и каким образом? Если бы он был из числа людей беззаконнейших и поступающих безрассудно и бесчинно, то ведь наше собственное безрассудство и бесчинство произвели такого правителя, наши грехи навлекли на вас такой удар. Получать правителей по сердцу своему значит нечто иное, как то, что мы, согрешив наперед, получаем такого и предстоятеля, будет ли он из лиц церковных, или из мирского звания. А с другой стороны, хотя бы он был весьма праведен, и так праведен, что равнялся бы с добродетелью Моисея, праведность его одного не может покрыть безмерных грехов подчиненных. Это можно ясно видеть в примере самого Моисея, который много страдал за израильтян и усердно молил за них Бога, чтобы наследовали обетованную землю; но так как они собственными грехами сделали себя недостойными этого обетования, то молитва его не могла изменить праведного определения Божия, по которому весь народ погиб в пустыне. Между тем кто праведнее Моисея? Или кто имеет более дерзновения пред Богом? Хотя и говорится в Писании, что «много может молитва праведного» (Иак.5:16), но «поспешествуема», т.е. воспомоществуемая раскаянием и исправлением тех, за кого она возносится. А у кого образ жизни

нераскаянный и неисправимый, тем как может она принести помощь, когда они сами препятствуют этому своими делами? 5. Но что мы говорим о том, что так бывает при грехах целого народа, когда грех немногих подчиненных и часто даже одного превышает заслуги справедливых правителей? Это можно видеть также на народе израильском, который, под предводительством Моисея вступив в землю иноплеменников и начав с ними войну, подвергался всеобщему поражению и истреблению, когда некоторые из него прельстились женами тех.

А пример того, как это случилось по поводу одного, видим на Ахаре, который, утаив красивую одежду из посвященного Богу, навлек гнев Божий на народ. Впрочем, может быть, некоторые из присутствующих не знают этого события, потому нужно кратко сказать о нем, чтобы напомнить знающим и научить незнающих. Этот Ахар был одним из мужей, перешедших через Иордан вместе с Иисусом Навином, с тем Иисусом, который по определению Божию был избран в преемника Моисею и был подобием и прообразом истинного Спасителя нашего Иисуса Христа: как он провел народ израильский чрез Иордан из пустыни в землю обетованную, так и Спаситель наш провел чрез святое и спасительное крещение из пустыни неведения и идолослужения в горний Иерусалим, к матери первородных, где уготованы обители истинного покоя, где безмятежная и мирная жизнь. Таким образом, проведши народ силою Повелевшего, он двинулся к Иерихону и, совершая эту дивную осаду, когда стены готовы были пасть, что говорил он к народу? «Город будет под заклетием, и все, что в нем – Господу [сил]; только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрыла посланных, которых мы посылали; но вы берегитесь заклетого, чтоб и самим не подвергнуться заклетию, если возьмете что-нибудь из заклетого, и чтобы на стан [сынов] Израилевых не навести заклетия и не сделать ему беды» (Нав.6:16–17). Все, находящееся в городе, говорит, посвящается Богу, – это именно значит: "проклят", – и потому никто пусть не похищает себе из назначенного Господу Богу и не губит нас на земле. Опасна была такая заповедь; велика строгость повелевшего Бога и предписавшего Иисуса. Как мог быть не нарушен этот закон в таком множестве народа, когда многие обстоятельства располагали к тому? Непостоянство и корыстолюбие народа, или то, что не все слышали о предписанной заповеди, или драгоценность добычи, служащей как бы приманкою и прельщающей корыстолюбцев, легко могли побудить к нарушению закона. И однако такой закон был дан, и опасность нарушения его висела над головой. Что же потом? Стены пали, и все, что было в

городе, досталось в руки осаждавших. Но, тогда как весь народ соблюдал эту заповедь, преступление одного навлекло гнев Божий на весь народ. «Но сыны Израилевы, – говорит Писание, – сделали [великое] преступление [и взяли] из заклётого. Ахан, сын Хармия, сына Завдия, сына Зары, из колена Иудина, взял из заклётого, и гнев Господень возгорелся на сынов Израиля» (Нав.7:1). Согрешивший был один: как же согрешили сыны израильские и разгневался Господь на сынов израилевых? Видишь ли, как грех одного навлек наказание на весь народ, как он восстановил Бога против всего множества их? Итак, когда преступление было совершено и никто не знал о нем, кроме одного Бога, знающего сокровенное, то наказание должно было последовать, а совершивший преступление, хотя казалось, скрывался, но совестью сожигался, как огнем. Наконец наступило время мщенья и обнаружения греха. «Иисус из Иерихона, – говорит Писание, – послал людей в Гай, что близ Беф-Авена, с восточной стороны Вефиля, и сказал им: пойдите, осмотрите землю. Они пошли и осмотрели Гай. И возвратившись к Иисусу, сказали ему: не весь народ пусть идет, а пусть пойдёт около двух тысяч или около трех тысяч человек, и поразят Гай; всего народа не утруждай туда, ибо их мало [там]. Итак пошло туда из народа около трех тысяч человек, но они обратились в бегство от жителей Гайских; жители Гайские убили из них до тридцати шести человек, и преследовали их от ворот до Севарим и разбили их на спуске с горы; отчего сердце народа растаяло и стало, как вода» (Нав.7:2–5).

6. Посмотри на последствие одного греха, посмотри на неисцельную рану. Согрешил один, а смерть и ужас поражают весь народ. Что же это, благий Господи? Ты один праведен и праведны суды Твои; Ты воздаешь каждому по собственным делам его; Ты сказал, человеколюбец, что каждый умрет за свой грех, и другой вместо одного не будет наказан. Что же значит это Твое праведное определение? Все дела Твои, Господи, добры и весьма добры и устроятся нам на пользу. Грех, – отвечает Он, – есть некоторая зараза; потому пусть он будет предан позору чрез наказание всех, чтобы они, узнав, какой вред произвело одно преступление, избегли вечного наказания за грехи большие. Итак Иисус, увидев непонятное бегство, разорвал одежды свои, пал на землю и произнес те скорбные слова, которые излагает божественное Писание. Что же говорит ему Господь? «Господь сказал Иисусу: встань, для чего ты пал на лице твое? Израиль согрешил, и преступили они завет Мой, который Я завещал им; и взяли из заклётого, и украли, и утаили, и положили между своими вещами; за то сыны Израилевы не могли устоять пред врагами

своими и обратили тыл врагам своим, ибо они подпали заклятию; не буду более с вами, если не истребите из среды вашей заклятого» ([Нав.7:10–12](#)). Это объявлено народу; преступник указывается Богом и сознается. «В ответ Иисусу, – говорит Писание, – Ахан сказал: точно, я согрешил пред Господом Богом Израилевым и сделал то и то: между добычею увидел я одну прекрасную Сennaарскую одежду и двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей; это мне полюбилось и я взял это; и вот, оно спрятано в земле среди шатра моего, и серебро под ним [спрятано]» ([Нав.7:20–21](#)). Так он открыл все, когда увидел, что неложен указавший это и силен обличивший Свидетель; потом смотри – его позорную и страшную смерть. «Иисус и все Израильтяне с ним, – говорит Писание, – взяли Ахана, сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывели их [со всем] на долину Ахор. И сказал Иисус: за то, что ты навел на нас беду, Господь на тебя наводит беду в день сей. И пбили его все Израильтяне камнями, и сожгли их огнем, и наметали на них камни» ([Нав.7:24–25](#)). Таково наказание за преступление; таков неумолимый суд Божий. Зная это, будем считать наступление скорбей последствием наших грехов, и, ежедневно рассматривая свои проступки, будем обвинять в том не других, но самих себя. Не только невнимательность правителей, но гораздо более наши проступки навлекают на нас бедствия. Итак каждый, приходящий сюда, пусть помышляет о собственных грехах, а не обвиняет других, и таким образом с надлежащим благочинием пусть возносит настоящее славословие. А требуемое от нас благочиние состоит в том, чтобы, во-первых, приступить к Богу с сердцем сокрушенным, потом выражать такое расположение сердца и внешним видом, стоянием, благопристойным положением рук, кротким и сдержанным голосом. Это легко и возможно для всякого желающего. Как же это может быть исполнено всеми? Поставим для себя законом и скажем: предписана общепользная заповедь, и все мы должны участвовать в этой пользе. Потому прекратим беспорядочные вопли и исправим положение рук, слагая их при возношении к Богу, а не поднимая непристойными движениями. Этого не любит и отвращается Бог, как Он любит и приемлет человека кроткого. «А вот на кого Я призрю, – говорит Он, – на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» ([Ис.66:2](#))? Скажем друг другу: Бог не хочет, чтобы мы беседовали с Ним и вместе разговаривали между собою, чтобы, оставив беседу с Ним, вели разговоры о предметах настоящих и грязью оскверняли жемчужины. Он считает это обидою для Себя, а не славословием. Если же

кто станет нарушать эту заповедь, то мы будем заграждать ему уста, преследовать его, как врага нашего спасения, и выгонять его вон из ограды святой церкви. Поступая таким образом, мы легко загладим прежние грехи свои, и сам Господь будет ликовать среди нас со святыми ангелами и раздавать каждому венцы за благочиние. Он человеколюбив и щедр и радуется нашему спасению; потому, услаждаясь нашими добрыми делами, Он обещал царство небесное и участие в жизни вечной и уготовал все блага, желая, чтобы мы наследовали их; чего да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис.6:1). И о том, что не должно оставлять без внимания ни времени, ни даже единой буквы божественных Писаний

1. Радуюсь, видя вас собравшимися слушать божественные изречения, и считаю это величайшим свидетельством вашего преспеяния по Боге. Как аппетит служит знаком здоровья телесного, так любовь к духовным изречениям служит знаком здоровья душевного. Поэтому радуюсь; но вместе и боюсь, что я не буду в состоянии доставить вам ничего достойного этого желания. Так и любящая мать скорбит, когда, имея грудного младенца, не может доставить ему источников молока в изобилии; но, хотя она имеет его и недостаточно, однако дает грудь, а младенец, взяв тянет и вытягивает ее, и, согревая устами охладевшие сосцы, старается извлечь себе пищи больше, нежели есть в них. Мать чувствует боль от терзания сосцев, но не отталкивает Младенца, потому что она – мать и готова лучше перенести все, нежели огорчить дитя свое. Если же матери имеют такую любовь к своим детям, то тем более нам нужно иметь такое расположение относительно вашей любви. Скорби рождения духовного пламеннее скорбей рождения естественного. Итак, хотя наша трапеза очень скудна, но мы не скроем и ее, но вынесем все, что есть у нас, на средину и предложим вам. Хотя ее мало и скудно, но мы предлагаем. Так и хоть, которому вверен был талант, не за то был осужден, что не представил пяти талантов, но за то, что и один, полученный им, зарыл в землю, – за это он и был наказан. И Бог и люди требуют не малого или многого, но того, чтобы приношение было никак не меньше настоящей силы. Вы слышали прежде, когда мы удостоились беседовать с вашей любовью, когда мы читали тот псалом, который, извергая грешника из священной ограды, призывал ангелов и горние силы славословить Бога всех. Хотите ли и сегодня слышать самую ангельскую песнь, став там где-нибудь близко? Я думаю, хотите. Если негодные люди, составляя хоры на площади и среди глубокой тьмы и безвременно по ночам воспевая блудные песни и соблазнительные стихотворения, поднимают и привлекают к себе весь наш город, то, когда небесные сонмы, горние лики

воспевают Царя вселенной, неужели мы не соберемся слушать их божественного и блаженного песнопения? Иначе какое может быть нам прощение? Но как можно, скажешь, слушать их? Вошедши на самое небо, если не телом, то умом, если не видимым присутствием, то мыслью. Наше тело будучи земляным и тяжелым, естественно остается внизу; но душа свободна от такой необходимости и легко взлетает в высочайшие и возвышеннейшие области; она, захочет ли достигнуть самых крайних пределов вселенной, или взойти на небо, не встречает никакого препятствия: столь легкие крылья мыслей дал ей Бог! И не только легкие крылья Он дал ей, но наделил ее и очами, которые смотрят гораздо острее очей телесных. Зрение телесное, когда устремляется сквозь пустой воздух, проникает на большое расстояние; но когда встречает малое тело, тогда, подобно потоку, задержанному в своем течении, обращается назад. А зрение души, хотя бы встречало стены, крепости, громады гор и самые тела небесные, легко проникает все. Впрочем, при всей своей быстроте и остроте зрения, душа сама по себе не в состоянии постигать предметов небесных, но имеет нужду в руководителе. Сделаем же то, что делают желающие посмотреть на царские чертоги. Что же они делают? Они, отыскав того, кому вверены ключи от тамошних дверей, приступают к нему, беседуют с ним, упрашивают его, а часто дают и серебра, чтобы расположить его к себе. Приступим же и мы к кому-нибудь из тех, которые приставлены к вратам небесным, будем беседовать с ним, будем просить его, покажем вместо серебра (добрую) волю и искреннее расположение. Если он примет это вознаграждение, то, взяв нас за руку, проведет везде, покажет не царские чертоги, но самого Царя сидящего, окруженного воинствами и военачальниками, тьмами ангелов и тысячами архангелов; все он покажет нам подробно, сколько нам возможно видеть. Кто же это? Кому вверено такое служение, при помощи которого мы хотим теперь войти? Исаия, громогласнейший из пророков. Итак, необходимо вступить в беседу с ним.

Следуйте же тихими шагами, в совершенном молчании. Никто не входи сюда с житейскими заботами, никто – с рассеянностью и смущением, но оставим все это за первыми дверями, и таким образом все войдем сюда. Мы входим в царские чертоги небесные, вступаем в светлые области; внутри они исполнены великого молчания и неизреченных тайн.

2. Но слушайте внимательно: чтение Писаний есть откровение неба. "В год, – говорит пророк, – смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис.6:1). Видишь ли услужливость благосклонного слуги? Он тотчас привел нас пред царский

престол, не проводя наперед длинными обходами, но как только отворил двери, уже и показал прямо сидящего Царя. «Вокруг Него, – говорит, – стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис.6:2–3).

Поистине свят Тот, Кто удостоил наше естество столь многих и столь великих таинств, Кто сделал нас участниками в предметах столь непостижимых. Страх и трепет объемлет меня при этой песни. И удивительно ли, что чувствую это я – бранный и происшедший из земли, если и самые горние силы постоянно объемлет величайший ужас? Потому они и отвращают лица свои и употребляют крылья вместо ограды, не вынося исходящих оттуда лучей. Но, скажешь, являемое было снисхождением: как же они не выносили его? Мне ли ты говоришь это? Скажи тем, которые исследуют непостижимое и блаженное естество, которые дерзают на то, на что дерзать не должно. Серафимы не смели смотреть даже на снисхождение Божие: как же человек дерзнул сказать, или лучше, как человек дерзнул подумать, что он может точно и ясно познать то чистое естество, которое недоступно созерцанию даже херувимов? Трепещи небо, ужасайся земля; эта дерзость больше дерзости их (иудеев). Как нечестиво поступали тогда те, так нечестиво поступают теперь и эти. Они одинаково поклоняются твари; но что выдумали теперь эти, того никто из тогдашних людей не смел ни сказать, ни слушать. Что говоришь ты? Явление было снисхождением? Да, но снисхождением Божиим. Если Даниил, имевший великое дерзновение пред Богом, не мог смотреть на ангела, нисшедшего к нему, но пал и лежал преклоненным, так как связи зрения его ослабели от этой славы, то удивительно ли, что ужасались серафимы, не вынося созерцания той славы? Не столько расстояния между Даниилом и ангелом, сколько между Богом и этими силами. Впрочем, чтобы и нам, останавливаясь слишком долго на этих чудесах, не навести ужаса на ваши души, обратимся к началу рассказа, и будем назидать душу менее высокими предметами. «В год смерти царя Озии». Прежде всего, нужно узнать, для чего пророк означает нам время, так как не без причины и не напрасно он делает это. Уста пророков суть уста Божии; а эти уста не говорят ничего напрасно. Не будем же и мы слушать без внимания. Если те, которые выкапывают металлы, не пренебрегают и малыми частицами, но, когда нападают на золотую жилу, тщательно осматривают ее ветви, то не гораздо ли более мы должны делать это с Писаниями? В металлических рудах бывает весьма трудно

найти желаемое, потому что металлы – земля, и золото есть не что иное, как земля; общность природы искомым веществ обманывает зрение, и однако при всем том золотопромышленники не оставляют дела, но обнаруживают всякую тщательность, и, всматриваясь, узнают, что действительно земля, и что действительно золото. А с Писанием не бывает так. Здесь предлагается не смешанное с землею золото, но чистое золото. «Слова Господни, – говорит псалмопевец, – слова чистые, серебро расплавленное, испытанное в земле" (Пс.11:7). Писания – не металлы, требующие обработки; но они доставляют готовое сокровище тем, которые ищут богатства, заключающегося в них. Достаточно только приникнуть к ним, чтобы отойти, исполнившись всякой пользы; достаточно только открыть их, чтобы тотчас увидеть блеск этих дорогих камней.

Не напрасно я сказал это и не без причины распространился об этом, но потому, что есть коварные люди, которые, взяв в руки божественные книги и увидев счет времени или перечисление имен, тотчас оставляют их и укоряющим их говорят: здесь одни только имена, и нет ничего полезного. Что говоришь ты? Бог вещает, а ты смеешь говорить, что в сказанном нет ничего полезного? Если ты увидишь одну только простую надпись, то, скажи мне, не остановишься ли ты на ней со вниманием и не станешь ли исследовать заключающегося в ней богатства? Но что я говорю о временах, именах и надписях? Посмотри, какую силу имеет прибавление одной только буквы, и перестань пренебрегать целыми именами. Патриарх наш Авраам (действительно он принадлежит нам, нежели иудеям) сперва назывался Авраом, что в переводе значит: «странник»¹; а потом, будучи переименован в Авраама, стал "отцом всех народов"; прибавление одной буквы доставило праведнику такое преимущество. Как цари своим наместникам дают золотые таблицы в знак власти, так и Бог тогда придал праведнику эту букву в знак чести.

3. Впрочем, об именах я скажу в другое время; а теперь нужно сказать о том, как полезно знать времена событий, и как вредно не знать их. И, во-первых, докажу это житейскими делами. Договоры и записи о браках, о долгах и о других обязательствах не имеют никакой силы, если в них не будет написано вверху времени консульства. Оно дает им силу; оно предотвращает споры; оно избавляет от судилищ и делает врагов друзьями. Потому те, которые пишут их, в заглавии бумаг, выставляют консульство, как свечу на светильнике, чтобы оно было видно всем подчиненным. Если ты уничтожишь это, то отнимешь свет, и исполнишь все мрака и великого смятения. Потому всякое дело об отдаче и получении, и с друзьями, и со врагами, и с рабами, и с попечителями, и с управителями, требует этого

удостоверения, и всегда мы прописываем внизу и месяцы, и годы, и дни. Если же в делах житейских эта заметка имеет такую силу, то в делах духовных она гораздо важнее и полезнее. В пророчествах она показывает, что они – пророчества. Пророчество есть не что иное, как предсказание будущих событий. Поэтому кто не знает времени, к которому относится сказанное или случившееся, тот как может доказать спорящему достоинство пророчества? Отсюда у нас борьба и победа над язычниками, когда мы доказываем, что наше учение древнее того, которое у них. Отсюда у нас доказательства истины и против иудеев, – против жалких и несчастных иудеев, которые по незнанию времени впали в величайшее заблуждение. Если бы они слушали слова патриарха: «не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт.49:10), и если бы внимательно исследовали времена Его пришествия, то не отпали бы от Христа и не предались бы антихристу, как и сам Христос, внушая им это, сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин.5:43). Видишь ли, какое произошло падение от незнания времен? Не пренебрегай же такую пользу. Как на полях межи и столбы не позволяют смешивать пашни, так времена и годы не позволяют смешивать одни события с другими, но, отделяя их друг от друга и располагая в надлежащем порядке, избавляют нас от великой запутанности. Итак, нужно сказать вам, кто был этот Озия, когда он царствовал, над кем царствовал, сколько времени продолжалось его царствование, и как он кончил жизнь. Лучше было бы замолчать, потому что необходимо пуститься в беспредельное море исторических повествований. Но тем, которые намерены отправиться в это море, нужно отправляться в путь с пловцами, не с утомленными, а свежими силами. Для того везде на море и существуют пристани и острова, чтобы отдохнул и кормчий, и гребец, один отложив весло, другой, оставив руль. Для того везде на дорогах и придуманы гостиницы и постоялые дворы, чтобы и вьючные животные и путники отдохнули от трудов. Для того и слову учения положено время молчания, чтобы нам и себя не изнурить, и вас не утомить продолжительностью речи. Эти времена знал и Соломон, который говорит: «время молчать, и время говорить» (Еккл.3:7). Итак пусть будет для нас время молчания, чтобы для учителя было время глаголения². Наши слова подобны вину, недавно почерпнутому из точила; а его слова подобны вину старому и долго стоявшему, которое доставляет нуждающимся великую пользу и крепость, – так что сегодня повторилось известное евангельское событие: после худшего вина приносится лучшее

([Ин.2:10](#)). И как то вино произошло не из винограда, но произвела его сила Христова, – так и его речь изливает не человеческий ум, а благодать Духа. Если же потоки ее обильны и духовны, то будем принимать их тщательно и хранить бережливо, чтобы, постоянно орошаясь ими, мы могли приносить зрелые плоды дарующему их Богу, которому подобает всякая слава и честь с Единородным Его Сыном и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

**Беседа 3. На первую³ (чит. вторую)
Паралипоменон, где говорится:
«возгордилось сердце его» (2Пар.26:16),
также о смиренномудрии, о том, что
добродетельному не следует быть
самонадеянным, и о том, сколь великое зло
– гордость**

1. Благословен Бог: и в наш век произрасли мученики и мы удостоились видеть людей, закалаемых за Христа, – людей, проливающих святую кровь, которая орошает всю Церковь, проливающих кровь, страшную для бесов, вожденную для ангелов, спасительную для нас. Мы удостоились видеть людей, ратующих за благочестие, побеждающих, увенчиваемых; и удостоились не только видеть, но и принять самые тела этих подвижников; и мы теперь имеем у себя этих венценосцев. Впрочем речь о мучениках теперь мы предоставляем ревнителю мучеников, нашему общему учителю; а сами будем говорить вам теперь об Озии, чтобы уплатить наш старый долг и удовлетворить давнему томительному желанию – слышать об этом. Я хорошо знаю, что каждый из вас томится желанием слышать о тех событиях; и мы продлили это томление, не из желания увеличить вашу скорбь, но стараясь усилить желание, чтобы наше угощение показалось вам приятнее. Когда богатые предлагают угощение и принимают сытых гостей, то они могут возбудить в них аппетит драгоценностью приготовленного; а трапеза бедных ни от чего так не оказывается блистательною, как если приступающие к ней будут голодными. Кто же был Озия, чей он потомок, чей царь, сколько времени царствовал, что сделал хорошего, в чем погрешил и как окончил жизнь? Обо всем этом мы скажем вам теперь, или лучше, сколько можно сказать, чтобы множеством сказанного не обременить вашей памяти, как бывает с огнем светильника. Если в него будешь подливать масла к светильне понемногу, то доставишь достаточную пищу огню, а если нальешь вдруг, то погасишь и бывший огонь. Итак, этот Озия был потомок Давида и царь иудейский; царствовал он пятьдесят два года, и сначала был добродетельным, а потом впал в грех. Возмечтав о себе выше собственного достоинства, он хотел присвоить власть священства.

Таково зло – гордость; она в каждом производит то, что он не знает самого себя, и после многих трудов уничтожает все сокровище добродетели. Прочие грехи обыкновенно происходят от нашей беспечности; а она зарождается в нас, когда мы поступаем правильно. Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: «когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что́ должны были сделать» (Лк.17:10). Когда будет приступать к вам этот зверь, тогда этими словами, говорит, заприте от него двери. Не сказал: когда исполните все, тогда вы ничего не стоите; но сами вы «говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что́ должны были сделать»; говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговор. Если ты сам назовешь себя непотребным, то Я увенчаю тебя, как благопотребного. Так и в другом месте Бог говорит: «говори ты, чтоб оправдаться» (Ис.43:26). В судилищах внешних после обвинения и признания в преступлениях назначается смерть; а в судилище божественном после признания – венец. Потому и Соломон говорил: «не оправдывай себя пред Господом» (Сир.7:5). Ничего такого не слушал Озия, но вошел в храм, хотел кадить, и священника, который останавливал его, не послушал. Что же Бог? Он поразил Озию проказою на челе, дабы наказать бесстыдное лицо его и научить его, что это было судилище божественное и что не против людей восставал он. Вот что известно об Озии. Теперь проследим это сказание сначала. Я для того предварительно и рассказал вам кратко все случившееся, чтобы вы, слушая сказание Писания об этом, в точности следили за ним. Будьте же внимательны. "И делал он, – говорит Писание, – Озия угодное в очах Господних» (2Пар.26:4). Этим оно засвидетельствовало о великой его добродетели. Он не только «делал угодное», но и «в очах Господних», а не на показ людям, как те, которые у иудеев трубили о своей милостыне, искажали во время постов свои лица, совершали молитвы на перекрестках. Что может быть несчастнее таких людей, когда они труды переносят, а всякого воздаяния лишают себя?

2. Что делаешь ты, человек? Одному ты будешь отдавать отчет в делах своих, а другого призываешь в свидетели дел? Одного имеешь судьей, а другого сажаешь зрителем? Не видишь ли, как возницы, – когда весь город сидит вверху на конских ристалищах, – проезжая все пространство поприща, стараются ниспровергнуть колесницы соперников там, где видят сидящего царя, и один глаз его считают важнее столь многих глаз? А ты

видишь самого Царя ангелов наблюдающим за твоим течением и, оставив Его, стараешься привлечь взоры подобных тебе рабов? Не потому ли и отходишь ты после тысячи состязаний без венца, после многих подвигов приходишь к Распорядителю подвигов без наград? Но Озия был не таков, «делал он угодное в очах Господних».

Как же он после такой праведной жизни поколебался и пал? Этому и я удивляюсь и недоумеваю, или лучше, при этом нет места недоумению, потому что он был человек, существо удобопреклонное к греху и скорое на пороки. И не только это бедственно, но и то, что мы должны проходить путем тесным и узким, под угрожающими с обеих сторон утесами. Если же и удобопреклонность воли и трудность пути содействуют одному и тому же, то не удивляйся падениям. Как на зрелищах те, которые стараются восходить и нисходить по натянутому снизу вверх канату, если немного засмотрятся, то, потеряв равновесие, падают на подмости и погибают, так и идущие этим путем, если немного будут нерадивы, низвергаются в пропасть. Подлинно, этот путь гораздо более того каната и узок, и крут, и опасен, и гораздо более высок; он оканчивается вверху у самого неба, и тогда шествие становится для нас особенно опасным, когда мы бываем вверху, при самой вершине; стоящие на высоте чувствуют великий страх, и для них остается только одно средство спасения – не обращать взоров вниз, не смотреть на землю; иначе делается сильное головокружение. Потому пророк непрестанно и взывает к нам: "не погуби" (Пс.56:1), возбуждая нашу душу, предающуюся нерадению, предохраняя и удерживая ее, готовую упасть. Вначале нам нужно небольшое вразумление. Почему? Потому, что каждый человек, даже ленивейший из всех, приступая к делу, показывает сначала великое старание и, с живым усердием и свежими силами, легко принимается за предположенное; но когда мы пройдем большую часть пути, когда усердие наше охладает, силы наши ослабеют и мы готовы будем пасть, – тогда благовременно является к нам пророк, предлагает нам свое изречение, как бы трость, и говорит: "не погуби".

И диавол тогда нападает на нас сильнее. Как плавающие по морю разбойники не тогда нападают на корабли, когда видят их выходящими из пристани (какая им польза потопить пустое судно?), но когда корабли возвращаются с полным грузом, тогда они и употребляют все свои хитрости, так и злой бес, когда видит людей, собравших многое, пост, молитвы, милостыню, целомудрие, и все прочие добродетели, когда видит наш корабль наполненным драгоценными камнями благочестия, тогда и нападает, со всех сторон подкапываясь под сокровище, чтобы потопить

судно в самом устье пристани и отпустить нас в ту пристань ни с чем. Потому пророк увещевает всех и говорит: "не погуби". После такого падения уже трудно снова встать: «с приходом нечестивого приходит и презрение» (Притч.18:3). Падшего в начале мы все прощаем по его неопытности, но тот, кто упал после многих переходов, не легко удостоится прощения или оправдания; такое падение его приписывается нерадению. И не только это бедственно, но и то, что многие соблазняются такими падениями, и поэтому также грех становится непростительным. Зная это, будем слушать пророка и не станем растлевать (жизнь свою) "в конец". Потому и Иезекииль говорит: кто праведен, потом падет согрешив, «не помянутся тому правды его, но во грехе своем умрет» (ср. Иез.3:20, 18:24)⁴. И он боялся за конец. И не только этим, но и противным тому он доказывает великую силу. Если будет, говорит он, кто грешен, но потом обратится будет праведен, «жив будет, не умрет» (Иез.18:21–22)⁵. Видишь, как и здесь показывает он великую заботливость о конце. Чтобы и праведник, надеясь на свою праведность и предавшись беспечности, не погиб, пророк устрашает его концом; чтобы и грешник, отчаявшись после падений, не остался навсегда в своем падшем состоянии, он восстанавливает его указанием на конец. Ты, говорит, много согрешил, но не теряй надежды; есть выход, если ты покажешь конец, противоположный началу. Ты, говорит он праведнику, сделал много доброго, но не полагайся на это; случается и падать, если до конца не сохранишь одинакового усердия. Видишь ли, как он истребляет и нерадение в одном, и отчаяние в другом?

3. Ничего такого не слушал Озия, и потому, слишком положившись на себя, пал падением тяжким и неисправимым.

Не всякое падение производит в нас одинаковую рану, но одни из грехов заслуживают только порицания, а другие навлекают тягчайшее наказание. Так Павел, укоряя тех, которые на общих вечерах не ожидали братьев, говорит: "не хвалю вас" (1Кор.11:17). Видишь: этот грех подлежит только порицанию, и укоризна служит для него наказанием. Но не так поступает он, когда говорит о блуде, а как? "Если кто, – говорит, – разорит храм Божий, того покарает Бог" (1Кор.3:17). Здесь уже не укоризна или порицание, а тягчайшее наказание. Также и Соломон знал различие между грехами; он, сравнивая воровство с прелюбодеянием, говорит так: «не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден. Кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это» (Притч.6:30, 32). И то и другое, говорит, есть грех; но один грех меньше, другой больше; тот находит предлог в бедности, а этот не имеет никакого оправдания. И этот, скажешь,

вынуждается естественной потребностью? Но не допускает этого данная человеку жена; она лишает его оправдания. Для того и учрежден брак и законное пользование, чтобы муж не мог говорить ничего подобного. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать беснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Потому, как кормчий, допустивший кораблекрушение в пристани, не может иметь никакого оправдания, – так и человек, достигший безопасности чрез брак, и оскорбляющий чужие браки, или похотливо взирающий на какую-нибудь жену, не может иметь никакого оправдания ни пред людьми, ни пред Богом, хотя бы он тысячу раз ссылался на естественное удовольствие. Впрочем, какое может быть удовольствие там, где – страх, беспокойство, опасность и ожидание столь многих бедствий, где предстоят судилища, следствия, гнев судьи, меч, палач, пропасть и казнь? Такой человек трепещет и боится всего: теней, стен и самых камней, как будто они издают звук; он подозревает и опасается всех – слуг, соседей, друзей, врагов, знающих все и не знающих ничего. Но, если угодно, пусть не будет ничего такого, пусть никто не знает о дерзких делах его, кроме его одного и оскорбляемой им женщины; как он перенесет обличения совести, имея всегда при себе этого сильного обличителя? Ведь как от самого себя никто убежать не может, так и от приговора этого суда. Этот суд не подкупается деньгами, не увлекается лестью, потому что он есть суд божественный, внедренный Богом в наши души. Подлинно, «кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это» (Притч.6:32). Конечно, и вор не освобождается от наказания и получает воздаяние, но меньшее. Сравнения показывают не противоположность сравниваемых предметов, но, оставляя каждый из них на своем месте, представляют, который из них меньше и который больше. Может быть, вы не поняли сказанного; потому необходимо сказать яснее. Хорошее дело – брак, но лучше его – девство; однако потому, что девство лучше, брак не есть худое дело; он ниже девства, но сам по себе – хорошее дело. Так и здесь: худое дело – воровство, но меньше прелюбодеяния, хотя и само по себе худо. Видишь ли различие между грехами? Посмотрим же, какой грех допустил Озия. «Возгордилось, – говорит Писание, – сердце его» (2Пар.26:16). Тяжкая рана; это – гордость, гордость, которая есть источник всех зол. А чтобы тебе скорее понять, как зла эта болезнь, выслушай следующее: прочие грехи ограничиваются нашим естеством, а гордость увлекла и низвергла с неба силу бестелесную; диавола, который прежде не был диаволом, она сделала диаволом. Мы привели бы во свидетели Исаию, который говорит о нем так: «взойду на небо», «буду подобен

Всевышнему» (Ис.14:13–14); но не любящие иносказательных выражений не примут нашего свидетельства; если же мы вместе с ним представим обличителем Павла, то уже никто не станет противоречить. Что же говорит Павел в послании к Тимофею? То, что недавно принявшего проповедь не должно возводить в высокое звание епископства: "не *должен быть* из новообращенных, – говорит, – чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом» (1Тим.3:6), – чтобы он, говорит, согрешив так же, как диавол, не подвергся одному и тому же с ним.

4. И не отсюда только это очевидно, но и из того, что посоветовал злой бес первому из всех людей. Как добрые имеют обычай – советовать ближним то, чрез что сами сделались добрыми, так и злые имеют обычай – внушать ближним то, чрез что сами сделались злыми. Это – один из видов злобы, и утешением в собственном наказании злые считают гибель других. Что же диавол посоветовал Адаму? Допустить мысль, которая превышала собственную природу, – надеяться стать равным Богу. Если это, говорит диавол, низвергло меня с неба, то тем более то же самое извергнет его из рая. Потому и Соломон говорит: «Бог гордым противится» (Притч.3:34; 1Пет.5:5). Не сказал: Бог гордых оставляет, предоставляет самим себе, лишает Своей помощи, но говорит: «противится», – впрочем не в том смысле, будто Богу нужно ополчаться и бороться против гордого. Что может быть слабее гордого? Как лишившийся зрения беззащитен от всякой обиды, так и гордый, который не знает Господа (а «начало гордыни, – говорит Премудрый, – удаление человека от Господа» (Сир.10:14)), лишившись этого света, легко преодолевается и людьми. Если бы даже он был силен, и тогда Богу не нужно было бы ополчаться против него; Тому, для которого было достаточно одного хотения, чтобы произвести все, гораздо легче уничтожить все. Для чего же сказано: «противится»? Для того, чтобы показать сильное отвращение Его к гордому. Итак, что гордость есть тяжкая рана, видно как отсюда, так и с других сторон. Если хотите, то с другой стороны мы раскроем и причину, от которой происходит эта рана. Писание, начиная обличать кого-либо, обыкновенно не только высказывает грех его, но доказывает нам и причину греха; оно делает это для того, чтобы предостеречь здоровых от впадения в те же грехи. И врачи, приходя к больным, еще прежде болезней исследуют причины их, чтобы уничтожить зло в самом источнике, так как кто, оставляя корень, подрезывает одни ветви, тот не делает ничего иного, как только трудится напрасно. Где же Писание указывает и на грех и на причину греха? Так, оно обличает живших пред потопом за непристойные связи, и послушай,

какую представляет причину: «сыны Божии, – говорит, – увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт.6:2). Что же? Не красота ли причиною греха? Нет; она – дело премудрости Божией; а дело Божие никогда не может быть причиною порока. Или зрение? Нет; и оно – дело природы. Что же? Взгляд порочный, потому что он происходит от развращенной воли. Потому и один премудрый, увещевая, говорит: «отвращай око твое от женщины благообразной и не засматривайся на чужую красоту» (Сир.9:8). Не сказал: «не смотри», – это случается и само собою, – но: «не засматривайся», говорит, запрещая намеренный взгляд, пытлиное зрение, продолжительно-порочное рассматривание, происходящее от развращенной и похотливой души. Но какой, скажешь, отсюда может быть вред? "От нее, – говорит он, – загорается любовь»^б (Сир.9:9). Как огонь, касаясь сена или соломы, не медлит, но как скоро коснулся этого вещества, тотчас обращается в яркий пламень, так и огонь похоти, находящейся в нас, когда посредством взгляда очей коснется благовидной и блестящей красоты, тотчас воспламеняет душу. Потому не смотри на временное удовольствие, доставляемое зрением, но зри на непрестанное мучение, происходящее от похоти. Удовольствие, нанеши рану, обыкновенно прекращается; а рана не прекращается, но часто остается и губит. Как олень, смертельно раненный стрелою, хотя бы убежал от рук охотников, не получает от этого уже никакой пользы, – так и душа, пораженная стрелою похоти, от непристойного и любопытного взгляда, хотя бы бросивши стрелу и ушла, растлевается и погибает, видя везде этого врага, ее преследующего. Впрочем я говорил о том (не нужно позволять слову делать длинные отступления), что Писание обыкновенно показывает и грехи и причины их. Так и здесь, послушай, что говорит оно об Озии. Оно сообщает нам не только то, что «возгордилось сердце его», но прибавило и то, от чего оно «возгордилось». От чего же оно превознеслось? «Когда он сделался силен, – говорит, – возгордилось сердце его» (2Пар.26:16). Он не вынес величия власти, но как от пресыщения бывает воспаление, а от воспаления происходит горячка, и потом нередко отсюда приключается смерть, так и здесь от великого изобилия счастливых обстоятельств произошла гордость. Что в телах воспаление, то в душах гордость. Потом от гордости явилось в нем и желание того, что не принадлежало ему.

5. Об этом мы распространяемся не напрасно, но для того, чтобы вы никогда не завидовали и не приписывали блаженства людям, облеченным властью, зная, как опасно их положение, и чтобы никогда не считали

несчастливыми живущих в бедности и угнетении, зная, что это доставляет большую безопасность. Потому и пророк восклицал: «благо мне, что Ты смирил меня» (Пс.118:71). Посмотри, какое зло произошло от высокого положения. «Возгордилось, – говорит Писание, – сердце его на погибель» (2Пар.26:16). Что значит: «на погибель»? Из порочных помыслов одни совершенно не входят в нашу душу, если мы оградим себя великою предосторожностью; другие зарождаются внутри и, если мы будем беспечны, разрастаются; если же против них будут приняты меры, то скоро заглушаются и пропадают; а иные и рождаются, и размножаются, и обращаются в порочные действия, и расстраивают все здоровье нашей души, если мы предадимся великой беспечности. Таким образом слова: «возгордилось сердце его» означают, что гордость его не осталась внутри и не была потушена, но вышла наружу и, обратившись в порочное действие, погубила все его добродетели. Блаженное дело – совершенно не допускать порочного помысла, как и пророк говорил: "не превозносилось сердце мое» (Пс.130:1); не сказал: оно вознеслось, но я обуздал его, а даже и не начинало возноситься, т.е. я постоянно соблюдал душу недоступною для порока. Это – блаженное дело; близко к нему и то, чтобы вошедшие помыслы тотчас прогонять и не позволять им оставаться долго, дабы не образовалась в нас нива для пороков. Если же и до такой степени мы будем беспечными, то есть средство избавления и от этой беспечности, по человеколюбию Божию, и много врачебных средств против таких ран приготовлено неизреченною и великою Его благостию. Впрочем, окончим слово, чтобы не случилось теперь того, чего мы боялись в начале, чтобы обилие предметов не обременило вашей памяти. Поэтому же необходимо кратко перечислить сказанное. Так поступают матери: когда они положат за пазуху детям плодов, или сластей, или чего-нибудь подобного, то, чтобы по рассеянности детей что-нибудь из данного им не выпало, крепко стягивают одежду их поясом, чтобы со всех сторон сделать преграду. Сделаем то же и мы; широко распутившееся слово стянем и отдадим на сохранение памяти. Вы слышали, что не должно делать ничего напоказ, сколь великое зло – беспечность, как она легко низвергает и ведущего безукоризненную жизнь. Вы узнали, какая нам нужна заботливость особенно при самом конце жизни, и что не должно ни отчаиваться впавшему в грех, если он исправляется, ни полагаться на себя добродетельному, если он предается беспечности. Говорили мы вам о различии грехов и о том, что не должно засматриваться на красоту телесную, и показали, какое происходит от этого зло. Вы помните сказанное вам о гордости, равно как и о порочных помыслах. Сохраняя

это, отправимся домой; или лучше, сохраняя это, послушаем и совершеннейшего наставления отличного учителя (т.е. епископа Флавиана). Наши слова, каковы бы они ни были, носят на себе признаки молодости; а его слова, каковы бы они ни были, украшаются старческой мудростью. Наши слова подобны потоку, несущемуся стремительно; а его слова подобны источнику, изливающему реки с великим спокойствием, и уподобляющемуся более течению еля, нежели воды. Примем же эти потоки, чтобы образовался в нас «источник воды, текущей в жизнь вечную» (Ин.4:14), который да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со святым и благим Духом, честь, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном»; похвала городу Антиохии и вдохновенное обличение запрещающих брак

1. Прекрасное у нас сегодня зрелище и блистательное собрание. Какая же причина этому? Сегодняшняя жатва – плод вчерашнего посева. Вчера мы насаждали, а сегодня собираем плоды. Мы возделываем не бездушную землю, чтобы ей медлить плодами, но разумные души. Здесь не природа медлительная, но благодать споспешествующая. Благоустроенный у нас народ, послушные люди. Вчера они призваны, а сегодня получают венцы. Сегодняшнее послушание – плод вчерашнего увещания. Потому и мы охотно бросаем семена, что видим чистую ниву, не терние заглушающее, не дорогу утаптываемую, не камень бесплодный, но глубокую и тучную почву, которая, принимая семена, тотчас приносит нам и колос. Я постоянно говорю и не перестану говорить: хвала нашему городу не за то, что он имеет сенат, – и мы можем перечислять консулов, имеет много статуй, обширную торговлю и выгодное местоположение, – но зато, что в нем живет народ, любящий слушать, храмы Божии наполнены, церковь более и более находит себе отрады в слове, которое льется каждый день и никогда не насыщает жажды слушателей. Город делается достойным удивления не по зданиям, а по своим жителям. Не говори мне, что город римлян велик по своей огромности, а покажи мне там народ, любящий слушать. И Содом имел башни, а шатер был жилищем Авраама; но приходившие ангелы миновали Содом и зашли к шатру, потому что они искали не великолепия домов, но ходили и искали добродетели и красоты души. И еще: пустыня имела Иоанна, а город – Ирода; и пустыня была превосходнее города. Почему? Потому, что пророчество – не в зданиях. Говорю это для того, чтобы мы никогда не превозносили города, в котором развращены нравы. Для чего говоришь ты мне о зданиях и столбах? Они разрушаются с настоящею жизнью. Войди в церковь, и здесь посмотри на благородство города. Войди, посмотри на бедных, остающихся здесь с полуночи до рассвета, посмотри на всенощные священные бдения, соединяющие день с ночью, на этих людей, не боящихся ни насилия сна и днем и ночью, ни нужд бедности. Это – великий город и столица

вселенной. Сколько епископов, сколько учителей приходят сюда и, получив назидание от народа, уходят, чтобы правила, здесь вкоренившиеся, пересадить в другие места? Если ты будешь говорить мне о внешних достоинствах и обилии богатства, то станешь хвалить дерево по листьям, а не по плодам. Говорю это, желая не льстить вашей любви, но возвестить о вашей добродетели. Блажен я вами; блаженны вы сами собою. "Блажен, – говорит Писание, – кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих» (Сир.25:12); потому я и стал блаженным. «Блаженны алчущие и жаждущие правды» (Мф.5:6). Видите ли, как стали блаженны вы сами собою? Блажен муж, любящий духовные изречения. Это отличает нас от бессловесных. Нас отличают от них не свойства телесные, не пища, ни питье, не жилище, не жизнь: все это у нас общее с бессловесными; но чем отличается человек от бессловесных? Словом. Потому человек и называется животным словесным. Как питается тело, так питается и душа: тело хлебом, а душа словом. Если бы увидел человека, вкушающего камень, то сказал ли бы ты, что это – человек? Так точно, если ты увидишь кого-нибудь питающегося не словом, а предметами чуждыми слова, то скажешь: он перестал даже быть человеком, потому что благородство человека доказывается тем, чем он выкармливается. Итак, когда наше зрелище полно, когда волновавшееся море успокоилось и бушевавшие волны улеглись, теперь выдвинем корабль, распустив вместо паруса язык, вместо ветра призвав благодать Духа, вместо руля и кормила употребив правителем крест. В море соленые воды, а здесь живая вода; там бессловесные животные, а здесь разумные души; там плывущие стремятся с моря на землю, а здесь плывущие – с земли на небо; там корабли, а здесь духовные речи; там корабельные доски, а здесь словесные сочетания; там парус, а здесь язык; там веяние ветра, а здесь наитие Духа; там кормчий – человек, а здесь кормчий – Христос. Потому этот корабль, хотя колеблется волнами, но не потопляется. Он мог бы плыть в спокойствии, но не допускает этого Кормчий, чтобы ты видел и терпение плывущих и вполне познал мудрость Кормчего.

2. Пусть услышат эллины, пусть услышат иудеи о наших делах и превосходстве Церкви. Сколько врагов восставало против Церкви, и однако она никогда не была побеждена? Сколько властителей? Сколько военачальников? Сколько царей? Август, Тиверий, Каий, Клавдий, Нерон, люди образованные, сильные, столько восставали против нее, еще младенчествовавшей, и однако не искоренили ее; но восстававшие уже не вспоминаются и преданы забвению, а та, против которой восставали, превозносятся выше неба. Ты не смотри на то, что Церковь находится на

земле, но на то, что она жительствоует на небе. Откуда это видно? Показывают сами дела. Была война против одиннадцати учеников; вся вселенная воевала против них; но те, против кого воевали, победили, а воевавшие побеждены; овцы преодолели волков. Видишь ли пастыря, посылающего овец посреди волков, чтобы они и в бегстве не искали спасения? Какой пастырь делает это? А Христос сделал это, чтобы показать тебе, что не по естественному порядку вещей, а сверхъестественно и выше обыкновенного порядка вещей совершаются эти дела. Церковь утверждена больше неба. Язычник, может быть, обвинить меня в надменности; но пусть он подождет доказательства, и познает силу истины, что легче погаснуть солнцу, чем уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, возвещает об этом? Тот, Кто основал ее. «Небо и земля прейдут, – говорит Он, – но слова Мои не пройдут» (Мф.24:35). Это Он не только сказал, но и исполнил. Почему же Он основал Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоценнее неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человека, а не человек для неба. Это видно и из того, что Он сам сделал. Христос принял не небесное тело. Впрочем, чтобы, распространяя речь, нам сегодня опять не остаться у вас в долгу (вы знаете, сколько вчера мы обещали вам), мы готовы заплатить долг. Я отложил речь ради отсутствовавших. Но так как отсутствовавшие исполнили свою обязанность и своим присутствием доставили нам полную трапезу, то теперь и мы предложим яства, яства не устаревшие; ведь, хотя бы они были и вчерашними, они не делаются устаревшими. Почему? Потому, что они – не мясо, которое может испортиться, а мысли, постоянно цветущие. Мясо портится, потому что оно тело; а мысли, оставаясь, делаются более благовыми. О чем же мы говорили вчера? Вчера и мы наслаждались трапезой, и отсутствовавшие не потерпели потери.

«В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном». Кто говорит это? Исаия, созерцатель серафимов, бывший в браке, и однако не погасивший в себе благодати. Вы внимали пророку и слышали сегодня от пророка: «выйди ты и сын твой Шеар-ясув» (Ис.7:3). Не нужно оставлять без внимания и этого. «Выйди ты и сын твой». Итак, пророк имел сына. Если же он имел сына, то имел и жену, чтобы ты знал, что брак – не зло, а прелюбодеяние – зло. Между тем, когда мы беседуем со многими и говорим: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни? – то отвечают: как я могу, если не оставлю жены, если не оставлю детей? Почему же? Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе помощницею, а не вредительницею. Разве

не имел жены пророк? И, однако, брак не был препятствием для Духа; он и жил с женою и был пророком. Разве не имел жены Моисей? И, однако, он и рассекал камни, и изменял воздух, и беседовал с Богом, и умилоствлял божественный гнев. Разве не имел жены Авраам? И однако он стал отцом народов и Церкви; он имел сына Исаака, который также был для него поводом к добрым делам. Не вознес ли он (в жертву) сына, плод брака? Не был ли он и отцом и боголюбцем? Не оказался ли священником, принесшим в жертву собственную утробу, – священником и отцом? Не показал ли в себе природу побеждаемую и благочестие побеждающее, естественную привязанность покоряемую и благочестивые действия покоряющие, отца устраниваемого и боголюбца увенчиваемого? Не видишь ли ты его всецело и любящим сына и любящим Бога? И попрепятствовал ли ему брак? А что мать Маккавеев? Не была ли она женою? Не присоединила ли семерых сыновей к лику святых? Не видела ли их мучениками? Не стояла ли она при этом непоколебимая, как гора? Не стояла ли она, перенося мученичество с каждым из них и, как мать мучеников, не вытерпела ли семикратное мученичество? Ведь когда они были подвергаемы пыткам, она сама принимала удар. Не без боли она принимала это, потому что была мать, и терзание природы оказывало свою силу; и, однако, она не была побеждена. Было море и волны, и, однако, как бушующее море укрощается, так и возмущаемая природа была покоряема страхом Божиим. Как она намастила их? Как воспитала их? Как представляла Богу семь храмов, статуй золотых, или лучше, драгоценнейших золота?

3. А что действительно золото не так драгоценно, как душа мучеников, послушай. Явился тиран, но, будучи побежден одною женщиною, удалился. Он поражал оружием, а она побеждала твердостью духа; он разжигал печь, а она пламенела добродетелью духа; он двигал войско, а она устремлялась к ангелам; видела тирана внизу, и помышляла о Царствующем горе; видела пытки на земле, и исчисляла награды на небе; видела настоящее мучение, и представляла будущее бессмертие (2Макк.7). Потому и Павел говорил: «не на видимое, но на невидимое» (2Кор.4:18). Был ли для нее каким-нибудь препятствием брак? А Петр, основание Церкви, чрезвычайный ревнитель Христа, не учившийся красноречию и побеждавший риториков, неученый и заграждавший уста философов, расторгавший языческую мудрость, как паутину, прошедший вселенную, не имел ли и он жены? Да, имел; а что действительно имел, послушай евангелиста. Что же говорит он? Иисус приходил к теще Петра «огнем жегомой» (Мф.8:14). Где теща, там и жена; где жена, там и брак. А

Филипп? Не имел ли он четырех дочерей ([Деян.21:9](#))? Где четыре дочери, там и жена и брак. А Христос? Хотя Он родился от Девы, но приходил на брак и принес дар. «Вина нет у них», сказали Ему, и Он обратил воду в вино ([Ин.2:1–11](#)), почтив своею девственностью брак и своим даром одобряя дело, чтобы ты не отвращался брака, а ненавидел прелюбодеяние. Я, хотя и с опасностью, но обещаю тебе спасение, если ты и будешь иметь жену.

Будь внимателен к самому себе. Жена, если она добрая, бывает твоею помощницею. А что, если она недобрая? Сделай ее доброю. Разве у других не были жены и добрые и злые, чтобы ты не имел предлога к оправданию? Какова была жена Иова? Напротив Сарра была доброю. Укажу тебе на жену худую и злую. Не повредила мужу жена Иова. Она была худа и зла и советовала ему богохульствовать. Что же? Поколебала ли она эту крепость? Сокрушила ли этот адамант? Преодолела ли эту скалу? Поразила ли она этого воина? Ниспровергла ли этот корабль? Исторгла ли это дерево? Нисколько. Она нападала, а крепость делалась более твердою; она воздвигала волны, а корабль не утопал, но плыл спокойно; плоды дерева были обрываемы, а само дерево не колебалось; листья падали, а корень оставался твердым. Говорю это для того, чтобы никто не ссылался на злобу жены. Худа она? Исправь ее. Она, скажешь, лишила меня рая. Но она возвела тебя и на небо. Природа одна и та же, но душевное настроение различно. Худа жена Иова? Но хороша Сусанна. Бесстыдна египтянка? Но скромна Сарра. Ты видишь ту? Посмотри и на эту. И из мужей одни злы, а другие добры. Иосиф был прекрасен, но старшие его (братья) бесстыдны. Видишь ли везде зло и добродетель, происходящие не от природы, а получающие отличительные свойства свои от душевного настроения? Не представляй мне предлогов к своему оправданию. Впрочем, поспешим к долгу и его уплате. «В год смерти царя Озии». Я намереваюсь сказать о том, для чего пророк означает время события. Вчера мы спрашивали, почему, тогда как все пророки и даже этот самый пророк в других местах говорит о времени жизни царей, здесь этот обычай нарушен, и не говорит он: во дни Озии, но: в год смерти Озии? Сегодня я хочу решить это. Хотя теперь большой жар, но еще больше роса слова; хотя утомляется изнемогающее тело, но радуется бодрствующая душа. Не говори мне о жаре и поте. Если ты потеешь телом, то омываешь свою душу. Три отрока были в печи, и не потерпели никакого вреда, но печь была для них роскою. Когда ты думаешь о поте, то думай и о награде и о воздаянии. Водолаз осмеливается бросаться в глубину вод не для чего иного, как для жемчужин, которые бывают причиною войны. Впрочем, я порицаю не

вещество, а развращение души. А ты для того, чтобы получить сокровище неоскудевающее и возрастить виноград в душе своей, не хочешь переносить жара и пота? Не видишь ли, как сидящие на зрелище потеют и на обнаженную голову принимают лучи солнца, чтобы сделаться пленниками смерти, рабами блудницы? Они трудятся для своей гибели, а ты не хочешь трудиться для своего спасения? Ты – ратоборец и воин. Итак, кто этот Озия, и для чего пророк сказал об его смерти? Этот Озия был царь, муж праведный и украшавшийся многими добрыми делами; но потом впал в гордость, в гордость, мать пороков, в надменность, исполненную смятений, в высокомерие, погубившее диавола. Подлинно, нет ничего хуже гордости; потому вчера мы и вели всю речь об этом, истребляя гордость и научая смиренномудрию.

4. Сказать ли тебе, сколь великое благо – смиренномудрие и сколь великое зло – гордость? Грешник победил праведного, мытарь – фарисея, слова оказались выше дел. Как слова? Мытарь говорил: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!»; а фарисей говорил: «я не таков, как прочие люди», хищник или неправедник, но что? «Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» (Лк.18:11–13). Фарисей выставил праведные дела; мытарь произносил слова смирения, – и слова оказались выше дел, и такое сокровище развеялось, и такая бедность обратилась в богатство! Пришли два корабля с грузом; оба подошли к пристани, но мытарь вступил в пристань благополучно, а фарисей потерпел кораблекрушение, чтобы ты знал, сколь великое зло – гордость. Ты праведен? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми делами? Не поноси ближнего и удержишься от похвалы себе. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведник должен бояться гордости больше, нежели грешник, – это я и вчера говорил и сегодня повторяю для тех, которые вчера не были, – потому что грешник по необходимости имеет смиренную совесть, а праведник может гордиться своими добрыми делами. Как между мореплавателями имеющие пустой корабль не боятся шайки разбойников, потому что они не нападают на пустой корабль, а имеющие корабль, наполненный грузом, боятся разбойников, потому что разбойник обыкновенно является там, где золото, где серебро, где драгоценные камни, – так и диавол не скоро нападает на грешника, но на праведника, где много богатства. Гордость часто происходит от наветов диавола; потому нужно бодрствовать. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебе нужно остерегаться, чтобы не упасть. Потому и Господь наш говорит: «и вы, когда исполните всё

повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк.17:10). Что ты много думаешь о себе, будучи человеком, сродным земле, единосущным с пеплом, и по природе, и по мыслям, и по произволению в делах? Сегодня ты богат, завтра беден; сегодня здоров, завтра болен; сегодня весел, завтра печален; сегодня в славе, завтра в бесчестии; сегодня молод, завтра стар. Прочно ли что-нибудь человеческое, и не течет ли оно подобно речным потокам? Оно лишь только явилось, и уже оставляет нас быстрее тени. Что же превозносишься ты, человек, дым, суета? «Человек подобен суете: дни его, как тень, проходят» (Пс.143:4). «Засыхает трава, увядает цвет» (Ис.40:7).

Говорю это не для того, чтобы унижить существо человека, но чтобы обуздать гордость. Великое создание – человек, и почтенное существо – муж милосердый. Но этот Озия, будучи царем и облеченным в диадему, стал превозноситься потому, что был праведным, и возгордившись больше собственного достоинства, вошел во святилище. И что говорит Писание? «Вошел в храм Господень, чтобы воскурить *фимиам* на алтаре кадильном» (2Пар.26:16). Будучи царем, он похищает преимущество священства; хочу, говорит, «воскурить *фимиам*», потому что я – праведен. Но остановись в своих пределах; иные пределы царской власти, и иные пределы священства; последнее больше первой. Не видимыми вещами отличается царь; не по камням, прикрепленным к нему, и золоту, которым он облечен, должно судить о царе. Он получил власть распоряжаться делами земными; а постановление священства занимает место горе. «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» (Мф.18:18); Царю вверено здешнее, а мне – небесное; когда я говорю: мне, то разумею священника. Потому, когда ты увидишь недостойного священника, не порицай священства, потому что не предмет нужно осуждать, но того, кто худо пользуется хорошим предметом. И Иуда сделался предателем; но это – позор не апостольству, а его душевному настроению; не вина священства, а зло душевного настроения.

5. Итак, осуждай не священство, а священника, худо пользующегося хорошим предметом. Потому, когда кто-нибудь, беседа с тобою, скажет: видел ли ты такого-то (священника) христианином? – отвечай: я говорю с тобою не о лицах, а о предметах. Сколь многие врачи делались палачами и давали яд вместо лекарства? Но я осуждаю не искусство, а того, кто худо пользуется искусством. Сколь многие кормчие затопили корабли? Но худо не искусство мореплавания, а их душевное настроение. Если он и был дурным христианином, то осуждай не учение и священство, а того, кто худо пользуется хорошим предметом. Царю вверены тела, а священнику –

души; царь прощает недоимки денежные, а священник – недоимки греховные; тот заставляет, этот убеждает; тот действует повелением, этот – советом; тот имеет оружие чувственное, этот – оружие духовное; тот ведет войну с варварами, а я веду войну с бесами. Последняя власть больше; потому царь и преклоняет голову под руки священника, и всегда в ветхом завете священники помазывали царей. Но царь Озия, вышедши из своих пределов и преступив меру царской власти, решился присвоить себе лишнее и с дерзостью вошел во святилище, желая кадить фимиамом. Что же священник? Непозволительно тебе, Озия, сказал он, кадить фимиамом. Посмотри на дерзновение, на нераболепный образ мыслей, на язык, касающийся неба, на свободу, ничем нестесняющуюся, на тело человека и ум ангела, на ходящего по земле и обитающего на небе. Он видел царя, и не смотрел на порфиру; видел царя, и не смотрел на диадему. Не говори мне о царской власти там, где беззаконие. "Не тебе, царь Озия, кадить Господу», во святом святых; ты престаупаешь пределы, присвояешь не данное тебе; потому ты потеряешь и то, что получил. «Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников»; это не твое, а мое. Похитил ли я твою порфиру? Не похищай же ты моего священства. «Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых» (2Пар.26:18). Это происходило спустя много времени после смерти Аарона. Почему же он не сказал только: «священникам», но упомянул и о праотце? В то время случилось нечто подобное. Дафан, Авирон и Корей восстали против Аарона; но разверзлась земля и поглотила их; сошел огонь с неба и попалил их (Чис.26:9–10). Потому священник, желая напомнить царю из тогдашней истории, что и прежде нападали на священство, но оно не было унижено, и восставало множество людей, но Бог отмстил за него, сказал: «не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых». Не сказал: вспомни, что потерпели тогда сделавшие это; не сказал: подумай, что восставшие были сожжены; но назвал Аарона, за которого было отмщено, и привел царю на память это событие, как бы так сказав: не дерзай на дела Дафана, чтобы тебе не потерпеть того же, что было при Аароне. Но царь Озия не послушался, а надмеваясь гордостью, вошел во святилище открыл святое святых и хотел кадить фимиамом. Что же Бог? Когда таким образом священник был презрен и достоинство священства попрано, и уже священник не мог сделать ничего, – ведь дело священника только обличать и показывать дерзновение, а не употреблять оружие, не братья за щиты, не потрясать копьем, не натягивать лук, не бросать стрелы, но только обличать и показывать дерзновение, – когда священник обличал, а царь не слушался, но взялся за оружие, щиты и копья, и

воспользовался своею властью, тогда священник сказал к Богу: я сделал свое дело, больше не могу сделать ничего; помоги попираемому священству; законы нарушаются, правила ниспровергаются. Что же Человеколюбец? Он наказал дерзкого. «Проказа явилась на челе его» (2Пар.26:19). Где бесстыдство, там и наказание.

Но видишь ли человеколюбие в самом наказании Божиим? Он не послал молнии, не потряс земли, не подвиг неба, но «проказа явилась», не на другом каком-нибудь месте, а на челе, чтобы лицо носило следы наказания, как письма, начертанные на столбе; это сделано было не только для него, но и для тех, которые будут после него. Имея силу послать другое достойное наказание, Он не послал, но как бы начертал на каком-нибудь высоком месте закон, который говорил: не делайте этого, чтобы не потерпеть того же. Вышел одушевленный закон, и чело издавало голос громче трубы. Письмена были начертаны на челе, письма, которые не могли быть изглажены, потому что они были написаны не чернилами, чтобы можно было изгладить их, но были естественною проказою, которая сделала царя нечистым, чтобы других сделать чистыми. И как осужденных на казнь, когда дадут им веревку, выводят с веревкою в устах, так и этот ходил, имея вместо веревки проказу на челе, за то, что поругался над священством. Говорю это, осуждая не царей, но безумствующих от гордости и гнева, чтобы вы знали, что священство больше царской власти.

6. Так всегда, когда согрешит душа, Бог наказывает тело. Так Он поступил и с Каином. Согрешила душа его, совершившая убийство, а тело его подверглось расслаблению; и весьма справедливо. Почему? «Стеня и трясыйся⁷, – сказал Бог, – будешь на земли» (Быт.4:12). И ходил Каин, возвещая об этом всем, рассказывая молча, научая без слов. Язык молчал, а члены зывали и говорили всем, почему он стонет, почему трясется: я убил брата, я совершил убийство. Моисей после говорил письменно, а этот ходил и самым делом говорил всем: "не убий". Видишь ли уста, которые молчали, и дело, которое зывало? Видишь ли одушевленный закон, носимый везде? Видишь ли столб, переходивший с одного места на другое? Видишь ли мщение за мщение? Видишь ли наказание, послужившее основанием назидания? Видишь ли душу согрешившую и плоть наказываемую? И весьма справедливо. Так было и с Захарию: душа его согрешила, а язык был связан. Захария, родивший глас (вопиющего в пустыне), действительно был наказан, когда у него орудие слова сделалось неспособным к употреблению. И Озия, когда согрешил, был поражен проказою на челе, чтобы он вразумился. Таким образом царь вышел, сделавшись примером для всех, и храм очистился; он был изгнан, хотя

никто не изгонял его, и, желая присвоить себе священство, потерял и то, что имел. И вышел он из храма. В древности был закон – всякого прокаженного изгонять из города; а ныне уже нет. Почему? Потому, что тогда Бог обращался с людьми, как с детьми; тогда была проказа телесная, а теперь наблюдается проказа душевная. Итак вышел царь в прокаже, а они не изгнали его из города, боясь его порфиры и царской власти, и опять он занял свое место вопреки закону? Что же Бог? Прогневавшись на иудеев, Он прекратил пророчество. Все это я сказал по поводу изречения пророка, чтобы уплатить долг. Но возвратимся к предмету. Царь вышел из храма прокаженным. По обычаю должно было бы изгнать его и из города, как нечистого; но народ дозволил ему оставаться внутри города, и не осмелился сделать ничего должного, ни малого, ни великого. И потому, так как они оставили царя в городе, Бог отвратился от них и прекратил благодать пророчества; и весьма справедливо. За то, что они нарушили закон Его и боялись изгнать нечистого, Он прекратил дар пророчества. «Слово Господне было редко в те дни, видения *были* не часты" (1Цар.3:1), т.е. Бог не говорил с ними чрез пророков; не было им вдохновения от Духа, которым они говорили, потому что между ними был нечистый, а благодать Духа не действовала между нечистыми. Потому она и не была присуща, не являлась пророкам, но молчала и скрывалась. Чтобы сказанное было для вас понятным, объясню примером. Как человек, питающий к кому-нибудь любовь, жестоко обиженный им в чем-нибудь, говорит ему: я больше не покажусь тебе, не стану говорить с тобою, – так поступил тогда и Бог. Когда не изгнавшие Озии прогневали Его, то Он сказал: Я больше не стану говорить пророкам вашим, не буду ниспосылать благодати Духа. Посмотри на наказание, исполненное милосердия. Он не послал молнии и не потряс города в самом основании; но что? Вы, говорит, не хотите отмстить за Меня? И Я не буду беседовать с вами. Не мог ли Я изгнать его? Но Я хотел предоставить остальное вам. Вы не хотите? И Я не буду беседовать с вами и не стану вдохновлять пророков. И благодать Духа не действовала, было молчание, вражда между Богом и людьми. Когда же потом царь умер, то уничтожилась и причина нечистоты. Таким образом пророк долго не пророчествовал, но, между тем как он не пророчествовал, гнев Божий прекратился, и пророчество возвратилось. По этой необходимости пророк означает время и говорит: «в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном». Когда он умер, тогда я увидел Господа; прежде я не видел Бога, гневавшегося на нас. Пришла смерть нечистого и прекратила этот гнев. Потому он, везде упоминая о жизни царей, здесь сказал о

смерти Озии. «В год смерти, – говорит, – царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном». Но здесь опять можно видеть человеколюбие Божие. Умер нечистый, и примирился Бог с людьми. Почему это произошло, тогда как с их стороны не было никаких добрых дел, но только умер царь? Потому, что Бог человеколюбив и не бывает строг к таким людям. Человеколюбивый и благий Бог требовал только одного, чтобы удалился нечистый. Итак, зная это, отгоним гордость, возлюбим смиренномудрие и будем воздавать обычную славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 5. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа», и доказательство того, что справедливо наказан был проказою Озия, недостойно кадивший, что позволительно не царям, а священникам

1. Сегодня мы окончим беседы об Озии и завершим речь, чтобы и нам не подвергнуться осмеянию, подобно тому человеку, упоминаемому в Евангелии, который решился построить башню и не мог, чтобы кто-нибудь из проходящих и об нас не сказал: «этот человек начал строить и не мог окончить» (Лк.14:30). Но чтобы сказанное было для вас более ясным, нужно повторить немного из прежде сказанного, дабы наша беседа не вышла на духовное зрелище без головы, но дабы, приняв свой вид, была узнана зрителями. Это будет для слышавших уже напоминанием, а для не слышавших наставлением. Итак, прежде мы говорили о том, как благочестив был Озия, как он сделался дурным, отчего и до какой степени он впал в гордость; а сегодня нужно сказать, как он вошел во святилище, как решился кадить фимиамом, как священник не позволял, как тот не послушался, как навлек на себя гнев Божий, как окончил жизнь в проказе, и почему пророк, оставив дни жизни его, упомянул о смерти, сказав так: «в год смерти царя Озии». Для того мы и рассказали все событие с начала. Слушайте же со вниманием. «Но когда он сделался силен, – говорит Писание, – возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом Богом своим». Каким образом обидел? "Ибо вошел, – говорит, – в храм Господень, чтобы воскурить *фимиам*" (2Пар.26:16). О, дерзость! О, бесстыдство! Осмелился вступить в самое сокровенное святилище, вторгся во святое святых, которое было местом, недоступным ни для кого, кроме первосвященника, решился осквернить его. Такова душа, зараженная гордостью. Однажды оставив попечение о своем спасении, она никогда не перестает безумствовать, но, передав бразды своего спасения безумным пожеланиям, носится везде. Как необузданный конь, сбросив узду с своих уст и свергнув всадника с своего хребта, несется быстрее всякого ветра и бывает неприступным для встречающихся, когда все разбегаются и никто не осмеливается удержать его, так и душа, отвергнув обуздывающий ее страх Божий и отбросив

управляющий ею разум, бегают по странам нечестия до тех пор, пока, стремясь в бездну погибели, свергнет в пропасть собственное спасение. Потому, нужно постоянно удерживать ее и, как бы некоторою уздой, благочестивыми помыслами обуздывать безумное ее стремление; этого Озия не сделал, но решился на преступление против власти самой высшей из всех, – потому что священство важнее самой царской власти и есть высшая власть. Не говори мне о багрянице, о диадеме и золотых одеждах; все это – тень и маловажнее весенних цветов. «Всяка слава человека, – говорит пророк, – яко цвет травный» (Ис.40:6), хотя бы ты указал на самую славу царскую. Не говори же мне об этом; но если хочешь видеть различие между священником и царем, исследуй меру власти, данной каждому из них, и увидишь, что священник сидит гораздо выше царя. Хотя царский престол кажется нам важным по прикрепленным к нему камням и облекающему его золоту, но царь получил власть распоряжаться делами земными и больше этой власти не имеет ничего, а престол священства утвержден на небесах, и священнику вверено устроить тамошние дела. Кто говорит это? Сам Царь небес. «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе, – говорит Он, – и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф.18:18). Что может сравниться с такою честью? Небо получает начало суда с земли. Судия сидит на земле, и Владыка следует за рабом; и что последний присуждает внизу, то Он утверждает горе. Священник стоит посредником между Богом и родом человеческим, низводя на нас оттуда благодеяния и вознося туда наши прошения, примиряя со всею природою разгневанного Бога, и нас, разгневавших Его, избавляя от рук Его. Посему Бог преклоняет и самую царскую главу под руки священника, научая нас, что последний по власти больше первого: меньшее благословляется от лучшего. Впрочем, о священстве и о том, как велико это достоинство, мы скажем в другое время; а теперь посмотрим, как велико было беззаконие Озии царя, или лучше тирана. Он вошел в храм Господень; за ним вошел и священник Азария. Напрасно ли я говорил, что священник больше царя? Намереваясь изгнать его, не как царя, но как беглеца и неблагодарного слугу, священник вошел с решительностью, подобно тому, как благородный пес нападает на нечистого зверя, чтобы выгнать его из дома господина.

2. Видишь ли душу священника, исполненную великого дерзновения и высоких мыслей? Он не посмотрел на величие власти, не подумал, как опасно останавливать душу, одержимую страстью, не внял словам Соломона: «гнев царя – как рев льва» (Притч.19:12); но взирая на истинного Царя небес, представляя то судилище и те воздаяния и оградив

себя этими мыслями, таким образом обратился к тирану. Он знал, верно знал, что угроза царя подобна гневу льва для тех, чьих взоры устремлены к земле; а для человека, который имеет в виду небо и готов лучше положить душу свою внутри святилища, нежели спокойно взирать на оскорбление священных законов, он маловажнее всякого пса. Подлинно, нет ничего бессильнее преступающего божественные законы, равно как нет ничего сильнее защищающего божественные законы. «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин.8:34), хотя бы он имел на голове бесчисленное множество венцов; а творящий правду царственнее самого царя, хотя бы он был последним из всех. Так размышляя в самом себе, этот благородный муж приступил к царю. Войдем же и мы вместе с ним, если угодно, чтобы слышать, что он говорит царю. Это возможно; и не мало пользы – видеть, как царь обличается священником. Что же говорит священник? «Не тебе, Озия, кадить Господу» (2Пар.26:18). Не назвал его царем, не назвал именем власти, потому что предварительно тот сам себя лишил чести. Видишь ли дерзновение священника? Теперь посмотри и на кротость его. Нам нужно не только дерзновение, когда мы намереваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновение, потому что грешники никого из людей так не отвращают и не ненавидят, как того, кто намеревается обличать их; они стараются найти предлог – уклониться и избежать обличения; поэтому нужно удерживать их кротостью и снисходительностью. Обличитель несносен для грешников не только тогда, когда они слышат его голос, но и тогда, когда только видят его. «Тяжело нам, – говорят они, – и смотреть на него» (Прем.2:15); поэтому нужно оказывать к ним великую кротость. Для того и пророческое слово представило нам как грешника, так и того, кто намеревается исправить его. Так мудрые врачи, намереваясь отсечь загнившие члены, или вынуть камни, образовавшиеся в проходах, или исправить другой какой-нибудь естественный недостаток, делают это, не отводя больного в угол, но полагая его среди площади, и, составив зрелище из мимоходящих, таким образом производят отсечение. Они делают это не для того, чтобы выставить на позор человеческие бедствия, но чтобы каждый имел великое попечение о собственном здоровье. Так поступает и Писание. Когда оно берет кого-нибудь из грешников, то громогласно выставляет его на вид не среди площади, а среди всей земли, и, составив зрелище из вселенной, таким образом прилагает врачество, научая нас более заботиться о собственном спасении. Посмотрим же, как священник начал тогда исправлять царя. Он не сказал: «о, нечестивый и пренечестивый, ты все низвратил и привел в беспорядок, ты дошел до

крайней степени нечестия»; и не распространился в продолжительных обличениях, но как отсекающие стараются делать это быстро, чтобы скоростью сечения уменьшить чувство боли, так и он краткостью обличения остановил гнев царя. Действительно, что – отсечение для больных, то – обличение для грешников. Кротость он показал нам между прочим и краткостью речи. А если хочешь видеть и сечение в словах его, и то, где он скрыл железо, послушай. «Не тебе, Озия, – говорил он, – кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых, посвященных для каждения» (2Пар.26:18). Этим он нанес удар; а как, я скажу. Почему он не сказал просто: «священникам», но упомянул притом и об Аароне? Аарон был первым первосвященником, и в его времена была сделана такая же дерзость. Дафан, Корей и Авирон, вместе с некоторыми другими восставши против него, хотели сами священствовать; но одних из них поглотила расступившаяся земля, других сжег нисшедший с неба огонь (Чис.16; Пс.105:17–18). Итак, желая напомнить царю об этом событии священник напомнил ему об Аароне, который был оскорблен тогда, – чтобы обратить мысли его на несчастье оскорбивших. Впрочем, от этого не было никакого успеха, не по вине священника, но по дерзости царя. Следовало бы похвалить священника и выразить благодарность за совет; а он, говорит Писание, «разгневался» и сделал рану свою более тяжкою (2Пар.26:19). Не столь великое зло – грех, как бесстыдство после греха. Но Давид поступил не так, а как? Будучи обличен Нафаном за Вирсавию, он сказал: «согрешил я пред Господом» (2Цар.12:13).

3. Видишь ли сердце сокрушенное? Видишь ли душу смиренную? Видишь ли, как и сами падения святых славны? Как прекрасные тела и в болезни своей показывают нам много следов благообразия, так и души святых в самих падениях носят знаки своей добродетели. Притом Давид был обличаем пророком среди царского дворца, в присутствии многих; а этот получил обличение внутри святилища без свидетелей, и однако не перенес обличения. Что же? Остался без исцеления? Нет, по человеколюбию Божию; но как о бесноватом, когда ученики не могли изгнать из него беса, Христос сказал: «приведите его ко Мне сюда» (Мф.17:17), так и здесь, когда священник не мог отгнать болезнь, худшую всякого беса, т.е. грех, то наконец сам Бог принимается за больного. И что Он делает? Поражает его проказою на челе. «И когда разгневался он на священников, – говорит Писание, – проказа явилась на челе его, пред лицом священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного» (2Пар.26:19), и он вышел, подобно тому, как отводимые на смерть имеют на устах веревку, знак осуждения, так и он, имея знак бесчестия на челе; но не

палачи влекли его, а сама проказа вместо палачей толкала его в голову. Он вошел, чтобы присвоить священство, но потерял и царство; вошел, чтобы сделаться более почтенным, но сделался презреннейшим; как нечистый, он стал ниже всякого простолюдина. Таково зло – не оставаться в пределах, назначенных нам Богом, как в отношении к чести, так и в отношении к знанию. Не видишь ли ты, как это море бывает непреодолимо во время бури, какими оно поднимается волнами? Но, поднявшись до великой высоты и стремясь с великою яростью, когда оно достигнет предела, назначенного ему Богом, то, обратив волны в пену, принимает опять свой прежний вид. Между тем, что может быть слабее песка? Впрочем не песок полагает ему препятствие, а страх пред Тем, Кто назначил ему пределы. Если же тебя не вразумляет этот пример, то пусть научит тебя событие с Озию, теперь изложенное нами.

Но так как мы уже видели гнев Божий и достойное воздаяние, то теперь покажем и человеколюбие и великое снисхождение Его. Нужно говорить не только о гневе, но и о благодати Божией, чтобы не привести слушателей ни в отчаяние, ни в беспечность. Так и Павел поступает, употребляя в увещании и то и другое: «видишь благодать и строгость Божию» (Рим.11:22), говорит он, чтобы и страхом и благими надеждами восстановить падшего. Видишь ли строгость Божию? Посмотри и на благодать Его. Как же можем мы увидеть эту благодать? Если узнаем, чего достоин был Озия. Чего же он был достоин? Как только он вошел в священный притвор с таким бесстыдством, то стал достоин тысячи молний и крайнего наказания и мучения. Если прежде дерзнувшие на то же, сообщники Дафана, Корея и Авирона, подверглись такому наказанию, то гораздо больше должен был подвергнуться такому же наказанию он, не вразумившийся и их несчастием. Но Бог не сделал этого, а наперед чрез священника предложил ему увещание, исполненное великой снисходительности, и как Христос заповедал делать людям, когда они согрешают друг против друга, так Бог поступил и с этим человеком. "Если же, – говорит он, – согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним» (Мф.18:15). Так обличил Бог и этого царя. Христос продолжает: «если же не послушает..., то да будет он тебе, как язычник и мытарь» (Мф.18:16–17). Но Бог, по своему человеколюбию превышая собственные законы, и тогда не поразил его, не отверг его, послушавшегося и вознегодовавшего, но опять обратился к нему и научил таким способом, который служил более к исправлению, нежели к наказанию. Он не послал молний свыше, не сжег бесстыдной головы, а только вразумил проказою. Так было с Озию; но я прибавлю еще одно

только и окончу слово. Что же именно? То, о чем мы спрашивали выше, в начале: почему, тогда как во внешних делах и в пророчествах все обыкновенно означают время жизни царей, здесь пророк, опустив это, упомянул о времени смерти Озии, говоря так: «в год смерти царя Озии»? Тогда как можно было означить время царствовавшего тогда государя, как было в обыкновении у всех пророков, он не сделал этого. Почему же не сделал? Был древний закон – изгонять прокаженного из города, чтобы и живущие в городе сделались лучшими, и сам он не был предметом шуток и посмеяния для желающих оскорблять его, но чтобы, оставаясь вне города, он имел уединение завесою несчастья. Тому же должен был подвергнуться и этот царь после проказы; но он не подвергся, так как жители города боялись его по причине власти его, а жил тайно в своем доме. Это прогневало Бога и прекратило пророчества, как случилось и при Илии: «слово Господне было редко в те дни, видения *были* не часты" (1Цар.3:1). Но ты посмотри и здесь на человеколюбие Божие. Он не разрушил города и не погубил жителей, но как друзья поступают с равными им, оставаясь в молчании, когда имеют право укорять их в чем-нибудь, так и Бог поступил с народом, который достоин был большего наказания и мучения. Я, говорит Он, изгнал его из святилища, а вы не изгнали его из города; Я, связав его проказою, сделал его частным человеком, а вы и тогда не ободрились, но осужденного Мною не решились выгнать из города. Какой царь мог бы спокойно перенести это, и не разрушил бы города до основания, видя, что тот, кому повелено переселиться за пределы, остается в городе? Но Бог не сделал этого, потому что Он – Бог, а не человек. Когда же царь умер, то с его жизнью Бог прекратил и гнев свой на них, отверз двери пророчества, и оно опять возвратилось к ним. Но ты из этого способа примирения усматривай человеколюбие Божие. Если кто станет исследовать дело по справедливости, то выходит, что ему тогда не следовало примириться. Почему? Потому, что не их заслугою было изгнание Озии. Не они, взяв, изгнали его, но смерть, наступившая по закону природы, извергла его тогда из города. Но Бог не взыскателен к нам до такой степени, а желает только одного, – как бы примириться с нами. За все это будем благодарить Его и прославлять неизреченно Его человеколюбие, которого да окажемся достойными все мы, благодатию и щедротами Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 6. О серафимах

1. Едва только мы переплыли море собеседования об Озии, едва переплыли не вследствие длинноты пути, но вследствие вашей плывущих вместе с нами, любознательности. Так и кормчий, имея спутников любознательных и желающих видеть чужие города, совершает путь не в один день, хотя бы расстояние было только на один день, но принужден бывает употреблять на это больше времени, подплывая к каждой пристани, позволяя заходить в каждый город, чтобы сколько-нибудь удовлетворить желанию плывущих вместе с ним. Тоже сделали и мы, плавая не около островов, показывая не берега, пристани и города, но добродетели мужей праведных и беспечность грешников, бесстыдство царя и дерзновение священника, гнев Божий и человеколюбие Его, из которых то и другое послужило к исправлению. Но так как наконец мы дошли до царского города, то уже не будем медлить, а устроив себя, как намеревающиеся войти в город, таким образом взойдем в горную столицу, Иерусалим, мать всех нас, город свободный, где серафимы, где херувимы, где тысячи архангелов, где тысячи тысяч ангелов, где престол царский. Пусть же не присутствует здесь никто из непосвященных и нечестивых, – потому что мы намереваемся приступить к таинственным повествованиям, – никто из нечистых и недостойных слушать об этом; или лучше – пусть присутствует всякий, и непосвященный и нечестивый, только пусть оставить вне всякую нечистоту и порочность и таким образом входит сюда. Так и того человека, который имел нечистые одежды, отец жениха выгнал из брачного дома и священного чертога не за то, что он имел нечистые одежды, но за то, что вошел, имея их; не сказал ему: почему ты не имеешь одежды брачной, но: «как ты вошел сюда не в брачной одежде?» (Мф.22:12). Ты стоял говорит, на распутьях, прося милостыни, и я не постыдился твоей бедности и не отвратился от твоего презренного состояния, но, избавив тебя от всякого унижения, ввел в священный чертог, удостоил царской вечери и оказал высшую честь тебе, достойному крайнего наказания; а ты и от благодеяний не сделался лучшим, но остался при обычном пороке, обесчестив брак, оскорбив и жениха; отойди же теперь и понеси должное наказание за такую бесчувственность. Так и каждый из нас пусть смотрит, чтобы не слышать таких же слов, и, оставив всякие помыслы, недостойные духовного учения, пусть таким образом участвует в священной трапезе. «В год смерти царя Озии, – говорит пророк, – видел я Господа, сидящего на престоле высоком и

превознесенном». Как он видел, я не знаю; о том, что он видел, он сказал; а как видел, о том умолчал; я принимаю сказанное, но не любопытствую знать умолчанное; разумею открытое, но не исследую сокрытого; для того оно и сокрыто. Объяснение Писаний есть золотая ткань, основа ее – золото, нить ее – золото; не примешиваю тканей паутинных; знаю слабость моих мыслей. «Не передвигай, – говорит Премудрый, – межи давней, которую провели отцы твои» (Притч.22:28). Переставлять пределы не безопасно; и как мы переставим то, что назначил нам Бог? Ты хочешь знать, как пророк видел Бога? Будь и сам пророком. Но как, скажешь, это возможно для меня, имеющего жену и заботящегося о воспитании детей? Возможно, если захочешь, возлюбленный. И этот пророк имел жену и был отцом двоих детей, но ничто такое не было для него препятствием. Подлинно, брак не служит препятствием для шествия к небу. Если бы он был препятствием и жена была бы причиной наших бедствий, то Бог, вначале сотворив ее, не назвал бы ее помощницею. Я хотел сказать, что значит «седение» Божие. Бог не сидит, потому что это – положение тела, а Божество бестелесно.

2. Я хотел сказать, что значит "престол" Божий. Бог не объемлется престолом, потому что Божество неограниченно. Но боюсь, чтобы, распространяясь в беседе об этом, мне не замедлить уплатою долга. Я вижу, что все хотят слышать о серафимах, и не сегодня только, но еще с первого дня; потому мое слово, проходя, как бы чрез толпу людей, чрез множество мыслей, встречающихся ему с великим стремлением, спешит к этому повествованию. «Вокруг Него стояли Серафимы», говорит пророк (Ис.6:2). Вот серафимы, которых давно все вы желали видеть. Посмотрите же, насытите ваше желание, но без смятения и без поспешности, как бывает при царских выходах. Там это бывает по необходимости; копьеносцы не ожидают, пока зрители насмотрятся, но прежде, нежели они хорошо рассмотрят все, заставляют удалиться; а здесь не так, но слово представляет нам зрелище до тех пор, пока вы не рассмотрите всего, сколько можно рассмотреть. «Вокруг Него стояли Серафимы». Прежде достоинства естества их пророк показал нам достоинство их по близости их местопребывания. Он не сказал прежде, каковы серафимы, но сказал, где они стояли. Последнее показывает достоинство их больше первого. Почему? Потому, что величие этих сил не столько доказывается тем, что они серафимы, сколько тем, что они стоят близ Царского престола. И мы тех из копьеносцев считаем знаменитейшими, которых видим идущими близ самой царской колесницы. Так и из бестелесных сил те – светлее, которые находятся близ самого престола. Потому и пророк, не говоря о

достоинстве естества их, наперед говорит нам о преимуществе их по местопребыванию, зная, что в этом – высшее их украшение, что в этом – красота тех существ. Подлинно, в том слава, и честь, и всякая безопасность, чтобы являться около этого престола. Тоже можно видеть и касательно ангелов. Христос, желая показать величие их, не сказал, что они ангелы, и потом замолчал, но сказал: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:10). Как там высшим знаком достоинства ангельского служит то, что они видят лицо Отца небесного, так и здесь высшим знаком достоинства серафимов служит то, что они стоят вокруг престола, а он находится посреди их. Но это великое достоинство и тебе можно получить, если захочешь. Господь находится посреди не только серафимов, но и нас самих, если мы захожем. «Ибо, где двое или трое, – говорит Он, – собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20); и еще сказано: «близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет» (Пс.33:19). Потому и Павел взывает: «о горнем помышляйте,... где Христос сидит одесную Бога» (Кол.3:1–2). Видишь ли, как он поставил нас вместе с серафимами, приведши близко к Царскому престолу? Далее пророк говорит: «у каждого из них по шести крыл». Что показывают нам эти шесть крыльев? Высоту, возвышенность, легкость и быстроту этих существ. Потому и Гавриил нисходит с крыльями, – не потому, чтобы были крылья у этой бестелесной силы, но в знак того, что он сошел с высочайших областей, оставив горния обители. А что значит число крыльев? Здесь нет и нужды в нашем толковании, потому что само слово объяснило себя, описав нам их употребление. "Двумя, – говорит, – закрывал каждый лице свое», – и справедливо: ими, как бы некоторою двойною оградой, они заграждали свои взоры, потому что не переносили блеска, исходящего от этой славы. «И двумя закрывал ноги свои», может быть, по причине той же поразительности. Так и мы обыкновенно, будучи объаты каким-нибудь ужасом, со всех сторон закрываем свое тело. Что я говорю о теле, когда и сама душа, почувствовав тоже при чрезвычайных явлениях и сосредоточив свою деятельность, убегает в глубину, со всех сторон ограждая себя телом, как бы некоторым покровом? Впрочем, слыша об изумлении и ужасе, да не подумает кто-нибудь, что они находятся в некотором неприятном страхе; с этим изумлением соединено и некоторое безмерное удовольствие. «И двумя летал». И это служит знаком того, что они постоянно стремятся к высокому и никогда не смотрят вниз. «И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят» (Ис.6:3). И воззвание их также служит для нас величайшим знаком их удивления; они не просто воспевают, но весьма громко, и не только

громко, но и постоянно делают это. Тела светлые, хоты бы они были даже чрезвычайно светлыми, обыкновенно поражают нас только тогда, когда мы в первый раз обращаем на них взоры; а когда мы посмотрим на них дольше, то от привычки перестаем удивляться, так как глаза наши присматриваются к этим телам. Потому видя и царское изображение, лишь только выставленное и светло блистающее красками, мы удивляемся; но чрез один или два дня уже не удивляемся. Что я говорю о царском изображении, когда мы испытываем тоже самое и в отношении к солнечным лучам, светлее которых нет никакого тела? Таким образом привычка уничтожает удивление ко всем телам; но в отношении к славе Божией бывает не так, а совершенно напротив. Чем более те силы созерцают эту славу, тем более они изумляются и больше удивляются; потому они с того самого времени, как начали существовать, донныне созерцая эту славу, никогда не переставали восклицать с изумлением; то, что испытываем мы в течение короткого времени, когда молния проносится пред нашими глазами, это они испытывают постоянно, и непрестанно с некоторым удовольствием чувствуют удивление. Притом они не только взывают, но делают это взаимно друг к другу, что служит знаком сильнейшего изумления. Так и мы, когда гремит гром или трясется земля, не только вскакиваем и восклицаем, но и сбегаясь в домах друг к другу. Тоже делают и серафимы; потому они и взывают друг к другу: «свят, свят, свят».

3. Узнали ли вы это воззвание? Наше ли оно, или серафимское? И наше, и серафимское, потому что Христос разрушил средостение ограды, примирил небесное и земное, и «соделавший из обоих одно» (Еф.2:14). Прежде эта песнь была воспеваема только на небесах; но когда Владыка благоволил сойти на землю, то принес к нам и это песнопение. Потому и этот великий первосвященник, представ пред святою трапезою, совершая словесное служение, принося бескровную жертву, не просто призывает нас к этому славословию, но наперед сказав херувимскую песнь и упомянув о серафимах, таким образом повелевает всем возносить это страшное воззвание, чтобы напоминанием о существах, поющих вместе с нами, возвысить ум наш от земли, и как бы так взывает к каждому из нас: ты поешь вместе с серафимами; стань же вместе с серафимами, распростирай крылья вместе с ними, летай вместе с ними около Царского престола.

И удивительно ли, что ты становишься вместе с серафимами, когда к тому, чего не смеют касаться серафимы, тебе Бог дозволил приступать безопасно? «Тогда прилетел, – говорит пророк, – ко мне один из

Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника» (Ис.6:6). Тот алтарь есть образ и подобие этого алтаря, тот огонь – этого духовного огня. Но серафим не смел коснуться его рукою, а коснулся клещами; ты же принимаешь рукою. Итак, если посмотришь на достоинство предложенных даров, то они гораздо выше прикосновения серафимов; а если представишь человеколюбие твоего Владыки, то благодать предложенного не стыдится низойти до нашего уничиженного состояния. Потому, представляя это и помышляя о величии дара, человек, восстань когда-нибудь, отступи от земли, взойди на небо. Но, скажешь, тело влечет и притягивает вниз? А вот наступают дни поста, которые придают легкие крылья душе и бремя плоти делают легким, хотя бы они нашли тело тяжелее всякого свинца. Впрочем речь о посте пусть будет после, а теперь станем говорить о таинствах, для которых и установлены посты. Как на олимпийских играх цель борьбы – венец, так и цель поста – чистое приобщение; а если мы в продолжение таких дней не исполним этого, то, тщетно и напрасно изнузив себя, без венцов и наград сойдем с поприща поста. Для того отцы и распространили поприще поста и дали нам время покаяния, чтобы мы, очистив и омыв себя, таким образом приступали к таинству. Потому и я уже теперь громким голосом взываю, свидетельствую, прошу и умоляю – не с нечистотою, не с порочною совестью приступать к этой священной трапезе, потому что иначе это не будет приступлением и приобщением, хотя бы мы тысячу раз прикасались к святому Телу, но осуждением, мучением и увеличением наказания. Итак, никакой грешник пусть не приступает, или лучше, я не скажу: никакой грешник, – потому что в таком случае я себя прежде всех отлучаю от божественной трапезы, – но пусть не приступает никто, оставаясь грешником. Для того я уже теперь наперед и говорю это, чтобы, когда наступит царское пиршество и настанет та священная вечеря никто не мог сказать: я пришел неприготовленным и нагим; нужно было прежде сказать об этом; если бы я услышал об этом прежде, то, конечно, переменялся бы, конечно очистился бы, и таким образом приступил бы. Потому, чтобы никто не мог ссылаться на такой предлог, я уже теперь наперед свидетельствую и убеждаю показать великое раскаяние. Знаю, что все мы виновны, и никто не может похвалиться, что он имеет чистое сердце. Но не то тяжело, что мы не имеем чистого сердца, но что, не имея чистого сердца, не прибегаем к Тому, Кто может сделать его чистым. Он может, если захочет, или лучше, Он гораздо больше нас хочет, чтобы мы были чистыми, но ожидает хотя малого повода от нас, чтобы надежнее увенчать нас. Кто был грешнее мытаря? Но только за то, что сказал: «Боже,

милостив буди мне грешному», он вышел оправданным больше фарисея (Лк.18:13). Какую силу могли иметь эти слова? Но не слова очистили его, а то расположение, с каким он сказал эти слова, или лучше, не одно только расположение, но еще прежде того человеколюбие Божие.

4. Какое великое дело, скажи мне, какой труд, какой подвиг для грешника убедить себя, что он грешник, и сказать это пред Богом? Видишь ли, как не напрасно я говорил, что Бог хочет получить хотя малый повод от нас, и потом уже Сам делает все для нашего спасения? Покаемся же, будем скорбеть, будем плакать. Когда кто-нибудь лишится дочери, то часто проводит большую часть своей жизни в слезах и рыданиях; а мы погубили душу, и не плачем; лишились спасения, и не сокрушаемся? Что я говорю о душе и спасении? Мы раздражили Владыку столь кроткого и благого, и не скрываемся в землю? Подлинно, попечением Своим об нас Он превосходит всякое благорасположение не только попечительного владыки, но и любвеобильного отца и чадолюбивой матери. «Забудет ли женщина грудное дитя свое, – говорит пророк, – чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис.49:15). Это изречение верно и без доказательства, потому что оно – Божие; однако мы представим теперь и доказательство от дел. Некогда Ревекка велела сыну своему притворным образом предвосхитить благословение, одела его хорошо со всех сторон и дала ему вид брата; но увидев, что он и при этом не ободряется, и желая уничтожить в сыне всякий страх, сказала: «на мне пусть будет проклятие» (Быт.27:13); слова – истинно свойственные матери, пламенеющей любовью к сыну. Но Христос не сказал только, но и сделал это, не обещал только, но и показал на деле, как Павел ясно говорит: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою» (Гал.3:13). И Его мы раздражаем? Не несноснее ли это, скажи мне, самой геенны, неумирающего червя и неугасимого огня? Итак, когда ты намереваешься приступить к священной трапезе, то имей в уме, что там присутствует и Царь всего, потому что Он действительно присутствует, зная мысли каждого, и видит, кто приступает с надлежащею святостью и кто с порочною совестью, с нечистыми и скверными помыслами, с незаконными делами. Если Он найдет кого-нибудь таким, то сначала предаст его суду совести; потом, если тот вразумится собственными размышлениями и сделается лучшим, Он опять принимает его; если же остается неисправимым, то впадает наконец в Его руки, как неблагодарный и непризнательный. А каково это – послушай Павла, который говорит: «страшно впасть в руки Бога живаго» (Евр.10:31). Знаю, что эти слова неприятны; но что мне делать? Если не стану прилагать

горьких лекарств, то не истребятся раны; а когда прилагаю горькое, то вы не переносите боли. Тесно мне со всех сторон. Впрочем, необходимо уже удержать руку; сказанного достаточно для исправления внимательных. А чтобы оно принесло пользу не только одним вам, но и другим чрез вас, теперь еще повторим это кратко. Мы говорили о серафимах; показали, как велико достоинство – стоять близ Царского престола; также и то, что и люди могут приобрести это достоинство; говорили об их крыльях, о неприступной силе Божией и о снисхождении Его к нам; еще говорили о причине их возгласения и постоянного удивления и о том, как при непрестанном созерцании непрестанно и славословие серафимов; напомнили вам, в какой мы включены хор и с кем вместе воспеваем общего Владыку; прибавили несколько слов о покаянии, и, наконец, показали, сколь великое зло – приступать к таинствам с порочною совестью, и как невозможно избежать наказания тому, кто остается неисправимым. Этому пусть научится и жена от мужа, и сын от отца, и слуга от господина, и сосед от соседа, и друг от друга, и даже с врагами будем беседовать об этом, потому что мы должны будем отдать отчет и за их спасение. Если нам заповедано даже их подъяремных животных упавших поднимать и заблудившихся спасать и возвращать (Ис.8:5), то тем более должно заблуждающуюся душу их обращать и падшую восстанавливать. Если таким образом мы будем устроить дела свои и наших ближних, то будем в состоянии стать с дерзновением пред судилищем Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 7 на слова пророка Исаии: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис.45:7).

1. Немного слов, но сладкий в них источник меда, – меда, который не производит пресыщения. Мед вещественный доставляет удовольствие только языку и портится; а мед учения проникает в совесть, доставляя постоянную радость и руководя нас к бессмертию. Тот собирается с растений, а этот составляется из божественных Писаний. Этим сегодня насытил вас говоривший прекрасно, получивший в награду послушание и показавший силу любви и благородство веры⁸. А теперь и мы опять предложим вам обычную трапезу с великим усердием; мы весьма радуемся, что, тогда как на конском ристалище происходят блистательные упражнения, сюда стеклось такое множество, презрев тамошнее препровождение времени. Потому и мы ставим чашу, наполненную с великим изобилием, чашу, производящую не опьянение, но доставляющую целомудрие. Таково вино Писаний, таковы яства этой трапезы; они не утучняют плоти. Впрочем, мы говорим это, не унижая естества плоти, но предпочитая ей благородство души, не отвергая употребления, но обуздывая неумеренность. Когда мы любомудруем, то надобно любомудрствовать так, чтобы не подать повода устам еретиков. Это тело, хотя ниже души, но оно не противно душе; и душа, хотя и проста, но она служит потребностям тела. Превосходный Художник – Бог составил эту вселенную не из одного, двух или трех веществ, но вложил в нее различные и разнообразные сущности, показывая в разнообразии тварей обилие Своей премудрости. Он создал не небо только, но и землю; не землю только, но и солнце; не солнце только, но и луну; не луну только, но и звезды; не звезды только, но и воздух; не воздух только, но и облака; не облака только, но и эфир; не эфир только, но и озера, источники, реки, горы, роции, холмы, луга, сады, семена, растения, разные роды трав, различные виды, различные силы и различные сущности, которые каждый может видеть везде, обозревая мир; и когда он пробежит мыслью состав вселенной, то скажет вместе с пророком: «как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил» (Пс.103:24). Так, если ты хочешь видеть зрелище, то, оставив тамошнее сатанинское, приходи на это духовное; если хочешь слушать лиру, то, оставив тамошнее пение и напрягши силу своего ума, приходи слушать это, пробуждающее твои

мысли, укрепляющее твой ум. Посмотри, как различные звуки и отдельные струны со всех сторон возносят одно и совершенно согласное пение превосходному Художнику – Богу. Как некоторый духовный звук, состоящий из различных звуков, издает одно стройное пение, славословие Создателю, так и эти струны звучат и сами по себе, звучат и одна с другой вместе. А чтобы тебе узнать, как звучат они сами по себе, ударь мыслью в струну неба, и ты услышишь, как она издает великие звуки и воссылает славу Богу. Это уразумел пророк и сказал: «небеса поведают о славе Божией, и о творении рук Его возвещает твердь» (Пс.18:2). От этой струны перейди к струне дня и ночи, и ты увидишь, как и они издают звуки приятнее всякой лиры и гуслей, особенно тогда, когда будет ударять в эти струны кто-нибудь умеющий. Но как, скажешь, они издают звук? Небо не имеет ни уст, ни языка, ни неба во рту, ни зубов, ни губ; как же оно издает звуки? Как говорит и день? Здесь нет органов, произносящих звуки, но течение солнца и луны, день и ночь, смена времени. Чтобы кто-нибудь из людей, более грубых, слыша это, не усомнился и не смутился, послушай, как пророк сам старается объяснить сказанное. Сказав, что «небеса поведают о славе Божией», и что «день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание» (Пс.18:3), он не остановился на этом, но прибавил: «нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их» (Пс.18:4). Смысл слов его следующий: день и ночь и небо не только имеют голос, но и такой голос, который звучнее, яснее и сильнее голоса человеческого. Как и каким образом? Послушай сам слова его: «нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их». Что же это такое? Одобрение голоса, похвала звука. Мой голос понятен для говорящего на одном со мною языке, а для говорящего на другом языке – нет; напр.: когда я говорю на греческом языке, тогда, кто знает этот язык, поймет меня; а скиф, фракиянин, мавр, индиец – нет, потому что различие языка не позволяет моей речи быть для него понятною.

2. Также, когда говорит скиф или фракиянин, я не могу понимать его, а другой – языка другого. У неба же, дня и ночи – не то, но голос их таков, что он слышен, понятен и ясен для всякого языка, всякого наречия, всякого народа. Потому пророк, сказав, что «день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание», прибавил: «нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их». Смысл этих слов следующий: такое имеют наречие, такой имеют голос день, ночь, небо и все твари, что всем языкам, всем народам понятен голос их. «Нет наречий», говорит, т.е. нет народа, нет языка, где бы не слышен был голос неба; но и скиф, и фракиянин, и мавр, и индиец, и савромат, и всякое наречие, всякий язык, всякий народ может понимать

этот голос. Как и каким образом? Теперь выслушай это, чтобы тебе узнать, как небо говорит молча. Когда ты увидишь эту красоту, величие, положение, постоянство, блеск, и, размыслив о всем этом в самом себе, прославишь Создателя, восхвалишь Творца, тогда небо издало голос и вознесло славу Богу посредством твоего языка. Таков смысл слов: «небеса поведают о славе Божией». Как и каким образом? Располагая зрителя красотой своего блеска – удивляться Создателю. Когда ты, увидев такое создание, скажешь: слава Тебе, Боже, какое великое тело Ты создал и поставил в середине! – тогда небеса воздали эту славу, пользуясь твоим языком и возбуждая удивление посредством зрения. Так они молча возносят славу Богу и этот голос слышат все. Так как не посредством слуха можно познавать это, а посредством зрения и созерцания, зрение же у всех одно, хотя язык и различный, то и варвар, и скифы, и фракияне, и мавры, и индийцы слышат этот голос, т.е., взирая на такое чудо, поражаясь красотой, блеском, величием и всем прочим, что есть на небе, возносят славу Создателю, если они здраво мыслят. Тоже надобно сказать и о дне и о ночи. Как небо, возбуждая в зрителе удивление своею красотой, положением, величием, блеском, постоянством времени, пользой, деятельностью и всем прочим, располагает его прославлять Спасителя, так и ночь и день. Когда ты заметишь стройный порядок этих времен, как день, исполнив свою меру, не усиливается изгнать ночь из собственных ее пределов, не показывает никакого любостыжания и, хотя он светлее ее, не старается занять все время, но отступает; равным образом и ночь, совершив свое течение, уступает место дню, и это совершается в продолжение столь многих лет, без всякого смещения и смятения, и последняя не прогнала первого и первый не отнял ничего у последней, хотя один светлее, другая темнее, – тогда опять, удивляясь стройному порядку, не воздашь ли ты славы Богу? Как сестры, любящие одна другую, разделяя отцовское наследство мерою и весом, ни малейшей части не отнимают одна от другой, – так точно ночь и день, разделив между собою все время, соблюдают такое равенство, не отнимая друг от друга ни малейшей части, как вы знаете по самому опыту. Пусть выслушают это любостыжатели и лишаящие братьев наследства; пусть они постыдятся стройного порядка времен, согласия ночи и дня, и исцелятся от своей болезни. Таким образом «день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание», не издавая голоса, но своим порядком, стройностью, равенством и беспрепятственною соразмерностью громче трубы возвещая Создателя не в одном каком-нибудь углу вселенной, но везде, где только солнце освещает землю. Эти звуки раздаются по всей вселенной, так как везде

небо, везде день, везде ночь; и наставление свое простирают они по земле и по морю. Потому пророк не сказал просто: небеса возвещают славу Божию, но: "поведают", т.е. научают и других, имеют учениками своими род человеческий и распростерты на виду, как величайшее училище, вместо книг и букв предлагая и простым и мудрым и всем созерцать красоту их природы, преподавая заключающееся в них самих, как бы в книге, учение о премудрости и силе Божией. Так и люди не только словами, но и молча прославляют Бога чрез других: потому и Христос говорил: «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф.5:16). Как кто-нибудь, видя светлую жизнь другого, хотя бы сам живущий и молчал, воздает славу Богу, так точно и взирая на красоту неба прославляют Творца. Потому пророк и сказал: «небеса поведают о славе Божией, и о творении рук Его возвещает твердь. День дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание" (Пс.18:2–3). Какое "знание"? Разумение о св. Творце. Как день выводит человека на дела, так последующая ночь доставляет ему отдых от множества трудов, избавляет от забот и, успокаивая утомленные вежды и сжимая ресницы, prepares его опять встретить солнечные лучи с свежими силами. Так и ночь доставляет человеку не малую, но весьма великую пользу. Если бы она не доставляла человеку отдыха от множества трудов, преемствуя дню, то не доставлял бы ему никакой пользы и день, который выводит его на дела, – потому что, при изнеможении естества его от постоянного труда, это живое существо заболело бы и погисло бы, и не было бы ему никакой пользы от солнечных лучей. Потому, делая день полезным для человека, она своим служением особенно и руководит пользующегося ее течением к познанию Бога. Таким образом, когда кто размыслит, какая польза от дня и какая – от ночи, как они сменяют друг друга, чередуясь, как бы в хороводе, и попеременно сохраняют род наш, тогда, хотя бы он был тупейшим из всех людей, может собственным размышлением познать премудрость превосходного Художника-Бога, которую Он явил посредством дня и ночи, назначив нам первый для деятельности, а последнюю для отдыха от трудов.

3. О всем этом мы стали говорить с самого начала; но так как, может быть, нечто из читанного нам сегодня смущает многих из невнимательных и неопытных в Писаниях, то теперь с великою поспешностью обратимся и к этому. Читано было о кровоточивой жене, которая прикосновением (к одежде Христовой) остановила потоки крови и силою веры похитила такое сокровище. Подлинно, действие ее было похищением, но похищением

похвальным, и похитившая после обличения была одобрена; сам Иисус, у которого было похищено, похвалил эту жену (Мф.9:20–22). Также читано было о страданиях Павла, о ранах, темницах, преданиях на суд, кораблекрушениях, узах, цепях, разнообразных и постоянных кознях против него, ежедневных смертельных опасностях, голоде, жажде, нагоде, заговорах на него ежедневных. Но что я делаю? Нужно бежать с великою поспешностью, чтобы опять Павел не задержал и не отклонил меня от предмета. Вы знаете, как часто меня, идущего и обратившегося в другую сторону, он удерживал среди речи, и удерживал так, что я принужден был оканчивать на нем свою беседу. Потому, чтобы и сегодня не случилось с нами того же, с великою поспешностью набросим как бы узду на увлекаемое туда слово, и таким образом отвлечем его и приведем к пророческому изречению. Какое же это изречение? «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис.45:7). Видите, как не напрасно и не без причины мы обратились к этому месту и, оставив все другое, стремились придти сюда. Эти слова могут произвести великое смущение в человеке невнимательном. Пробудитесь же, напрягайте слух и, оставив все житейские заботы, внимайте словам моим. Сегодня я хочу вознаградить вас за ваше присутствие здесь, и отпустить, насытив духовною пищею, так чтобы отсутствовавшие на самом деле узнали, какую понесли они потерю; а узнают они тогда, когда вы, со вниманием приняв сказанное, будете в состоянии передать и им. «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия». Я постоянно повторяю одно и то же, чтобы напечатлеть это в вашем уме и потом предложить разрешение. Не один этот пророк говорит так, но и другой, выражаясь согласно с ним, сказал: «бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?» (Амос.3:6). Что же значат эти слова? На все подобные места нужно предложить одно разрешение. Какое же разрешение? Мы получим его, если вникнем в силу этих изречений. Но слушайте со вниманием; мы не напрасно и не без причины постоянно напоминаем вам об этом, но потому, что наконец приближаемся к глубоким мыслям. Из всех предметов одни – добро, другие – зло, а третьи – нечто среднее; из них некоторые многим кажутся злом, а на самом деле не таковы, но только так называются и считаются.

Впрочем, чтобы яснее представить то, о чем я говорю, объясним сказанное примерами. Бедность для многих кажется злом, но на самом деле она не такова, а напротив, если кто внимателен и любознателен, она служит даже к истреблению зла. Богатство для многих кажется добром, но на самом деле оно не прямо добро, если кто не будет пользоваться им, как

должно. Если бы богатство было прямо добром, то и владеющие им должны бы быть добрыми; но если не все богатые добродетельны, а только те, которые хорошо пользуются богатством, то очевидно, что богатство само по себе есть не прямо добро, но некоторое средство к добродетели, занимающее среднее место. Посмотри: в теле бывают свойства, по которым и называются те, кто имеет их; например, белизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежит, того мы называем белым. Также болезнь есть некоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежит она, того мы называем больным. Потому, если бы и богатство было добродетелью, то владеющий богатством должен бы быть и называться добродетельным; если же богатый не всегда бывает добродетельным, то и богатство не есть добродетель или прямо добро, а бывает таким по душевному настроению того, кто пользуется им. Также, если бы бедность была злом, то все бедные должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то следовательно бедность – не зло.

4. А что, скажет иной, если многие богохульствуют от бедности? Не от бедности, но от собственного безумия и малодушия они делают это. Доказательством тому служит блаженный Иов, который, находясь в крайней бедности, будучи низвержен в самую пропасть бедности, не только не богохульствовал, но продолжал благословлять Бога и говорил: «Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!» ([Иов.1:21](#)). Но ради богатства, скажешь, многие делаются хищниками и любостяжателями? Не ради богатства, а ради собственного безумия; и свидетелем этому служит тот же муж, который при таком богатстве не только не похищал чужого, но и свое раздавал, и сделал у себя пристанище для странников: "двери мои, – говорил он, – я отворял прохожему» ([Иов.31:32](#)). И Авраам, имея такое богатство, не жалел ничего для проходящих; и ни этого ни того богатство не сделало корыстолюбцем, равно как и бедность не сделала ни Иова, ни Лазаря богохульником; но оба, они, не имея даже необходимого пропитания, так прославились, что один получил свидетельство от Бога, верно знающего откровенное, а другой несен был отсюда предшествующими ангелами, сделался сожителем праотца и удостоился таких же благ, как и он. Следовательно, к предметам средним принадлежат бедность и богатство, здоровье и болезнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода, и тому подобное. Нет нужды перечислять все, чтобы слишком не распространить беседы, но, подав вам повод к собственному размышлению, следует перейти к нужнейшему. "Дай

наставление мудрому, – говорит Писание, – и он будет еще мудрее» (Притч.9:9). Итак все эти предметы суть средние, так что пользующиеся могут употреблять их и на добро и на зло. А что они действительно средние, как напр., богатство, это доказал Авраам, который пользовался им по надлежащему; доказал и живший при Лазаре богач, который расточал свое имение на погибель своей головы. Таким образом, богатство прямо не есть ни добро, ни зло. Если бы оно было прямо добром, а не чем-либо средним, то живший при Лазаре богач не был бы так наказан; если бы оно было злом, то Авраам не прославился бы так, бывши богатым. Нечто подобное есть и болезнь. Если бы болезнь была злом, то следовало бы и имеющему ее быть злым; следовало бы поэтому быть злым и Тимофею, который страдал тяжкою болезнью: «употребляй немного вина, – говорил ему апостол, – ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1Тим.5:23). Если же он не только не был от этого злым, но и сделал болезнь свою средством к увеличению своей награды, мужественно перенося ее, то очевидно, что болезнь – не зло. И другой пророк постоянно был болен глазами, и однако от этого не был злым, но и пророчествовал, и предвидел будущее, и болезнь не служила ни малейшим препятствием к добродетели. И здоровье не есть прямое добро, если кто употребляет его не по надлежащему, а на худые дела, или на безумное действие, что тоже не безвинно. Потому и Павел говорил: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Сол.3:10). Все это – среднее, и, смотря по людям пользующимся бывает, иногда тем, а иногда другим. Но для чего говорить о здоровье и болезни, богатстве и бедности? Даже то самое, что для многих представляется главою благ и верхом зол, именно, жизнь и смерть, и они не прямо таковы; но также принадлежат к предметам средним, которые могут быть и тем и другим по душевному настроению пользующихся ими. Например, жизнь – добро, когда пользующийся ею употребляет ее по надлежащему, а когда он употребляет ее на грехи и беззакония, то она уже не добро, но лучше такому умереть. И наоборот то, чего по мнению многих нужно избегать, может доставить бесчисленные блага, когда будет к тому надлежащая причина. Это доказывают мученики, которые за смерть сделались блаженнее всех. Потому и Павел желал не просто жить со Христом, но потому, что это было для него «плодом дела. Не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое, – говорил он, – имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» (Фил.1:22–24). Потому и пророк говорит: «честна пред Господом смерть преподобных Его» (Пс.115:6), не просто смерть, но такая именно смерть; и в другом месте: «смерть

грешников люта» (Пс.33:22). Видишь ли, что и это есть нечто среднее, не прямо добро и не прямо зло, а смотря по настроению испытывающих это. Потому и премудрый Соломон, считая полезным среднее между тем и другим, любомудрствуя об них и показывая, что не прямо первая есть добро, а последняя зло, но и она бывает добром в надлежащее время, хотя и кажется тяжкою, когда бывает не в надлежащее время, говорит: «время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное» (Еккл.3:2). И радоваться не всегда полезно, но иногда бывает вредно; и скорбеть не всегда хорошо, а бывает иногда смертоносно и губельно. Доказывая это самое, опять Павел говорит: «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор.7:10).

5. Видишь ли, что и это принадлежит к предметам средним? Следовательно и противоположное этому принадлежит к предметам средним, т.е. радость. Поэтому апостол и заповедал не просто радоваться, но радоваться "о Господе" (Фил.4:4). Впрочем уже довольно мы объяснили предметы средние, если только слушатели были внимательны; теперь нужно перейти не к средним, но к добрым, которые не могут быть злыми, и к злым, которые не могут быть добрыми. Все вышесказанные предметы бывают иногда тем, а иногда другим, как напр., богатство бывает иногда злом, когда служит к любостыжанию, а иногда добром, когда употребляется на милостыню, и все прочее таким же образом. Но есть предметы, которые иногда не могут быть злом, а противоположные им всегда бывают злом, и никогда не могут быть добром; таковы: нечестие, богохульство, разврат, жестокость, бесчеловечие, чревоугодие, и тому подобное.

Я говорю не то, будто человек злой никогда не может сделаться добрым, и добрый никогда не может сделаться злым, – но то, что самые эти предметы не могут быть таковыми. Они всегда остаются одинаковыми, одни добрыми, другие злыми; а человек, когда избирает первые, то бывает добрым а когда – противоположные им, то – злым. Итак, предметы троякого рода: одни – добро и не могут быть злом, как напр., целомудрие, милостыня и тому подобное; другие – зло и никогда не могут быть добром, как напр., разврат, бесчеловечие, жестокость; третьи бывают иногда тем, иногда другим, смотря по настроению пользующихся ими. Богатство иногда служит к любостыжанию, иногда употребляется на милостыню; но это зависит от настроения пользующегося им. Бедность бывает поводом иногда к богохульству, иногда к славословию и любомудрию. Потому и надобно теперь же приступить к разрешению, так как многие из

безрассудных называют злом не только действительное зло, которое никогда не может быть добром, но и некоторые из средних предметов, напр., бедность, плен, рабство, которые составляют, как мы показали, не зло, а нечто среднее; так как многие, как я выше сказал, называют это злом, тогда как оно не есть зло, то пророк и говорит об этих предметах, которые многими считаются и называются злом, но на самом деле не зло, – о плене, о рабстве, о голоде и тому подобном. А что они действительно не зло, но еще служат к истреблению зла, мы наперед представим голод, который для всех кажется страшным и ужасным. Узнай же, как он не есть зло, и научись любомудрствовать. Когда еврейский народ дошел до крайней степени нечестия, тогда Илия, поистине великий и достойный небес, желая истребить болезнь нерадения и излечить ее, сказал: «жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову» (3Цар.17:1), – и тот, кто имел одну только милость, заключил небо: такое он имел дерзновение пред Богом! Видишь ли, что бедность не зло? Иначе беднейший из всех людей, живя на земле, не имел бы дерзновения – показывать такую силу одним только словом. Сказав это, он ибo навел голод, как превосходного учителя и истребителя бывших зол; и подобно тому как бывает с телом, подвергшимся сильной горячке, самые жилы земли высохли, источники и растения оскудели, и недра земли сделались бесплодными. Тогда народ получил немалую пользу: был удержан от стремления к беззаконию, был обуздан и стал более послушным и покорным пророку. Те, которые прибегали к идолам и детей своих закаляли в жертву бесам, при избиении столь многих жрецов вааловых не негодовали и не роптали, но переносили бывшее в молчании и страхе, сделавшись лучшими от голода.

6. Видишь ли, что голод не только не есть зло, но еще истребляет зло, исцеляя болезни подобно лекарству? Если хочешь видеть, что и сам плен не есть зло, то представь, каковы были иудеи прежде плена, и какими были во время плена, и узнаешь, что ни свобода не есть прямо добро, ни плен – зло; когда они пользовались свободой и имели собственное отечество, то делали такие дела, что пророки каждый день обличали их за преступление законов, за поклонение идолам, за нарушение заповедей Божиих; а когда они были отведены в чужую землю и жили в стране иноплеменников, тогда смирились, сделались лучшими и соблюдали закон, как можно видеть из псалма, который необходимо теперь привести, чтобы вы узнали плоды плена. Какой же этот псалом? «На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах среди него мы повесили органы наши. Ибо там спрашивали нас

пленившие нас о словах песней и уведшие нас о пении: «воспойте нам (что-либо) из песней сионских!» Как запоем песнь Господню на земле чужой?» (Пс.136:1–4). Видишь ли, как плен смирил их? До него они не слушались и пророков, внушавших не преступать закона; а после него, не смотря на требование иноплеменников, на побуждение и принуждение властителей – преступить закон, они не соглашались, но говорили: «как запоем песнь Господню на земле чужой», когда закон не позволяет этого. Посмотри и на трех отроков: они не только не потерпели никакого вреда от плена, но еще сделались от него более славными, равно как и Даниил. А Иосиф? Какое потерпел он зло, сделавшись странником, рабом и узником? Не поэтому ли только он возвысился и прославился? А та иноплеменная жена, жившая в богатстве, великолепии и свободе, какую получила от этого пользу? Не была ли она несчастнее всех потому, что не хотела пользоваться этим, как должно? Итак, мы ясно показали, что – добро, что – зло, и что – среднее между ними; также объяснили, что пророк говорит о предметах средних, которые – не действительно зло, а только кажутся таким для многих, о плене, рабстве, ссылке. А для чего это сказано, нужно показать.

Человеколюбивый Бог, скорый на милость и медленный на наказание и мучение, чтобы не предавать иудеев наказаниям, посылал к ним пророков, устрашая их словами, дабы не наказывать самим делом, как Он поступил и с ниневитянами. Там Он угрожал тогда истребить город не для того, чтобы истребить его, но чтобы не истребить его, как действительно и случилось. Тоже Он делал тогда и с иудеями, посылал пророков, угрожая нашествием иноплеменников, войнами, пленом, рабством, ссылкой, жизнью в чужой земле. Как чадолюбивый отец, имеющий упрямого и нерадивого сына, желая вразумить его, ищет ремней, грозит веревками, говоря: свяжу, высеку, убью, и бывает страшным на словах, чтобы таким образом обуздать пороки юноши, так точно и Бог постоянно угрожал, желая страхом сделать иудеев лучшими. Дьявол, видя это и желая воспрепятствовать исправлению, происходившему от такой угрозы, посылал лжепророков, и тогда как пророки угрожали пленом, рабством, голодом, те предсказывали противное, мир, плодородие, наслаждение бесчисленными благами. Потому, осуждая их, пророки говорили: ""мир! мир!», а мира нет» (Иер.6:14). Кто занимается Священным Писанием, тот знает, как происходило все, что было у пророков с лжепророками, ослаблявшими усердие народа. Когда таким образом они расслабляли и развращали народ, то Бог говорил чрез пророков: «делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это» (Ис.45:7). Какое же зло? То, о

котором выше сказано: плен, рабство, и тому подобное, а не прелюбодеяние, распутство, любостяжание и что-нибудь подобное. Потому и другой пророк, когда говорит: «бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы» (Ам.3:6), понимает такое же зло, голод, болезни, посылаемые от Бога раны. Так и Христос, когда говорит: «довольно для *каждого* дня своей заботы», понимает труды, утомление, изнурение (Мф.6:34).

7. Итак, пророк говорит следующее: пусть не развращают вас лжепророки; Бог может даровать вам мир и отдать вас в плен. Это и значит: «делаю мир и произвожу бедствия». Но дабы ты убедился, что это справедливо, рассмотрим обстоятельно сами выражения. Сказав выше: «Я образую свет и творю тьму», Он потом прибавил: «делаю мир и произвожу бедствия» (Ис.45:7). И выше Он представил два противоположные предмета, и затем – два противоположные предмета, дабы ты знал, что Он говорит не о прелюбодеянии, но о несчастьях. Что противоположно миру? Очевидно – плен, а не распутство, не прелюбодеяние, не любостяжание. Как выше он представил два противоположные предмета, так точно и здесь; а миру противоположны не прелюбодеяние, не блуд, не распутство и прочие пороки, а плен и рабство. Но на людей какое впечатление производят стихии, такое же и обстоятельства. Например: Бог сотворил как свет, так и тьму; и, однако, для многих свет кажется приятным, а тьма неприятною, и они порицают ночь, как нечто дурное; так точно поступают они и с обстоятельствами. Между тем не должно порицать ни ночи, ни тьмы, ни рабства одного, ни плена. Скажи мне, что худого заключает в себе тьма? Не доставляет ли она отдыха от трудов, успокоения от забот, утешения печали, восстановления сил? Если бы не было тьмы и ночи, то наслаждались ли бы мы когда-нибудь светом? Не расстроилось ли бы и не погибло ли бы это живое существо – человек? И как тьма для неразумных кажется злом, и, однако, не есть зло но доставляет нам пользу относительно самого дня, делая нас более способными после отдыха к дневным трудам, так не есть зло и плен, о котором пророк говорит в словах: «делаю мир и произвожу бедствия», но он весьма полезен для тех, кто пользуется им, как должно; он делает их более благоразумными и послушными, истребляя гордость.

Добродетель не подвергается рабству и ничто не может преодолеть ее, ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни сама смерть, которая сильнее всего. Доказательством служат все те, которые перенесли все это и сделались от того более славными. Какой вред потерпел Иосиф от рабства (ничто не препятствует опять указать на того же мужа), какой от

заклучения, какой от уз, какой от клеветы, какой от козней, какой от жизни в чужой земле? Какой вред потерпел Иов от истребления волов и стад, от насильственной и преждевременной смерти детей, от поражения тела, от скопища червей, от невыносимой скорби, от сидения на гноище, от наветов жены, от укори́зн друзей, от порицания рабов? Какой вред потерпел Лазарь от того, что лежал при воротах, был облизываем языками собак, от постоянного голода, от презрения богача, от ран, от невыносимой боли, от недостатка покровителей, от презрения со стороны тех, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вред потерпел Павел от множества темниц, истязаний, смертей, потоплений и прочих искушений, которых невозможно исчислить словом? Размышляя обо всем этом, будем избегать порока и следовать добродетели; будем молиться, чтобы нам не впасть в искушение; а если когда впадем, то не будем падать духом и унывать, потому что это – оружие добродетели для тех, которые пользуются им, как должно, и мы будем в состоянии чрез все прославиться, если будем внимательны, и достигнем вечных благ, которых да сподобимся все мы о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 8 на слова пророка Иеремии: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер.10:23).

1. Как на вещественном и общедоступном пути одни места бывают ровны и удобны, а другие трудны и неудобны, так и в божественных Писаниях одни места сами по себе удобопонятны для всех, а другие требуют большего исследования и труда. Когда мы идем по пути ровному и удобному, тогда нам не нужна великая осторожность, а когда идем по пути наклонному, узкому, простирающемуся до самой вершины горы и с обеих сторон ограниченному пропастями, тогда нам нужна душа бодрая и осторожная, потому что трудность местности не позволяет быть беспечным; здесь, если кто хотя и немного засмотрится и только одна нога поскользнется, все тело падает в пропасть, и если он посмотрит вниз в пропасть, то испытывает головокружение и низвергается. Так и в божественных Писаниях одни места легки и удобны для разумения и могут быть проходимы без труда, а другие трудны, неудобны и не так легко могут быть проходимы. Потому всем должно бодрствовать и быть внимательными, когда мы проходим такие места, чтобы нам не подвергнуться крайней опасности. Для того и мы иногда упражняем вас местами легкими, а иногда ведем к труднейшим, чтобы и дать вам отдых от труда и истребить беспечность. Как занимающиеся постоянно легкими делами становятся ленивыми, так принуждаемые постоянно к делам тяжелым изнуряются от труда; потому нужно разнообразить виды учения и сообщать иногда то, иногда другое, чтобы ум наш не расслабел чрезмерно, а с другой стороны от излишнего напряжения не расторгся и не отказался от труда. Потому мы, недавно беседуя с вами о Павле и Петре и бывшем между ними прении в Антиохии, и показав вам, что кажущееся несогласие их было полезнее всякого мира, вели вас по пути наклонному и трудному; но когда заметили вашу усталость, то в следующий день перешли к другому, легчайшему предмету, говорили в похвалу блаженного Евстафия, а после него воздавали хвалу славному мученику Роману, причем было у нас блистательное зрелище, великое рукоплескание и много восклицаний. Как человек утомленный, пришедши на луг, радуется и восторгается, не видя здесь никакого труда и изнурения, но отдых, удовольствие и великое душевное спокойствие, так и вы у меня были тогда

в подобном состоянии; после трудов и затруднений при слушании о том предмете перешедши к похвалам мученикам, как бы на луг; вы с великим спокойствием исполнились радости. Тогда не было ни возражений, ни опровержений, ни нападений, ни отступлений, но без всякого препятствия речь текла сама собою легко, непринужденно и свободно. Потому она и была блистательна и торжественна и удостоилась многих похвал. Когда ум слушателей легко следует за беседою, тогда он, исполняясь великого удовольствия, скорее располагает к похвале говорящему. Потому, так как мы дали вам достаточно отдохнуть в эти дни, не предлагая вашей любви ничего трудного и тяжелого, то сегодня опять обратим вас к прежнему упражнению, поведем вас к местам Писаний труднейшим и требующим великого внимания, не для того, чтобы утомить вас трудом, но чтобы упражнением сделать вас способными проходить и эти места с безопасностью. И как тогда сначала представлялось некоторое несогласие и прение между апостолами, а когда мы поднялись выше этих скал, то вверху увидели «плоды Духа: любовь, радость, мир» (Гал.5:22), и труд наш не был напрасен и излишен, но окончился радостью, так и сегодня по молитвам вашим я надеюсь, что, если с усердием и великим терпением мы совершим предстоящий нам путь и будем в состоянии достигнуть самой вершины, то найдем там все ровным, легким и удобным. Что же предстоит вам теперь? Читанное сегодня из пророка: «знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим». Вот предмет для исследования; вы же, как тогда показали усердие, так и теперь будьте внимательны; этот предмет не меньше того, но требует еще большего внимания. Почему? Потому, что кажущееся несогласие между Павлом и Петром, которое впрочем, не есть несогласие, было известно немногим, и потому от незнания о нем не могло произойти великого вреда; а это изречение повторяется везде, в домах, на площадях, в селах, в городах, на суше, на море, на островах, и куда ни пойдешь, везде услышишь многих, которые говорят: написано: «не в воле человека путь его»; и не только повторяют это изречение, но прибавляют к нему и другие подобные, именно: «не от желающего и не от подвизающегося» (Рим.9:16), и, кроме того, еще: «если Господь не построит дом, напрасно трудятся строители» (Пс.126:1). Это делают они для того, чтобы прикрыть божественными Писаниями собственное нерадение и чтобы такими словами лишить нас спасения и надежды. Этим они хотят доказать не что иное, как то, что нет ничего в нашей власти. Все наше погибает; напрасно обещание царства, напрасна угроза геенною, напрасны законы, наказания, воздаяния, советы.

2. Для чего увещевать того, кто ни в чем не властен? Для чего обещать тому, кто лишен всякой власти? Как совершивший добрые дела не достоин похвалы, так и согрешивший не подлежит наказанию и мучению, если дела не зависят от нас. Но когда люди будут иметь такое убеждение, то после этого уже никто не станет ни держаться добродетели, ни удаляться от порока. Если теперь, когда мы каждый день возвещаем о геенне, беседуем о царстве, представляем невыносимые мучения, превышающие ум человеческий награды, советуем, увещеваем, употребляем все способы убеждения, – едва только некоторые решаются на подвиги добродетели, едва отстают от греховных удовольствий, то, когда отсечешь и этот священный якорь, не потонет ли весь корабль, и не погибнут ли все, совершенно погрузившись в волнах, не будет ли ежедневно множества кораблекрушений? Ни о чем, подлинно ни о чем так не старается диавол, как убедить душу человеческую в том, что она ни за грехи не подлежит наказанию, ни за добрые дела не достойна похвал и венцов, чтобы и у ревностных ослабить руки и охладить усердие, и в беспечных усилить малодушие и увеличить нерадение.

Потому нужно внимательно слушать то, что говорится; будет пропасть и бездна с обеих сторон, если мы станем читать это изречение без внимания. Что же нам сказать? Неужели пророк сказал неправду? Но это не безопасно; пророк не говорит неправды; потому что он изрекает глаголы Божии. Итак, пророк не сказал неправды, и следовательно дело не в нашей власти? И дела наши – в нашей власти, и пророк не сказал неправды; мы докажем и то и другое, если будете внимательны. Я для того и показал пропасть с обеих сторон, чтобы мы со вниманием проходили предстоящий нам путь. Мы исследуем не только это изречение: «не в воле человека путь его», но и весь ход речи, – о ком оно сказано, кем, кому, для чего, когда и как. Не достаточно сказать о чем-нибудь, что оно написано в Писаниях, и не должно прямо, выхватывая слова и отрывая члены от тела богодухновенных Писаний, брать их отдельно и без взаимной их связи и произвольно и безотчетно искажать их. Таким образом вошли в нашу жизнь многие неправые мнения, по действию диавола, который научает людей беспечных превратно толковать заключающееся в Писаниях и, прибавляя или убавляя, помрачать истину. Потому недостаточно сказать о чем-нибудь, что это написано в Писании, но должно читать в целой связи речи, потому что, если мы будем разрывать совокупность и связь изречений между собою, то произойдут многие дурные мнения. Напр., в Писании сказано: "нет Бога" (Пс.13:1); еще: «отвратил лице Свое, чтобы никогда не видеть» (Пс.9:32); и еще: «Он не взыщет» (Пс.9:34). Что же,

скажи мне, разве нет Бога? Разве он не видит земных дел? Кто дерзнет сказать это, или выслушать? Между тем это написано в Писании; но узнай, как написано. «Сказал безумный, – говорит оно, – в сердце своем: «нет Бога»". Это – мысль и суждение не Писания, но ума безумца; Писание высказало не свое мнение, а передало мнение другого. И еще: "отчего, – говорит оно, – прогневал нечестивый Бога?» Оттого, что сказал «в сердце своем: "Он не възыщет»". И здесь опять оно излагает мысль и суждение человека нечестивого и развращенного. Так и врачи имеют обыкновение, беседуя с здоровыми, говорить о проступках людей больных и безумных, чтобы сделать первых более осторожными. Так как здоровье души есть благочестие, а болезнь и крайний недуг ее – неведение о Боге, то Писание излагает слова нечестивых для того, чтобы мы не просто слушали, но и сами воздерживались. Оно говорит о том, что сказал безумный, чтобы ты сделался благоразумным и не допускал таких слов; говорит о том, что сказал нечестивый, чтобы ты убежал нечестия. Притом не только должно не разрывать связи речи, но и приводить изречения Писаний в целости и ничего не прибавлять к ним.

Многие повторяют и некоторые другие места из Писаний, превратно толкуя их. Написано, говорят: если ты разжигаешься, то женись. Но нигде этого не написано таким образом; а как именно сказано, посмотри. «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1Кор.7:8–9). Разве не то же самое, говорят, заключается в словах: если ты разжигаешься, то женись? Если бы даже то же самое значили слова: если ты разжигаешься, то женись, – и тогда не следовало бы, отрывая их, исказить целое изречение Писания и передавать мысли Писания собственными словами; но здесь мы найдем и великое различие. Когда ты просто говоришь: если разжигаешься, то женись, тогда даешь позволение всем решившимся пребывать в девстве, в случае пробуждения похоти, нарушать завет с Богом, перебежать в брачное состояние и забывать прежний обет.

3. Но когда ты узнаешь, кому говорит это Павел, именно, не всем вообще, но тем, которые еще не дали обетов, тогда ты можешь уничтожить такое вредное и губительное позволение. "Говорю, – говорит апостол, – безбрачным же и вдовам», не давшим обет вдовства, но еще не решившимся ни на то, ни на другое, а находящимся в некотором среднем состоянии между тем и другим намерением. Например: если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не рассудила в самой себе и не решила, остаться ли ей во вдовстве, или вступить во второй брак, – такой, говорит

он, я внушаю, что лучше оставаться так; если же она не может переносить этого бремени, то пусть вступает в брак; но те, которые уже определили себя и записались в звание вдовиц и заключили завет с Богом, уже не властны, говорит, вступить во второй брак. Потому пища о них в послании к Тимофею, он говорит так: «молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступить в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру» (1Тим.5:11–12). Видишь ли, как здесь он укоряет и наказывает их и признает достойными суда и осуждения за то, что они нарушали завет с Богом и изменяли обету? Таким образом отсюда видно, что приведенное изречение относится не к давшим обет. Потому должно не просто произносить его, но знать и те лица, к которым обращаются Писания.

Подобным образом повторяют другое изречение, не искажая состава его, но прибавляя к нему еще нечто не написанное. Такова злоба диавола, что он или прибавлением, или убавлением, или извращением, или перетолкованием предмета вводит пагубные мнения. Какое же это изречение? «Мое серебро, – говорит Бог, – и Мое золото», и, кому хочу, дам его (Агг.2:8). Здесь одно сказано, а другое не сказано в Писании, но прибавлено отвне. Слова: «Мое серебро и Мое золото», сказал пророк; а слов: и, кому хочу, дам его, – не находится, но они повторяются по невежеству многих. Какой же и от этого происходит вред? Многие злодеи, обманщики, развратники и такие люди, которые недостойны даже видеть это солнце, ни жить, ни дышать, наслаждаются великим благоденствием, извращая все, расхищая дома вдовиц, грабя сирот, обижая низших. Потому диавол, желая убедить людей, что всякое богатство происходит свыше и дается от Бога, дабы чрез это произнести великую хулу на Господа, взяв из Писания изречение: «Мое серебро и Мое золото», прибавил к нему другое, которого нет в Писании: и, кому хочу, дам его. Не так говорит пророк Аггей. Когда иудеи возвратились из земли иноплеменников и хотели восстановить храм и привести его в прежнее благолепие, но затруднялись, потому что были окружены врагами, находились в великой бедности и не видели ни откуда никакой помощи, – тогда пророк, желая возбудить в них добрые надежды и убедить, чтобы они не сомневались в окончании, говорит от лица Божия: «Мое серебро и Мое золото,... слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего» (Агг.2:8–9).

Но, скажешь, как это относится к предмету? Отсюда следует, что не должно приводить изречения Писаний просто, не должно расстраивать последовательность и разрывать связь речи и, выхватывая изречения отдельно и без связи с последующими или предыдущими. Не безрассудно

перетолковывать и извращать их. Подлинно не безрассудно ли – в судилище, рассуждая о предметах житейских, представлять все основания, указывать и на место, и на время, и на лица, и на причины, и на многое другое, а, когда у нас идет дело о жизни вечной, приводить места из Писаний просто и как случится? И царский закон никто не станет читать просто и как случится, но, если не скажет о времени, не укажет на законодателя, не произнесет его в подлиннике и в целости, то осуждается и подвергается крайнему наказанию; а мы, читая не человеческий закон, но принесенный свыше с небес, будем позволять такую беспечность, чтобы разрывать его члены и части? Достойно ли это какого-нибудь оправдания и прощения? Может быть, я чрезмерно распространил речь, но не напрасно, а для того, чтобы отклонить вас от дурной привычки. Не будем же тяготиться, пока не дойдем до конца; мы созданы не для того, чтобы только есть, пить и одеваться, а чтобы избегать порока и держаться добродетели, руководясь божественным любомудрием. А что действительно мы созданы не для того, чтобы есть и пить, но для других, гораздо высших и лучших целей, послушай самого Бога, Который представляет и причину, почему Он создал человека. Создавая его, Он сказал так: «сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Быт.1:26).

4. Но мы уподобляемся Богу не тогда, когда едим, пьем и одеваемся, – потому что Бог ни ест, ни пьет, ни одевается, – а тогда, когда делаем правду, показываем человеколюбие, бываем добрыми и кроткими, оказываем милосердие к ближним, упражняемся во всякой добродетели. Есть и пить – это у нас общее с природою бессловесных и этим мы несколько не лучше их. В чем же наше преимущество? В том, что мы созданы по образу и по подобию Божию. Итак, не будем тяготиться, беседуя о добродетели, но, предложив пророческое изречение, тщательно исследуем его и посмотрим, кто высказал его, о ком, когда, кому, в каких обстоятельствах, и вообще разберем все, что может послужить к его объяснению. Высказал это пророк Иеремия, но не о себе, а молясь о других, об иудеях неблагодарных, бесчувственных, неисправимых, достойных осуждения и крайнего наказания, о которых Бог говорил ему: «ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя» (Иер.7:16). Некоторые утверждают, что это сказано о Навуходоносоре. Когда этот иноплеменник вознамерился напасть на иудеев, уничтожить их город, взять их и отвести в плен, тогда пророк, желая убедить всех, что он овладеет городом не собственной силою и могуществом, но за их грехи,

по попущению Бога, Который управляет войною и ведет его в свой город, сказал: «знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер.10:23). Смысл слов его следующий: этот путь, по которому идет теперь неприятель, чтобы напасть на нас, не от него, и не от него зависит эта война и победа, но, если бы Ты не предал нас в руки его, то он не одолел бы нас, не победил бы. Потому, говорит, прошу и умоляю, – когда уже угодно Тебе, – совершить наказание не без меры: «наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем» (Иер.10:24). Но так как некоторые не соглашались на это и утверждают, что здесь говорится не об иноплеменнике, а вообще о природе человеческой, то необходимо отвечать и им. Что же сказать им? То, что пророк молился за людей грешных, за которых молиться было часто запрещается; потому он наперед заставляет плакать сам город. Так как Бог постоянно говорил: «не молись о них», то он наперед представляет город просящим о человеколюбии, чтобы отсюда получить некоторый предлог и справедливый повод к молитве за них пред Богом, обращает речь к городу и говорит: «горе мне в моем сокрушении; мучительна рана моя»; потом и тот говорит: ""подлинно, это моя скорбь, и я буду нести ее; шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны; дети мои ушли от меня, и нет их: некому уже раскинуть шатра моего и развесить ковров моих, ибо пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и все стадо их рассеяно». Несется слух: вот он идет, и большой шум от страны северной, чтобы города Иудеи сделать пустынею, жилищем шакалов» (Иер.10:19–22). Далее, когда тот (т.е. город) оплакал собственное несчастье, он (пророк) говорит: «знаю, Господи, что не в воле человека путь его». Что же? Вследствие плача, скажешь, он ввел пагубное мнение во вселенную, отнимая у нас свободу и утверждая, что дела не зависят от нас? Нет; и среди плача он вне такой опасности. Сказав: «не в воле человека путь его», он не замолчал, но прибавил: «не во власти идущего давать направление стопам своим». Смысл слов его следующий: не все зависит от нас, но иное – от нас, а иное – от Бога. Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякий труд, – это зависит от нашей воли; а доводить свои желания до конца, не допускать падений и достигать успеха в делах, – это зависит от вышней благодати. Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немного нашим трудам, большую часть совершает Сам. А что действительно, если бы все зависело от нас, тогда многие возгордились бы и предались бы

высокомерию, послушаем, что говорил фарисей, в какую впал он гордость, как превозносился и ставил себя выше всей вселенной (Лк. 18:10–14). Потому Бог сделал, что не все зависит от нас, но предоставил нечто и нам, чтобы иметь благовидный повод справедливо увенчать нас. То же Он объяснил и тою притчею, в которой говорит, что господин, нашедши людей в одиннадцатый час, послал их работать в винограднике (Мф.20). Что могли они сделать в одиннадцатом часу? Но для Бога достаточно было и этого краткого времени, чтобы дать им полную награду.

А чтобы ты убедился, что пророк говорит истину и не отнимает у нас свободы, но любомудрствует здесь об окончании дел, выслушай дальнейшие слова его. Сказав: «не в воле человека путь его», он тотчас прибавляет: «наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем». Если бы совершенно ничто не зависело от нас, то напрасно он говорил бы: «наказывай меня, Господи, но по правде» (Иер.10:23–24).

5. В самом деле, что может быть несправедливее того, чтобы наказывались те, которые не властны в делах своих, и чтобы подвергались осуждению люди, которых путь и жизнь находятся не в их власти? Таким образом, когда он является молящим Бога о том, чтобы наказание их не было слишком жестоко, то выражает не что иное, как то, что они достойны осуждения и наказания; а это показывает не что иное, как свободу их воли. Если бы они не были властны в делах своих, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись более легкому наказанию, и даже совершенно наказывать их; или, лучше, не нужна была бы и просьба, потому что Бог не имеет нужды в чьей-нибудь просьбе о том, чтобы Он не наказывал невинных. Но что я говорю: Бог, – когда не делает этого и человек благоразумный? Итак, когда пророк является просящим за иудеев, то очевидно, что он просит за грешников; а грех бывает тогда, когда мы, имея власть не преступать закона, преступаем его. Из всего этого видно, что наши добрые дела зависят и от нас и от Бога. Таково и следующее изречение: "*помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего*" (Рим.9:16). Для чего же, скажешь, мне и стремиться, для чего хотеть, если не все зависит от меня? Для того, чтобы хотением и стремлением привлечь помощь и благословение Божие, чтобы Он оказал содействие, простер Свою руку и довел до конца. А если ты оставишь это и перестанешь хотеть и стремиться, то и Бог не прострет Своей руки, но отступит и Он. Откуда это известно? Послушай, что говорит Он Иерусалиму: «сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф.23:37, 38). Видишь

ли, как и Бог отступил за то, что они не хотели? Потому нам нужно и хотеть и стремиться, чтобы приобрести благоволение Божие. Это и пророк говорит, т.е., что успешное окончание дел зависит не от нас, а от помощи Божией, но избрание зависит от нас и от нашей воли. Итак, скажешь, если окончание дела зависит от помощи Божией, то я, не окончив дела, не должен подлежать никакому обвинению; когда я сделаю все с своей стороны, и покажу желание, и изберу, и приступлю к делу, но Тот, от Кого зависит окончание, не поможет мне и не прострет Своей руки, то я свободен от всякого осуждения. Нет, не так; быть не может, чтобы Бог оставил нас, когда мы хотим, избираем и решаемся. Если Он внушает и советует не желающим, чтобы они пожелали и захотели, то тем больше Он не оставляет решающихся. «Взгляните на древние роды, – говорит Премудрый, – и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его – и был оставлен? или кто взывал к Нему – и Он презрел его?» (Сир.2:10). Также и Павел говорит: «надежда не постыжает» (Рим.5:5), т.е. упование на Бога. Невозможно, чтобы не достиг конца тот, кто надеется на Бога всею душою и исполняет все с своей стороны. И еще: «верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор.10:13). Потому и предлагает один мудрый муж такие увещания: «сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок» (Сир.2:1–3). И в другом месте предлагается увещание: «претерпевший же до конца спасется» (Мф.10:22). Все это – правила, законы и неизменные определения; в душе нашей должно быть твердо внедрено, что невозможно, чтобы кто-нибудь прилагающий старание, пекущийся о своем спасении и исполняющий все с своей стороны, был когда-нибудь оставлен Богом. Не слышишь ли, что говорит Господь Петру? «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк.22:31–32). Когда Он видит, что бремя превышает наши силы, тогда простирает Свою руку и облегчает искушение; но когда видит, что мы, по собственной беспечности и лени, теряем собственное спасение и не хотим спастись, тогда Он отступает и оставляет нас, потому что Он не употребляет насилия и не принуждает, и как поступал в учении, так поступает и здесь. Как там нежелающих слушать и отходящих Он не принуждал и не заставлял, а внимательным разрешал неясное и притчи делал понятными, так точно и в делах: людей беспечных и нежелающих Он не принуждает и не заставляет,

а добровольно решающихся привлекает с великою силою. Потому и Петр говорит: «истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян.10:34–35). И пророк внушает тоже самое, когда говорит: «если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас» (Ис.1:19–20). Итак, зная это, зная, что от нас зависит хотеть и стремиться, и что хотением и стремлением мы привлекаем к себе Бога на помощь, а привлекиши Его, достигаем до конца дел, – восстанем, возлюбленные, и покажем всю ревность ко спасению нашей души, чтобы, потрудившись здесь малое время, в нескончаемой и бессмертной жизни достигнуть нам вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Объяснение того, что неясность пророчеств о Христе, язычниках и отпадении иудеев – полезна

1. Сегодня хочу предложить вам пророческую трапезу и приготавливаю вывести слово в море мудрости Исаии. Но что будет со мною? Я недоумеваю и боюсь, чтобы, вышедши из пристани и вступив в глубину пророческих мыслей, мы не потерпели головокружения, какое испытывают неопытные мореплаватели. Те, когда покинут землю, по ту и другую сторону корабля увидят морскую бездну и ничего более, кроме моря и неба, впадают в болезненное помрачение и думают, что корабль их кружится вместе с морем. Но такое головокружение происходит не от свойств моря, а от неопытности пловцов, потому что другие пловцы даже с обнаженным телом прямо бросаются в волны и не испытывают ничего подобного, но, погрузившись в самую глубину, пребывают там в большей безопасности, нежели в какой находящиеся на суше, и хотя соленая вода проникает и в уста их, и в глаза, и во все тело, они не беспокоятся. Таково благо – упражнение; таково зло – неопытность; так первое научает презирать и страшное, а последняя заставляет бояться и подозревать опасность и в безопасном. Одни, сидя на высоких скамьях корабля, испытывают головокружение и от одного зрелища моря, а другие не смущаются и среди самих волн. Тоже бывает и с нашею душою. И на нее часто нападают волны страстей, которые свирепее морских волн, как например буря гнева, ниспровергающая сердце, и ветры злой похоти, производящие в душе великое смятение. Когда начинается буря гнева, то неопытный и неискusstный тотчас смущается, теряется, приходит в замешательство и оставляет душу утопать в страстях и подвергаться

кораблекрушению; а опытный и научившийся мужественно переносить это, поставив свой разум над страстями, как бы кормчего при руле, не прежде перестает употреблять все усилия, как когда приведет ладью в спокойную пристань любомудрия. Что бывает на море и что происходит в душе, тоже случается и при изъяснении Писаний: неизбежно смущение и тревога, когда мы войдем в это море, не потому, чтобы самое море было страшно, но потому, что мы – пловцы неопытные. А что действительно речь, по свойству своему легкая, бывает трудною по неопытности слушателей, свидетелем этого представлю вам Павла. Он, сказав, что Христос был первосвященником по чину Мелхиседекову, и исследуя, кто этот Мелхиседек, присовокупил: «о сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать» (Евр.5:11). Что говоришь ты, блаженный Павел? Неужели оно неудобоизъяснимо для тебя, обладающего духовною мудростью, слышавшего неизреченные глаголы, восхищенного до третьего неба? Если оно неудобоизъяснимо для тебя, то кому же оно понятно? Для меня, говорит, «трудно истолковать», не по своей трудности, но по немощи слушателей. Потому, сказав: «трудно истолковать», он присовокупил: «потому что вы сделали неспособны слушать». Видишь ли, что не от свойств слова, но от неопытности слушателей нетрудное делалось трудным? И не только трудным, но и обширным краткое слово делается от той же причины; поэтому он и сказал, что оно не только «трудно истолковать», но и "много", указывая причину и обширности и трудности его в немощи слушателей. Как больным не надобно предлагать скудной и наскоро приготовленной трапезы, но нужно готовить разные кушанья; чтобы больной, если не захочет взять одного, взял другое, и если не понравится ему то, принял бы иное, и если отвергнет и это, взялся бы за прочее, и чтобы таким различием яств нам победить его недовольство и разнообразием трапезы уврачевать мрачное его настроение, так часто нужно поступать и в отношении к духовной пище. Когда мы немощны, то нужно готовить речь обширную и разнообразную, в которой были бы и сравнения, и примеры, и доказательства, и описания, и многое другое подобное, чтобы из всего этого нам легче было выбрать полезное. Впрочем, хотя апостолу предстояло слово и обширное и неудобоизъяснимое, он не лишил своих слушателей учения о Мелхиседеке, но, сказав слова: «надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать», он возбудил их ревность, чтобы они сделали более усердными к слушанию, а, предложив трапезу, удовлетворил их желанию.

2. Так поступим и мы. Хотя море пророков беспредельно и много там

пучин, однако с опасностью жизни пустимся в это море по мере наших сил; лучше же – по мере не наших сил, но дарованной нам свыше благодати; осмелимся войти в это море не по нашему дерзновению, но для вашей пользы, подражая и в этом Павлу. А что он не лишил их слова о Мелхиседеке, выслушай следующее. Сказав: «надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать», он присовокупил: «ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр.7:1–3). Не смутил ли слуха вашего Павел, беседуя о человеке и говоря: «без отца, без матери»? Но что я говорю: о человеке? Если бы это было говорено и о Христе, то и тогда не подало ли бы нам повода ко многим вопросам? Ведь, если он без отца, то как Он – сын? Если без отца, то как – Единородный? Сын должен иметь отца; иначе он не был бы сыном. Но Сын Божий и без отца, и без матери. Каким образом? Без отца – по земному рождению, без матери – по небесному, потому что ни на земле Он не имел отца, ни на небе – матери. «Без родословия». Пусть выслушают это те, которые производят исследования о существовании Его. Некоторые думают, что слова: «без родословия» сказаны о небесном Его рождении. Впрочем одни из еретиков не допускают даже и этого, и о том рождении они производят разыскания и исследования; а другие, более скромные, соглашались относить эти слова к тому рождению, но не думают, чтобы выражение: «без родословия» сказано было и о земном рождении. Докажем же, что Павел сказал это о том и другом рождении, – и о небесном, и о земном. Подлинно, и то изумительно, и это таинственно. Потому и Исаия говорит: «род Его кто изъяснит?» (Ис.53:8). Но это, говорят, сказано о том, о небесном рождении. Что же мы ответим Павлу, который сказал об обоих рождениях и потом уже присовокупил: «без родословия»? Сказав сначала: «без отца, без матери», он потом прибавил: «без родословия», чтобы ты уверовал, что Христос не имеет родословия не только по тому рождению, по которому Он – без матери, но и по тому, по которому Он – без отца, т.е. по земному. Поэтому апостол, упомянув о том и другом рождении, потом и сказал: «без родословия». Ведь и это земное рождение Его непостижимо, для того, чтобы на то мы не смели даже и взирать. Если преддверие храма так страшно и недоступно, то как покусится кто-нибудь войти во святилище? То, что Сын Божий родился от Отца, я знаю; но как – не знаю.

То, что Он родился от Девы, я знаю; но образа рождения даже и здесь не постигаю. Рождение Его по тому и другому естеству исповедуется; но относительно образа того и другого рождения умолчано. И как здесь, в отношении к Деве, хотя я не знаю, как Он родился от Девы, однако исповедую, что Он родился, и не отвергаю самого события по незнанию способа рождения, так поступи и ты в отношении к Отцу: хотя ты и не знаешь, как Он родился, но исповедуй, что – родился. И если еретик будет говорить тебе: как Сын родился от Отца? – ты низведи мысль его на землю и скажи ему: сойди с небес и покажи, как Он родился от Девы, и тогда спрашивай о том. Удержи его, и обуздай, и не позволяй ему ни убежать, ни уклониться в лабиринт умозаключений, но удержи и порази не рукою, а словом, и не давай ему делать риторических различий и изворотов, каких он желает. Оттого еретики и приводят в смущение тех, с кем рассуждают, что мы следуем за ними, а не подводим их под законы божественных Писаний. Итак, окружи его со всех сторон стеною, – свидетельствами из Писаний, и он не в состоянии будет и уст открыть. Скажи ему: как (Христос) родился от Девы? – я не отступлю и не отстану. Он не мог бы выяснить способа этого рождения, хотя бы употреблял тысячи усилий, потому что, когда Бог заключит, кто отверзет? Такие дела приемлются только одною верою. Если же ты не удерживаешься, но требуешь умственных доказательств, то скажу тебе то, что Христос сказал Никодиму: «если Я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если буду говорить вам о небесном?» ([Ин.3:12](#)). Я сказал о рождении от Девы, и ты не знаешь и не смеешь уст открыть; как же ты хочешь исследовать небо? Впрочем, о, если бы ты усиливался постигнуть (только) небо, а не Владыку небес! «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите». Не сказал: не убеждаетесь, но: "не верите", показывая нам, что и земное требует веры. Если же земное требует веры, то гораздо более небесное. Между тем тогда Он беседовал с Никодимом о рождении гораздо меньшем, – именно речь была о крещении и духовном возрождении, – и однако говорил, что и это может быть принимаемо (только) верою. Земным же Он назвал это не потому, чтобы оно было земное, но потому, что оно совершается на земле и, в сравнении с небесным рождением, неизреченным и превосходящим всякий ум, оно земное. Итак, если невозможно знать, как я возрождаюсь от воды, но должно принимать это одною верою и не исследовать способа, то какое было бы безумие – усиливаться человеческими соображениями постигнуть небесное рождение Единородного Сына и требовать объяснений способа, каким совершилось это рождение?

3. Впрочем, уже достаточно показано, каким образом Единородный Сын Божий – без отца и без матери, и как Он не имеет родословия по тому и другому рождению; теперь возвратимся к своему предмету, отложив беседу о Мелхиседеке до другого дня, и усилим внимание, намереваясь слушать пророческие притчи. Пророческие изречения подобны притчам, много трудного в ветхом завете и неудобопонятны эти книги; а новый завет яснее и удобопонятнее. Почему же, скажешь, это так устроено, хотя в новом завете говорится о предметах более важных – о царстве небесном, о воскресении тел и о неизъяснимых благах, которые даже выше ума человеческого? Итак, какая причина того, что пророчества неясны? В них предсказывается иудеям много бедствий: и то, что они будут отвергнуты, а мы будем приняты, и то, что храм их будет разрушен и более уже не восстановится, а Иерусалим падет и будет доступен для всех, и то, что иудеи, сделавшись скитальцами, рассеются по всей вселенной и, лишившись города, не будут более иметь и древнего гражданского устройства, но все прежнее будет у них отнято – и пророчества, и жертвы, и священство, и царство. И не только об этом, но и о многом другом подобном предсказывали пророки, помещая в своих книгах множество прискорбных сказаний. Потому, чтобы иудеи, ясно услышав об этом в начале, не умертвили говоривших, эти прикрыли свои предсказания неудобовразумительностью и оставили события в великой темноте, чтобы неясность сказанного доставила безопасность им – говорившим. А откуда это известно? Ведь мы должны представить и доказательства, хотя беседуем и среди друзей, потому что, может быть, здесь есть много и не из числа друзей. Пусть же и они узнают это, чтобы и они сделались друзьями. Я сказал, что, если бы иудеи слышали о бедствиях, которые имели постигнуть их, и о том, что Иерусалим будет разрушен за Христа и разрушен навсегда и безвозвратно, если бы они ясно слышали об этом от пророков, то тотчас умертвили бы говоривших об этом. Откуда же это известно? Прежде всего из самих нравов иудеев, – потому что они были неистовы и звероподобны. Это – народ, всегда жаждавший крови пророков; руки их навыкли к убиению святых. В этом укоряет их великий Илия, когда говорит: «Господи, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом» (3Цар.19:10). Также и Христос говорит: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе» (Мф.23:37). Согласно с этим и Исаия, обличая их, взывал: «ваши руки полны крови» (Ис.1:15). И в свою очередь Христос говорил: «вы сыновья тех, которые избивали пророков», и «строите гробницы пророкам:... дополняйте же меру отцов ваших»(Мф.23:29–32). Видишь, как и Господь,

и рабы свидетельствуют о склонности иудеев к убийству? Что же значит: «дополняйте же меру отцов ваших»? Убейте, говорит, и Меня; прибавьте к крови рабов и убиение Господа. Хотя они убили множество людей, но все это были подобные им рабы; когда же простерли руки на Владыку, мера исполнилась, – и справедливо. Пока они не умертвили Господа, то еще имели надежду на спасение и могли ожидать, что Агнец Божий придет и возьмет грех мира; но когда убили врача, попрали самую жертву умиловительную и отвратились от пришедшего отпустить грехи, тогда уже потеряли всякую надежду. Потому Он и говорит: «дополняйте же меру отцов ваших». Так, скажешь, многими свидетельствами доказано, что они убийцы и нечестивцы; но откуда видно, что они не пощадили бы пророков, если бы слышали, что Иерусалим будет разрушен, что закон прекратится, что ветхий завет отменится? Хотя это весьма ясно и из сказанного, но я представлю еще более очевидное доказательство из самих Писаний. Если когда они слышали пророка, который говорил, что Иерусалим подвергнется временному разрушению, то, вместо того, чтобы раскаяться и отклонить от себя гнев Божий, они изливали ярость свою на такого пророка. А что это правда, послушайте сами истории. Некогда персы осаждали их город, и войско иноплеменников окружало его; опасность не была неизвестною, но город Иерусалим находился тогда уже среди сети, так как враги все были вооружены и стояли кругом; однако, не смотря на столь явную опасность, когда Иеремия пришел и сказал им, что город будет предан в руки халдеев, и тогда как это не было даже пророчеством – потому что они собственными глазами видели имевшее случиться, – тогда как он сказал явное и очевидное, эти нечестивые, бесчувственные и неблагодарные к благодетелям пришли в такое неистовство, что сочли его за предателя и губителя города, и сказали, что он «ослабляет руки воинов, которые остаются в этом городе, и руки всего народа, говоря к ним такие слова» (Иер.38:4). Между тем он ободрял, возбуждал в них ревность и обращал к Богу, ограждая их несокрушимую и непреодолимую стеною. Но они, не подумав ни о чем этом, требовали его смерти. И такие награды всегда воздавали они своим благодетелям. И хотя царь простил, они не перестали неистовствовать, но, не имея власти умертвить пророка, ввергли его в грязный ров.

4. Если же они не выносили известия о временном пленении, то как выслушали бы предсказание о всегдашнем рабстве? Если когда Иеремия сказал: вы будете отведены в Вавилон, они не могли терпеливо слышать это, но наказали говорившего, то, когда бы слышали от пророков: не в Вавилон вы будете отведены, а будете рассеяны по всей вселенной и уже

впредь не возвратитесь, – не выпили ли бы они даже и кровь говорящих? Если же и это еще кажется догадкой, то я представлю вам ясное доказательство, что не безопасно было говорить им о будущем, т.е. о нашей чести и об их отпадении. За что, скажи мне, побили камнями Стефана – начаток мучеников? Не это ли они поставляли ему в вину и не говорили ли: «мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога»? Он сказал, говорили, «что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей» (Деян.6:11, 14), – и за то побили его камнями. Если же тогда они не могли терпеливо слышать этого, когда уже обстоятельства удостоверяли их в том, то как они стерпели бы пророков, предсказывавших об этом? Ты слышал, возлюбленный, что за слова о храме и изменении обычаев они побили камнями Стефана, – послушай, как тоже они поставляли в вину и Христу. "Он, – говорили они, – говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его» (Мф.26:61; Ин.2:19). Видишь ли, как всегда разрушение храма и изменение обычаев возбуждало в них гнев? Потому пророки, хотя говорили об этом, но не говорили ясно. За то они хотели убить и Павла, что он убеждал их переменить обычаи. Откуда это известно? «Видишь, брат, – говорили ему, – а о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея» (Деян.21:20–21). Верующие не могли терпеливо слушать учение об отступлении закона: как же еще не уверовавшие могли бы терпеливо слышать, что закон прекратится? Таким образом то, что иудеи умертвили бы пророков, если бы они ясно предсказали что-нибудь подобное, мы доказали свидетельствами и блаженного Иеремии, и первомученика Стефана, самого Христа и апостола Павла. Всем они ставили в вину одно и то же, и за это умерщвляли их. А что они сожгли бы и сами книги пророческие, если бы знали говоримое в них, и это я постараюсь доказать одним историческим событием, которое сокровенно для вас, но тотчас будет весьма ясно, потому что так я постараюсь изложить его. Какое же это событие, – послушайте.

«В четвертый год Иоакима, сына Иосии, царя Иудейского, было такое слово к Иеремии от Господа: возьми себе книжный свиток и напиши в нем все слова, которые Я говорил тебе об Израиле и об Иуде и о всех народах с того дня, как Я начал говорить тебе, от дней Иосии до сего дня» (Иер.36:1–2), т.е. все бедствия, которые Я думаю причинить им. Посмотри, как человеколюбив и попечителен Бог. Так как они не хотели терпеливо слушать (Моих угроз) по частям, то собери, говорит, все это и увеличь страх, чтобы хотя таким образом они исправились. Припомните обещание:

мы предположили доказать, что они истребили бы и сами книги, если бы сознавали все, что сбилось ныне. «Может быть, дом Иудин услышит о всех бедствиях, – ведь надобно держаться истории, – какие Я помышляю сделать им, чтобы они обратились каждый от злого пути своего» (Иер.36:3). «Может быть», – говорит Бог. Неужели, скажи мне, Он не знает будущего? Разве не знал, послушают ли они, Тот, Кто знает все прежде бытия, испытывает сердца и утробы, судит желания и помышления, пред очами Которого все обнажено и открыто? Почему же он говорил: «может быть, дом Иудин услышит»? И это нужно вам знать ради тех, которые обвиняют Единородного в незнании. Вот и Отец употребляет выражения, свойственные незнающему, – потому что слово: «может быть» свойственно незнающему; между тем Он не знает. Поэтому, когда ты услышишь и Сына говорящего что-нибудь подобное, то разумей в том же смысле, потому что, как Сын, Он во всем подражает Отцу.

Но отложим до времени эти споры, чтобы нам не уклониться от настоящего предмета; теперь же скажем: для чего Он говорит: «может быть услышит»? Если бы он сказал, что они послушают, без «может быть», то это было бы ложно, потому что они не хотели послушать. Если же Он сказал бы правду, что они не послушают, то напрасно и посылал бы пророка к тем, которые не послушают. И не поэтому только, но и для того, чтобы предвидение Его не было сочтено какою-либо необходимою причиною непослушания, употребил Он неопределенные выражения, чтобы кто-нибудь не сказал: Бог предрек, и непременно так должно было исполниться, как говорят и об Иуде. Господь предсказал, говорят, что он будет предателем, и потому он сделался предателем. О, безумие! О, бесстыдство! Нет, человек, не предведение Божие бывает причиною зла, – да не будет, – оно не бывает необходимою причиною имеющего случиться, но есть только предведение. Не потому Иуда сделался предателем, что Христос предсказал об этом, но потому Христос и предсказал, что он имел стать предателем. Потому и здесь, чтобы не говорили, будто Бог, сказав, что они не послушают, заградил им путь к покаянию, Он предварительно отклонил этот предлог их и сказал пророку: «может быть».

5. Припомните обещание; я для того часто напоминаю вам об этом, чтобы вы, между тем как я говорю о соприкосновенных предметах, не забыли предложенного нами в начале главного предмета. Какой же был этот предмет? Тот, что если бы иудеи знали, что с ними случатся постигшие их бедствия, т.е. те бедствия, которые терпят они теперь, то истребили бы сами книги и не пощадили бы даже и божественных

Писаний. Но возвратимся к истории. Иеремия, выслушав это, призывает ученика своего Варуха, сына Нириина, и говорит ему: впиши в книгу все, имеющие постигнуть их бедствия (Иер.36:4). Что это значит? Бог повелел тебе, а ты посылаешь ученика? Не робеешь ли ты? Не беспокоишься ли? Не боишься ли? Если ты боишься, то как осмелится ученик? Но ничего такого не было, здесь же приводится и причина. Сказав: напиши и прочитай, Иеремия прибавил: потому что я содержусь в темнице (Иер.36:4–5). О, великодушие! Он был в темнице и не оставлял пророчества! Обратим внимание на мужество праведника и любомудрие души его. Он не сказал себе: столько огорчений постигло меня за эти смелые речи. Бесчисленное множество слов истратил я и не имел никакого успеха, и не приобрел себе ничего, кроме того только, что меня заключили в узы, и еще не избавил меня Бог от этих уз, как опять посылает меня к тем же зверям. Ничего такого он не сказал и даже не подумал, но имел в виду только одно, как бы исполнить повеление Владычне; и так как сам не мог, то исполнил его чрез ученика. Говорит: прочти им и объяви все бедствия, потому что «я заключен». Таким образом говорил Иеремия, а писал в книге Варух. Было время поста когда происходило это, наступал праздник, призывавший всех в столицу; следовало быть общему собранию, так как о необходимых предметах надлежало рассуждать в собрании. Варух пришел к начальникам и прочитал в слух начальников «написанные в свитке слова Иеремии в доме Господнем»; сказал и причину: «может быть, – говорит, – они вознесут смиренное моление пред лице Господа» (Иер.36:7, 10), – чтобы они не подумали, что он говорил, как обвинитель, но, узнав, что он пришел у врачевать их, сделались более кроткими. Что же они? Тогда как следовало изъявить благодарность, похвалить и подивиться, они ничего такого не сделали, но пошли и донесли царю о написанном в книге, а книгу положили в доме Елисама. "Царь, – говорит Иеремия, – послал Иегудия», одного из предстоявших ему, приказал принести книгу. «Царь в то время, в девятом месяце, сидел в зимнем доме» (Иер.36:21–22), т.е., в ноябре. Называет его девятым, считая от марта; это надобно знать в точности потому, что если бы он считал с сентября, то не могла бы тогда быть зима. Для чего же и об этом присоединено? Это ясно узнаешь из последующего. «И перед ним горела жаровня»; горячие, говорит, уголья были, потому что было холодно. Видите ли, как ничто не опускается в божественном Писании? И огненные горящие уголья были пред ним; и вельможи стояли около него. Принесена была книга, исполненная предсказаний о бесчисленных благах (потому что предсказание о бедствиях было избавлением от бедствий), и была читана. Припомните,

прошу вас, обещание. «Когда Иегудий прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь в жаровне, доколе не уничтожен был весь свиток на огне, который был в жаровне» (Иер.36:23). Видишь ли, как они не щадят даже и книг? Как не воздерживаются даже и пред божественными Писаниями? Так как в книге говорилось о пленении Иерусалима, то он изрезал ее, и, не нашедши пророка, излил свой гнев на книгу. А кто так неистовствует против неодушевленных вещей, тот чего не сделал бы, если бы нашел одаренного душою? Как дикие звери, поймав сражающихся с ними, – после того, как эти убегут, оставив в устах зверей свои кожаные одежды, – терзают сами кожи, чтобы удовлетворить своему гневу, так точно поступил и царь. Не нашел он того, кому принадлежал свиток, и изрезал самый свиток, и не только изрезал, но и бросил в «огонь в жаровне», чтобы не осталось и следов тех письмен. Но еще не всю узнали вы ярость его; вполне же узнаете ее, если тщательно вникнете в повествование. Не сказано, что он прочитал всю книгу и затем сжег; но: «прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь». Не дождался даже и окончания чтения, но в самом начале тотчас ожесточился. Потому не безопасно было для пророков ясно предсказывать иудеям все будущие бедствия. Если царь не мог терпеливо слушать о временном плене, то как он перенес бы, узнав о плене постоянном? Но и на этом он не остановился, а послал, говорится, везде искать пророка; однако, не нашел его, потому что Бог скрыл его. Этого Бог прикрыл тогда местом, а прочих пророков – неясностью их сказаний.

6. И не из этого только нам будет видно, что говорит иудеям о будущей чести и славе язычников и об ожидающем их самих бесчестии было делом слишком смелым и свойственным душе, явно бросающейся на опасность, – но и из слов Павла. Он, видя одного из пророков, открывшего кое-что небольшое из этих пророчеств и сказавшего яснее остальных как о наших благах, так и о бедствиях иудеев, изумился и удивился его смелости, и сказал так: «а Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне» (Рим.10:20). «Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня. «Вот Я! вот Я!» говорил Я народу, не именовавшемуся именем Моим» (Ис.65:1). А если бы предсказание не сопряжено было с опасностью, то для чего Павел сказал: «а Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня»? Это, поистине, величайшее обвинение против иудеев. Не искавшие нашли, а искавшие не получили; не слышавшие уверовали, а слышавшие распяли (Христа). Потому он и назвал Исаию смелым. Действительно, величайшею было

смелостью – стать среди обличаемых и произносить обличения без пощады, явно в пророчестве своем лишая их чести, а другим предоставляя подобавшую тем славу. Судилище слушателей его все состояло из его обвинителей; а при враждебных судьях, кто может избежать опасности? Потому апостол и говорит: «а Исаия смело говорит».

Впрочем я хочу доказать вам это еще яснее. В Писаниях неясно сказано об иудеях и об нас для того, чтобы иудеи прежде времени не поняли говоримого. Свидетелем и этого я представляю велегласнейшего Павла, говорившего свыше, трубу небесную, сосуд избранный, друга Жениха – Христа. «Я обручил вас единому мужу, – говорит он, – чтобы представить Христу чистою девою» (2Кор.11:2). Такого представляю вам свидетеля, ясно утверждающего, что именно для этого в ветхозаветном Писании прикрито нечто, но не все. Если бы всему надлежало быть неясным, то напрасно было бы и возвещать тогдашним людям. Но в пророчествах говорится и о временных тогдашних войнах, моровых язвах, голоде; говорится и о том, что происходит ныне, о призвании Церкви, отвержении синагоги, отменении закона. Богу угодно было, чтобы о последнем иудеи не знали; а о первом, происходившем в их времена, знали. Это самое я и постараюсь доказать, т.е., что Бог оставил неясным только обстоятельства, касающиеся нас и синагоги, события настоящие и отменение закона; этого им не следовало знать с тогдашнего времени. Если бы они сначала знали, что закон дан на время, то конечно презрели бы его; для того-то Бог и сделал его прикровенным. А что не всякое пророчество было неясным, но только эта часть была прикрита, послушай Павла, который ясно показывает нам то и другое, т.е., что закон был прикровен, и только в этой части. В послании к Коринфянам он говорит так: «имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало донныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» (2Кор.3:12–14). Слова эти, может быть, неясны; потому нужно пояснить их, напомнив вам саму историю. Когда Моисей, приняв на горе скрижали, намеревался сойти оттуда, то от святого лица его воссияла такая неизреченная и дивная слава, что никто из народа не мог подходить к нему и беседовать с ним. Потому, чтобы не быть совершенно недоступным для народа, он налагал на лицо свое покрывало и таким образом доставлял иудеям возможность безбоязненно обращаться с ним. Он имел это покрывало, беседуя с народом, а обращаясь к Богу, опять снимал его. Это происходило как для

того, чтобы законодатель приобрел доверие от тех, которые имели получить приносимый им закон, так вместе с тем и для того, чтобы в нем предначертан был образ истины и преднаписана была причина домостроительства Христова. Так как некоторые имели сказать: почему Христос пришел не с обнаженным Божеством, но облекся плотию? – то задолго прежде посредством лица раба были предупреждены все такие возражения. Если славу раба, впоследствии времени приданную ему, иудеи не в силах были видеть, то как могли бы они потом смотреть на обнаженное Божество?

7. И не только на это указывает нам Моисеево покрывало, но и на то, что и иудеи испытывают тоже в отношении к закону, что испытывали они тогда в отношении к лицу Моисея. Как не созерцали они славы лица законодателя от того, что препятствовала лежавшая завеса, так не могут они теперь видеть и славу закона. Это нужно нам и против еретиков. Подумав, что сказанное служит к осуждению закона, они ухватились за это место послания; услышав, что закон имеет «покрывало» и что он "престает", и приняв это за порицание, они оставили Писания, чтобы водиться собственными умствованиями. Между тем это самое и свидетельствует о величии закона. Как тогда не служило к осуждению Моисея то, что он имел покрывало на лице, а показывало слабость иудеев, для Моисея же было даже величайшею похвалою, когда лицо его блистало такою славою, что ему нужна была завеса для подобных ему рабов, так – случилось и с законом. Если бы закон не имел неприступной славы, то не было бы нужды и в покрывале. Потому, когда апостол говорит, что «покрывало доньше остается неснятым при чтении Ветхого Завета», то выражает его неясность. Когда же говорит: «потому что оно снимается Христом», то указывает нам на ту часть закона, которая неясна. Та часть закона, которая учила нас жизни и поведению, не была неясна, – иначе он был бы дан напрасно, – а только те части его были прикровенны, из которых мы могли узнать, что закон чрез Христа упраздняется. Подлинно, и это было делом премудрости Божией – ввести закон, говорящий о себе самом, что Христос, пришедши, упразднит его, и что во Христе он прекратится. Итак, та часть закона, которая говорит, что во Христе закон прекратится, – эта только и неясна. И это самое выясняя, великий Павел прибавил: «доньше остается неснятым, потому что оно снимается Христом». Чтобы ты, услышав, что «то же самое покрывало доньше остается неснятым при чтении Ветхого Завета», не подумал, будто весь он неясен и прикровен, апостол этим прибавлением исправляет такое недоумение. Сказав: «покрывало доньше остается неснятым», он

присовокупил: «потому что оно снимается Христом». То самое, говорит он, не открыто, что имело упраздниться во Христе; впрочем, не открыто для тех, кто не приступил к вере; а приступивший и получивший благодать Святого Духа видит закон уже не под покрывалом, но созерцает открытую его славу. Слава же закона состоит в том, что он мог научить, что во Христе он упраздняется, чтобы ты знал и это. Видишь ли славу закона? Истинная слава его в том, когда он может руководить тебя ко Христу, а руководит он тогда, когда разъясняет, что сам он упразднится. Следовательно, и отсюда наносится еретикам смертельная рана. Если бы закон был противен и враждебен Христу и не Им дан, то Павлу не следовало бы назвать славою закона то, что он может научить приступающих к нему, что чрез Христа он упраздняется. С другой стороны, если бы закон был худ, то не следовало бы снимать с него покрывало, но надлежало бы оставаться ему прикровенным и после благодати. Если благодать делает приступающих к ней более проникательными в деле разумения закона, так что отсюда они получают начала и все побуждения к вере во Христа, то какое кто-либо мог бы привести лучшее доказательство сродства закона с благодатию, как не то, что Христос открывает очи приступающих к Нему, чтобы они могли видеть руководство закона, а закон, открывшись и сделавшись ясным, возможен с большою легкостью руководить разумеющих дела Христовы? Так, это показывает, что ни Христос не враждует против закона, ни закон против Иисуса, но совсем напротив: закон предуготовляет людей к этому великому любомудрию, а Христос принимает их оттуда и возводит на верх совершенства. За все это возблагодарим человеколюбивого Бога, устрояющего все в надлежащее время и многообразно содействующего наше спасение, и будем посылно вести жизнь, достойную Его человеколюбия и такого промысления, чтобы нам получить и будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь, держава, во веки веков. Аминь.

Еще о неясности Ветхого Завета, и о человеколюбии Божиим, и о том, что «не должно осуждать друг друга»

1. Радуется пастух, когда видит стадо волов своих здоровым и тучным; радуется и земледелец, когда видит нивы свои цветущими; но не так радуется земледелец на нивы, и пастух на волов, как я радуюсь теперь и восхищаюсь, взирая на это прекрасное гумно, наполненное этими духовными снопами. Когда слово благочестия сеется в столь многих и таких слушателях, то необходимо должны скоро произрасти обильные и

зрелые колосья послушания. Когда кто-либо проводит борозды в глубокой и тучной почве, то он, хотя бы и не щедрою рукою бросал семена, получит обильные плоды, потому что свойство местности собственной силою восполняет скудость семян. Так точно и тот, кто сеет в души послушные и исполненные благочестия, хотя бы бросал скудные семена учения, увидит богатую жатву, потому что мудрость слушателей прикрывает скудость говорящего. То же бывает и в рыбной ловле. Хотя бы рыболовы были и неопытны, но, если они закидывают сети в залив, богатый рыбою, то легко извлекают добычу, потому что множество стекшейся рыбы прикрывает их неопытность. Если же в такой ловле множество имеющих быть уловленными часто вознаграждает неопытность ловца, то тем более так случится в этой ловле духовной. Те рыбы, как скоро увидят закидываемые сети, тотчас отклоняются и отбегают; а вы поступаете напротив: когда увидите вставшего и распростершего невод учения, то не только не уклоняетесь и не убегаете, но идете далее внутрь, стекаясь со всех сторон, и каждый, толкая и тесня ближнего, старается сам первым подойти и попасть в сеть. Поэтому мы никогда не извлекали невода пустым, не по причине нашей опытности, а – вашего усердия. Итак, довольно услаждал нас и прежде язык, источающий неподдельное и чистое золото и имеющий источники меда на устах, или лучше, сладостью духовного учения превосходящий приятность всякого сота, – разумею язык блаженного Павла.

Но так как вы, по свойственному вам любомудрию, не унижаете и того, что есть у меня, бедного и скудного, а удивляясь превосходнейшему, приходите слушать слова и нашей скудости, то я и вышел с усердием отдать вам долг, который я обещал прежде, но не выполнил, потому что обширность учения воспрепятствовала нам дойти до конца. Какой же это долг? Необходимо напомнить вам о начале займа, чтобы, зная предмет, яснее, было вам исследование его. Мы исследовали тогда, почему Ветхий Завет темнее Нового, – вы, конечно, помните это, – и высказали только одну причину – грубость слушателей, и привели во свидетели Павла, который говорит: «ибо то же самое покрывало доньше остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом» (2Кор.3:14). Мы показали, что как законодатель Моисей имел покрывало, так и закон имел покрывало – неясность; но это покрывало не служило ни к укоризне законодателя, ни к осуждению закона, а обличало немощь слушателей, потому что Моисей имел покрывало не для себя, а для тех, которые не могли выносить славы лица его, когда же он обращался к Господу, тогда снимал с себя покрывало. Так и закон, еще не будучи в

состоянии преподавать учения совершенного и исполненного любомудрием, учения о Христе и Новом Завете, – все то заключалось в ветхозаветном Писании как бы в сокровищнице, – имел покрывало, снисходя к иудеям, а для нас соблюдая все богатство, чтобы это покрывало было снято, когда придет Христос и мы к Нему обратимся. Итак, видите, до какого достоинства довело нас пришествие Христово, – возвело на степень Моисея. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же тогда и возвещаемо было то, что не могло быть для них ясным? Для того, чтобы оно принесло пользу людям последующим. Достоинство пророчества состоит не в том, чтобы возвещать о настоящих событиях, но чтобы предсказывать будущее. Когда пророчество высказывается прикровенно, то по исполнении события становится более ясным, а до исполнения – отнюдь нет. Таким образом, будучи высказано прикровенно, оно было темно, а когда события исполнились, то сказанное сделалось более ясным. А чтоб вы убедились, что пророчество, высказываемое хотя бы и за долгое время, но высказываемое прикровенно, бывает неясным в ожидании исполнения событий, я покажу вам это из примера самих учеников (Христовых). «Разрушьте храм сей», говорил Христос иудеям (Ин.2:19). Именно, когда Он изгонял осквернявших храм торговлю, то они говорили: «каким знамением докажешь Ты нам, что *имеешь власть* так поступать?» На это он отвечал: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его... А Он говорил о храме тела Своего» (Ин.2:18–19, 21). Это было некоторым пророчеством, потому что еще не было ни креста, ни разрушения церкви, ни тридневного воскресения, которое Он сам совершил. И посмотри, с какою точностью выразил Он то и другое, – и дерзость иудеев, и собственную свою силу. Но, однако, они не поняли говоримого. И вовсе не удивительно, что не поняли иудеи, когда даже ученики Его, как говорит Писание, не поняли, пока Он не воскрес из мертвых; а тогда «поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус» (Ин.2:22).

2. Видишь ли, что они имели нужду в исполнении событий, чтобы пророчество сделалось ясным, и что иудеи не были виновны, не понимая тех пророчеств о Христе до пришествия Христова, потому что с пришествием Его пророчества имели сделаться понятными и ясными. Послушай, что говорит Сам Христос: «если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха» (Ин.15:22). Почему не имели бы греха, когда пророчества предвозвещали? Потому, что хотя и предвозвещали, но до пришествия Того, о Ком предсказывалось, не были ясными и понятными. Если бы и тогда пророчества были ясными и понятными для иудеев, то

очевидно, что и до пришествия Его они имели бы грех; если же они не имели греха, то очевидно по неясности и прикровенности того, что говорилось. Притом до пришествия Христова от них и не требовалась вера во Христа. Для чего же предсказываемо было тогда? Для того, чтобы, когда Он придет, они имели домашних учителей, которые руководили бы их, и знали, что эти события не новость и это домостроительство не недавнее, но что о нем предвозвещено было издавна, за долгое время; а это не мало могло привлекать их к вере. Итак, вот одна причина неясности (пророчеств), которую мы подтвердили и многими свидетельствами в прежней беседе. Но, чтобы не наскучить вам, говоря опять одно и то же, нужно оставить ее и сказать о другой причине, которая делает Ветхий Завет не темным и не непонятным, а более трудным для нас, – ведь иное дело – вовсе не понимать ничего из предлагаемого и видеть лежащее покрывало, а иное – постигать говоримое, но только постигать с трудом.

Итак, в чем состоит вторая причина, по которой Ветхий Завет труднее Нового? Ветхий Завет, который мы имеем, написан не на нашем природном наречии: он написан на одном языке, а мы читаем его на другом; вначале он был написан на языке еврейском, а мы приняли его на языке греческом. Но когда с одного языка переводят на другой, тогда встречаются много трудностей. Сведущие во многих языках хорошо знают, до какой степени не возможно передавать со всею ясностью речь природного своего языка при переводе на другой язык. Это и было причиною трудности Ветхого Завета. Еще за триста лет до пришествия Христова, при египетском царе Птолеме, Ветхий Завет был переведен на греческий язык; и это было весьма полезно и необходимо. Пока он относился к одному народу еврейскому, дотоле оставался на еврейском языке, потому что никто другой не стал бы тогда внимать ему, так как остальная часть рода человеческого находилась в крайней грубости. Когда же должен был явиться Христос и призвать к Себе всю вселенную не только чрез апостолов, но и чрез пророков, – ведь и они руководят нас к вере и познанию Христа, – тогда наконец пророчества, как бы некоторые входы и пути, прежде загражденные неясностью языка, Бог сделал открытыми со всех сторон посредством перевода, чтобы все, стекаясь отовсюду из среды язычников и с великим удобством проходя этими путями, могли по ним придти к Царю пророков и поклониться Единородному Сыну Божию. Потому еще до времени пришествия Христова все они были переведены; если бы они оставались только на еврейском наречии, а между тем Давид говорил бы: «проси у Меня, и дам Тебе народы в наследие Твое и концы земли во владение Твое» ([Пс.2:8](#)), то

как мог бы узнать говоримое сириянин, или галатиец, или македонянин, или афинянин, при неясности Писания? Также, – когда Исаия взывал: «как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен» (Ис.53:7); и еще: «к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава» (Ис.11:10); и еще: «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис.11:9). Также, – когда Давид опять говорил: «все народы, воспещите руками, воскликните Богу гласом радости» (Пс.46:2); и еще: «сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс.109:1).

3. Потому, так как в Ветхом Завете предсказано и о страдании, и о воскресении, и о вознесении, и о сидении одесную, и о втором пришествии Христовом, и обо всем том вообще, что содержится в Новом Завете, то чтобы это не осталось неизвестным для последующих народов и чтобы они не были в неведении о силе пророчества, благодать Божия еще до пришествия Христова предуготовила перевод Писаний и сделала их полезными не только обратившимся из язычников, но и тем иудеям, которые были рассеяны по всей вселенной и уже не употребляли еврейского языка. Таким образом вот уверовал и язычник, взирая на знамения иудеев. В свою очередь, как могли бы апостолы обратить и иудея, если бы не представили ему домашнего учителя-пророка? Если Павел, пришедши в Афины, имел нужду в надписи, начертанной на жертвеннике, и из ней извлек поучение афинянам, надеясь легче победить их собственным их оружием, что и случилось, то тем более, беседуя с иудеями, он имел нужду в помощи со стороны пророков, чтобы те не обвиняли его, будто он предлагал слуху их нечто новое и странное. Но почему, скажешь, не быть бы одному языку, чтобы мы не встречали никакого затруднения? Да, человек, был в древности один язык, и как одна у людей природа, так был один у всех и язык. В начале не было иноязычного, не было разноречивого, не было ни индийца, ни фракиянина, ни скифа, но все говорили одним языком. Какая же, скажешь, была причина (различия языков)? Мы, всегда непризнательные к Благодетелю, оказались недостойными этого одного языка. Что говоришь ты? Оказались недостойными языка? И животные бессловесные все имеют свой собственный язык; овцы блеют, козы блеют, бык мычит, конь ржет, лев рыкает, волк воет, дракон свистит; каждое из бессловесных сохранило собственный свой звук, а я один лишился своего языка? Дикие и кроткие, ручные и неукротимые животные остались каждое при своем, в начале доставшемся им языке, а я, владыка их, лишен этой чести? Их честь

неизменна, а я лишился даров Божиих? Какой, столь великий, совершил я грех? Ужели не довольно было прежних наказаний? Бог дал мне рай, – и изгнал меня из рая; я вел жизнь свободную от скорбей и трудов, – Он осудил меня на пот и изнурение; земля доставляла мне все без посева и без плуга, – Он повелел ей произращать терние и волчцы, и меня обратил опять в нее; Он наказал меня смертью, и женский пол в наказание подверг болезням рождения и трудам. Не довольно было этих наказаний, – Он отнял у меня язык, лишил меня и этой чести, чтобы я отвращался от единоплеменных и единокровных, как от диких зверей, отделяясь языком от общения с ними. Я распространил это возражение для того, чтобы, когда приведу разрешение, победа была тем блистательнее. Если Бог хотел, скажешь, лишить меня всего этого, то для чего и давал мне это в начале? Хотите ли, я извлеку отсюда же и разрешение, – из этого самого возражения? Так много оправданий для Бога, что и самого возражения противника, без всякого прибавления с нашей стороны, достаточно для опровержения обвинений. Если он хотел лишить меня всего этого, то для чего и давал мне это в начале? И я скажу то же самое: если Он хотел лишить тебя всего этого, то для чего и давал? Значит, Он потому дал тебе это в начале, что не хотел отнимать у тебя. Что же вышло? Не Бог отнял у тебя, а ты сам потерял данное тебе. Удивляйся же Его человеколюбию, по которому Он даровал, и обвиняй самого себя за легкомыслие, по которому ты не сохранил дара. Таким образом очевидно, что не тот виноват, кто вручил залог; а тот подлежит обвинению, кто утратил залог. Бог доказал, что Он любил, был человеколюбив и хотел одарить, тогда как никто не принуждал Его и не заставлял, – не по удивлению к заслугам твоим, и не имея надобности воздавать тебе за какие-нибудь труды, но тотчас по сотворении тебя, тотчас Он дал тебе это преимущество, чтобы показать, что этот дар был не воздаянием за заслугу, но одною только благодатию. Если же ты не сохранил данного, то обвиняй самого себя, а не Того, Кто дал тебе дар.

Но разве это только можем мы сказать за Владыку? Достаточно, конечно, и этого оправдания; но бесконечная Его благодать и неизреченное человеколюбие представляет нам множество и других оправданий. Не то одно можно сказать, что Он даровал, а ты потерял, хотя даровавший и таким образом освобождается от обвинений, или, лучше сказать, еще достоин величайшего удивления за то, что, и предвидя, как ты потеряешь, не лишил тебя дара; но я могу сказать и другое, гораздо большее. Что же такое? То, что и после того, как ты потерял по собственному легкомыслию, Он снова возвратил тебе потерянное, лучше же сказать – не

одно только потерянное, но еще гораздо большее того. Ты потерял рай, а Он дал тебе небо. Видишь ли, как приобретение выше потери, во сколько изобильнее это богатство? Он дал тебе небо, чтобы явить Свое человеколюбие, и уязвить диавола, показывая, что, хотя бы диавол делал тысячи козней человеческому роду, он не достигнет никакого успеха, так как Бог всегда ведет нас к высшей почести. Итак, ты потерял рай, а Бог отверз тебе небо; ты осужден на труд временный, – и удостоен жизни вечной; Он повелел земле произращать терние и волчцы, а душа произрастила тебе плод Духа.

4. И посмотри, до чего снизошло человеколюбие Божие. Потерявшие что-нибудь из своих стяжаний, хотя бы приобрели большее и драгоценнейшее, однако стараются найти и то потерянное, и не прежде удовлетворяются, как возвратив его. Так и тебе, когда ты потерял рай, Бог дал не только небо, но и рай, и небо. «Ныне же будешь со Мною в раю», говорит Он (Лк.23:43), чтобы утешить скорбящую душу не только прибавлением большего, но и возвращением потерянного. Впрочем, если угодно, обратимся к самому предмету нашей речи, и посмотрим, как мы потеряли язык. История не мало способствует безопасности; кто знает состояние прежней безопасности, тот будет осторожнее и в остальном. Необходимо сказать вам все, именно, что в древности у всех людей был один язык и что впоследствии он распался на многие. Доколе он был один и когда распался на многие? И исчез ли тот самый язык, когда вошли в употребление другие, или он оставался, когда вошли в употребление прочие? Для чего он был смешан и по какой причине? Потом на каком из этих многих языков написан Ветхий Завет, – из-за которого мы и коснулись всего этого, – на древнем ли и первобытном, или на тех, которые вошли впоследствии? Но не бойтесь; хотя всего этого сегодня мы не можем сообщить, но, конечно, сообщим вам после. Для чего же, не намереваясь сообщить всего сегодня, мы перечислили вам содержание всех долгов своих? Для того, чтобы вы, ожидая уплаты, всегда имели нас в уме своем. Ведь кто дал кому-нибудь в займы денег и имеет должника, еще неуплатившего долг, тот и за трапезою, и дома, и на площади, и на постели, везде думает, и во сне бредит о своем должнике; любовь к деньгам делает то, что и должник вместе с деньгами постоянно присущ душе заимодавца. Поэтому и мы объявили свои долги, чтобы от надежды уплаты нам всегда быть в ваших душах, и дома, и на площади, и где бы вы ни находились; но всех долгов сегодня мы не уплатим, чтобы чрез ожидание остающегося оставить в вас повод к воспоминанию о нас. Подлинно, крепкая опора для нас – постоянно пользоваться вашею

любовью, – любовью такого и столь великого народа. Кто пользуется любовью, тот, конечно, будет пользоваться и молитвою; а как велико это благо, видно из следующего. Тот Павел, который был восхищен до третьего неба, слышал неизреченные глаголы, победил все потребности природы, будучи, наконец, в совершенной безопасности, имел еще нужду в молитве учеников и говорил: «умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу» (Рим.15:30); и еще: «всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово» (Ефес.6:18–19). И везде видите вы, что он то просит молитв у своих учеников, то благодарит их по получении. А чтобы не говорил кто-нибудь, что Павел прибегает к молитвам учеников по смирению, он показывает и силу их, когда говорит так: «Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас» (2Кор.1:10–11).

Если же молитва народа избавляла от опасности Павла, то как же не следует ожидать и нам великих плодов от такого предстательства? Молясь сами по себе, мы бываем слабы, а когда соберемся, становимся более сильными; потому мы и молим Бога всенародно и со взаимною помощью. Так и царь часто, осудив кого-нибудь на смерть, не склоняется на просьбу кого-нибудь одного об осужденном; но если умоляет целый город, то смягчается и по многочисленности умоляющих освобождает ведомого в пропасть от осуждения и возвращает к жизни. Такова сила всенародной молитвы. Для того все мы и собираемся сюда, чтобы успешнее преклонить Бога на милость; молясь сами по себе, мы, как я выше сказал, бываем слабы, а вознося молитву в союзе любви, умоляем Бога даровать нам просимое. Говорю это не напрасно и не для себя только, а для того, чтобы вы всегда спешили в собрания, чтобы вы не говорили: что же, разве я не могу молиться дома? Можешь молиться, но эта молитва имеет не столь великую силу, как та, которая совершается вместе с сочленами, когда все тело Церкви единодушно и единогласно воссылает прошение, в присутствии священников, возносящих молитвы всего народа.

5. Хочешь ли знать, какова сила молитвы, совершаемой в Церкви? Некогда Петр был заключен в темницу и связан многими цепями. «Церковь прилежно молилась о нем Богу» (Деян.12:5), и тотчас освободила его из темницы. Что же может быть сильнее этой молитвы, которая приносила пользу столпам и твердыням Церкви? Павел и Петр –

твердьни и столпы Церкви: и на одном из них она расторгла узы, другому отверзла уста. Но, чтобы показать сугубую ее силу не только из тогдашних событий, но из совершающихся ежедневно, мы напомним вам о самой молитве, совершаемой народом. Если бы кто-нибудь из простых людей велел вам, каждому по себе, молиться о спасении епископа, то каждый, конечно, отказался бы, как от бремени, превышающего его силу. Когда же вы все вместе слышите диакона, повелевающего это в словах: помолимся о епископе, и о старости, и о заступлении, да право правит слово истины, и о сущих здесь и повсюду, – тогда не отказываетесь исполнить повеление, но, сознавая силу вашего собрания, усердно возносите молитву. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю; молитве оглашенных это еще не предоставлено, так как они не достигли до такого дерзновения, а вам служащий при молитвах повелевает приносить их и о вселенной, и о Церкви, простирающейся до концов земли, и о всех, управляющих ею епископах, – и вы повинуетесь с готовностью, свидетельствуя самым делом, что велика сила молитвы, согласно возносимой в церкви народом. Впрочем, возвратимся к своему предмету, к тому, что в древности был один язык. Итак, откуда известно, что был один язык? «На всей земле, – говорится, – был один язык и одно наречие» (Быт.11:1). Неясны эти слова. Разве земля имеет уста? Нет; что же и о чем здесь говорится? Не об этой бесчувственной и неподвижной земле говорится здесь, но так назвало Писание весь вообще род людей, напоминая им о собственной их природе, напоминая о матери, из которой они произошли. Это живое существо, т.е. человек, двойственно, состоит из двух естеств, чувственного и духовного, т.е., из души и тела, и имеет сродство как с небом, так и с землею. Духовным естеством своим он имеет общение с высшими силами, а чувственным соприкасается с земными предметами, составляя собою некоторую тесную связь между тем и другим творением. Поэтому, когда он делает что-нибудь угодное Богу, то называется духовным, получая это название не от души, а от другого высшего достоинства, – от действия Духа, – так как для совершения добрых дел нам недостаточно души, если не будем получать той помощи. А чтобы вы убедились, что для совершения добрых дел нам недостаточно и души, – но что я говорю: для совершения добрых дел? даже и для возможности разуместь глаголы (Божии), – апостол говорит: «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1Кор.2:14). Как плотским он называет того, кто раболепствует плоти, так и душевным называет того, кто вверяет дела умствованиям человеческим и не принимает действия Духа. Но мы называемся, как я сказал, духовными, когда совершаем добрые дела; а

когда согрешим, падем и сделаем что-нибудь недостойное нашего благородства, тогда Писание называет нас по низшему нашему естеству – именует нас землею. Так и здесь, намереваясь осудить некоторых, именно тех, которые строили башню, превозносились гордостью, стали думать о себе выше своего достоинства, – намереваясь осудить их гордость, оно назвало их по низшему их естеству, сказав: «на всей земле был один язык». А чтоб вы убедились, что так называет оно нас, когда мы согрешим, Бог называл так Адама после греха, сказав: «ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт.3:19), хотя Адам не землею только был, но имел и бессмертную душу. Почему же он назван землею? Потому, что согрешил. А когда Бог творил его, то не назвал его так, но как? «Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему: и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,]... и да страшатся и да трепещут вас все звери земные» на всей земле (Быт.1:26, 9:2). Видишь ли, каковы преимущества природы (человеческой), каковы почести, каковы похвалы? Но это до греха; а после греха уже: «прах ты и в прах возвратишься». Послушай же, как и Малахия предвещает тоже, или – лучше – Бог чрез пророка: «вот, Я пошлю к вам, – говорит Он, – Илию пророка». Для чего пошлет? «И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их» (Мал.4:5–6). Так как имеет быть тот суд страшный и ужасный, то, чтобы Судия не осудил некоторых безответных на наказания, и чтобы Илия, пришедши и предсказав, что близко – при дверях наступление суда, сделал людей благоразумными, – ведь сказанное за много лет обыкновенно пренебрегается, – то названный пророк и придет возобновить это в нашей памяти. Впрочем, теперь надобно доказать, что землею называются согрешающие.

6. Итак, сказав: «он обратит сердца отцов к детям», Бог присовокупил: «чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием». А поражает Он согрешающих. Видишь ли, что согрешающие называются землею? И, в свою очередь, в другом месте, проповедуя о Христе, пророк говорил так: «и будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина» (Ис.11:5). Не потому, чтобы у Бога были ребра и чресла, – ведь Божество бестелесно, – но этим он указывает нам на неподкупность и непогрешимость приговора Судии, на то, что у Него нет места ни клеветникам, ни обидчикам, ни подкупу деньгами, ни незнанию правды. В здешних судилищах и невинный наказывается, и виновный избегает наказания, потому что правда часто извращается; а когда придет Судия праведный и непогрешимый, препоясанный правдою по чреслам своим и обвитый истиною по ребрам своим, – тогда все получат должное с

точностью. «И жезлом уст Своих поразит землю» ([Ис.11:4](#)). А чтобы ты убедился, что он говорит не о земле, а о грешниках, – прибавил: «и духом уст Своих убьет нечестивого». Видишь ли, что и здесь грешники названы землею? Зная это, когда услышишь, что «на всей земле был», разумеешь и ты, в свою очередь, человеческую природу. Этим Писание напоминает нам о собственном нашем ничтожестве, потому что великое благо – рассматривать свое сродство, и знать, из чего мы составлены. Рассматривание природы это, – достаточное учение о смиренномудрии; оно может укротить все страсти и произвести спокойствие в душе. Поэтому некто предлагал такое увещание: «внемли себе», размышляй о своей природе и ее устройстве, и этого довольно для тебя, чтобы постоянно смиряться ([Втор.15:9](#)). Потому праведный Авраам постоянно содержал в себе эту мысль и никогда не высокоумствовал. Беседуя с Богом, имея пред Ним такое дерзновение и получив от Него свидетельство своей добродетели, он говорил: «я, прах и пепел» ([Быт.18:27](#)). И другой, желая усмирить человека надменного, не распространяется много, а только напоминает ему об его природе и сильно вразумляет его, так говоря: «что гордится земля и пепел?» ([Сир.10:9](#)). Но ты говоришь мне о том, что оказывается после смерти? Усмири его при жизни. Теперь он не знает, что он земля и пепел. Он видит благообразие тела, видит власть, услужливость льстецов, сопровождающих его тунеядцев, одевается в драгоценные одежды, облекается великими знаками власти, и этот призрак обольщает его и располагает забывать о природе. Знаем, что мы земля и пепел, но знаем мы, смиренномудствующие; а он не ожидает доказательства на это при кончине, не идет к могилам и гробницам предков, но смотрит на настоящее, нисколько не думая о будущем. Научи же его еще здесь, что он земля и пепел. Подожди, говорит; я научу его не этому, но другому, гораздо более униженному, чтобы он, когда станет тщеславиться, познал свое ничтожество, чтобы еще при жизни получил врачество. Сказав: «что гордится земля и пепел?» – он прибавил: «и при жизни извергаются внутренности его» ([Сир.10:10](#)). Что значит: «и при жизни извергаются внутренности его»? Эти слова, может быть, неясны. Утробу называет он внутренности, называет чрево, наполненное калом, множеством нечистоты и зловония, не с тем, чтобы осудить природу, но чтобы привести к смиренномудрию. «И при жизни извергаются внутренности его». Видишь ли униженность и тленность существа? Не ожидай дня кончины, чтобы убедиться в своей слабости; но рассмотри человека еще при жизни, вникай мыслью в его внутренности – и ты увидишь все его ничтожество. Однако, не падай духом; не по ненависти к

нам, а щадя нас, Бог устроил так, чтобы подать нам великий повод к смиренномудрию. Если человек, будучи землею и пеплом, дерзнул сказать: «взойду на небо» (Ис.14:13), то куда не увлекся бы он мыслью, если бы не имел узды от природы? Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь надмевается, поднимает голову, возвышает брови, несется на колеснице, выражает угрозу, ввергает в темницу, предаёт смерти, причиняет обиды, то скажи ему: «что гордится земля и пепел? И при жизни извергаются внутренности его». Это можно сказать не только о человеке частном, но и о самом сидящем на царском престоле. Смотри не на багряницу, и не на диадему, и не на золотые одежды, а исследуй саму природу – и ты не увидишь в ней ничего больше, чем у простых людей; или – лучше – рассмотри, если хочешь, и порфиру, и диадему, и одежды, и всю эту пышность, и ты опять увидишь, что и это состоит из земли. «Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой» (Ис.40:6). Вот, все это украшение оказывается даже ниже земли. Видишь ли, как укрощает гордость, как низвергает всякую надменность размышление о самой природе? Довольно только подумать, что мы такое, и из чего составлены – и тотчас исчезнет надменность помыслов. Для того Бог и сотворил нас из двух естеств, чтобы, когда ты будешь превозноситься гордостью, усмирила тебя низость плоти; а когда ты помыслишь что-нибудь неблагородное и недостойное дарованной тебе от Бога чести, благородство души возводило бы тебя к соревнованию силам небесным.

7. Не только для истребления гордости полезно рассматривание природы, но, когда возмущает нас и какая-нибудь другая страсть, например, страсть к деньгам, или эта непристойная и доводящая до распутства страсть к телесной красоте, оно может укрощать страсть. Поэтому, когда ты видишь женщину благообразную, с светлым взором, веселую, с блестящими щеками, с необыкновенною красотою в лице, воспламеняющую твои помыслы и возбуждающую пожелание, то представь, что предмет твоего удивления – земля, что воспламеняет тебя пепел – и душа твоя перестанет неистовствовать. Вскрой кожу лица ее, и тогда ты увидишь все ничтожество ее красоты; не останавливайся на поверхности, но проникай мыслью глубже, – и ты не найдешь ничего больше, кроме костей, нервов и жил. Но недостаточно этого? Представь, что она изменилась, состарилась, заболела, что глаза ее впали, щеки опустились, весь прежний цвет поблек; подумай, чему ты удивляешься, и устыдись своего суждения. Ты удивляешься грязи и пеплу, тебя воспламеняет пыль и прах. Говорю это, не осуждая природы, – да не будет, – не унижая ее и не подвергая презрению, но желал приготовить врачество

для больных. Бог сотворил ее такую, столь уничиженною, для того, чтобы показать и собственную силу и Свое попечение о нас, брэнностью природы располагая нас к смиренномудрию и укрощая всякую нашу страсть, а вместе с тем являя Свою мудрость, по которой Он мог и в грязи образовать столь великую красоту. Поэтому, когда я уничижаю естество, то открываю искусство Творца. Как ваятелю мы более удивляемся не тогда, когда он производит нам прекрасную статую из золота, а тогда, когда вырабатывает точный и совершенный образ из грязного вещества, так и высочайшему Художнику – Богу мы удивляемся и воздаем хвалу потому, что в пепел и грязь Он вложил необыкновенную красоту и в телах наших явил некоторую неизреченную мудрость. И это совершил Он не в нашем только теле, но и во всем творении. Создав твари большею частью из веществ ничтожных, Он вложил в них ясное доказательство собственного искусства, и вместе напечатлел на них некоторые признаки брэнности естества, чтобы ты по искусству и красоте удивлялся Творцу, а по брэнности и ничтожности природы и естества не поклонялся тварям. Блистательно солнце, когда оно светит и озаряет всю вселенную; но с наступлением ночи оно затмевается. "Что, – говорит Премудрый, – светлее солнца? но и оно затмевается» (Сир.17:30); и не только ночью, но и днем. Солнце часто исчезает и днем для того, чтобы ты удивлялся Художнику за искусство и не поклонялся твари по ее слабости. Видишь ли небо, как велико это тело, как оно прекрасно, как блистательно и по наружности превосходнее наших тел? Но оно бездушно. Видишь ли и доказательство искусства, и обличение слабости? Видишь ли предостережения, предложенные тебе с той и другой стороны? Чтобы ты не обвинял Творца в слабости, Он создал твари прекрасными; а чтобы ты не поклонялся тварям, как богам, Он создал их отчасти слабыми. Помните это всегда. Мы объясняем Писания не для того только, чтобы вы поняли их, но чтобы вы и исправляли свои нравы. Если не будет этого, то напрасно мы читаем, напрасно объясняем. Как борец, входящий в училище борьбы, намащающийся и пользующийся руководством учителя, напрасно приходил бы в это училище, если бы при наступлении борьбы не воспользовался своим искусством, так и вы, входящие сюда и изучающие все хитрости и козни диавола, напрасно приходили бы сюда, если бы при наступлении времени подвигов падали, увидев благообразное лицо, или превозносясь гордостью, или увлекшись каким-нибудь другим порочным помыслом. Помните же эти слова, сказанные не против природы нашей, а против непотребных пожеланий; не природу осуждаем мы своею речью, а пожелания. Так-то усмиряйте гнев, так укрощайте

похоть, так обуздывайте гордость. «На всей земле был один язык и одно наречие» (Быт.11:1). Вот предмет нашего исследования. Не о земле здесь говорится, но о том, что у всех людей был один язык. Для чего же язык назван «одним наречием»? Писанию обычно называть так речи, т.е., языком. И это необходимо знать ради еретиков, осуждающих творение Божие и говорящих, что тело – зло. Так как злые движения сердца в Писании означаются названиями телесных членов, например: «изощряли язык свой, как у змеи» (Пс.139:4), «язык их – острый меч» (Пс.56:5), то, поэтому, некоторые и думают, что здесь говорится о языке. Не о языке здесь говорится, – да не будет, он ведь – творение Божие, – а об убийственных словах, которые умерщвляют людей и поражают сильнее меча. «Язык их – острый меч»; и еще: «уста лъстивые (говорили) от сердца, и от сердца говорили злобное» (Пс.11:3), – говорится не о члене телесном, а о лукавых речах. Так и здесь, в словах: «на всей земле был один язык», Писание учит не тому, будто у всех людей были одни уста, но устами оно назвало язык; потому после слов: «на всей земле был один язык», оно присоединило: «и одно наречие». Точно так же, когда оно говорит: «гортань их – открытый гроб» (Пс.5:10), то осуждает не гортань, а исходящие из нее злые речи, мертвое учение; это ведь действительно – гроб, вместилище мертвых костей и тел. Таковы уста и тех, которые порицают Создателя; таковы уста тех людей, которые говорят срамное, злословят, изрыгают из своей гортани слова зловонные и непотребные.

8. Наполни гортань свою, человек, благовонием, а не зловонием; сделай ее царскою сокровищницею, а не гробом сатанинским. Если же она уже гроб, то, по крайней мере, закрой ее, чтобы не выходило из нее зловоние. Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов; пусть они лежат внизу, и скоро заглохнут. Мы – люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов; но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавливаемые внизу, они ослабевали и погибали. Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хотя некоторый выход и хотя малую возможность дышать, то даст им большое послабление и не только не задушит их, но сделает еще более свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их; а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел. Поэтому пророк и назвал гортань не просто гробом, но «гробом открытым»,

осуждая то самое, о чем я сказал; кто произносит постыдные слова, тот не себя только срамит, но распространяет великую заразу и между ближними и обращающимися с ним. И как, открыв гробы, мы наполнили бы города заразою, так и скверные уста, открываемые с бесстыдством, заражают всех обращающихся с ними тягчайшею болезнью. Потому на уста нужно наложить дверь, и запор, и узду. Таким образом мы достаточно доказали, что тогда был один язык. Далее необходимо сказать, почему введены многие языки. Впрочем, займемся пока нравственною беседою. Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану доброй славе, причиняет рану неисцельную. Поэтому он подвергнется тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение. И не поэтому только порицатель будет лишен прощения, но и потому, что он не может представить ни справедливого ни несправедливого предлога к своему пороку. Другие грехи, хотя и неосновательные имеют причины, однако имеют, – например, блудник увлекается похотью, вор хочет избавиться от бедности, человекоубийца удовлетворяет гневу; а порицатель не может представить никакого предлога. В самом деле, какой предлог, скажи мне, в обилии денег? Какому удовлетворяет он пожеланию? У него нет никакого другого повода, кроме зависти, не имеющей ни справедливой, ни несправедливой причины. Поэтому он и лишится всякого прощения. Ты хочешь порицать? Предлагаю тебе для этого полезный предмет. Ты хочешь злословить? Злословь свои грехи. «Припомни Мне, – говорит пророк, – станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться» ([Ис.43:26](#)). Видишь ли порицание, доставляющее венец, похвалу и оправдание? И еще: «первый в тяжбе своей прав» ([Притч.18:17](#)), – себя самого, а не другого. Если ты сделаешься порицателем другого, то будешь наказан; а если – себя самого, то будешь увенчан. И чтобы ты узнал, как велико благо – порицать свое грехопадение, для этого и говорится: «первый в тяжбе своей прав». Если же он праведник, то как будет порицателем? А если он порицатель, то как будет праведником? Праведник не подлежит порицанию. А чтобы ты узнал, что и грешник, порицая свои грехи, чрез самое порицание их становится праведником, для этого и говорится: «первый в тяжбе своей прав». Что значит: "первый"? Слушай внимательно. В судилищах бывают две стороны: одна – доносчиков, другая – тех, на которых доносят; одна – обвинителей, другая – обвиняемых; одна – виновных, другая – невинных; и начало речи предоставляется обвинителю, невинному. Но здесь –

напротив. Ты, виновный, предвосхити начало речи, чтобы тебе сделаться невиновным; не дожидаясь обвинителя. Хотя бы ты принадлежал и к виновным, но прежде, нежели услышишь что-нибудь подобное от обвинителя, сам обвини свои прегрешения. Язык есть меч изощренный; но им мы не станем ранить других, а будем вырезать собственные гнилые язвы. Хочешь ли узнать, что праведники обыкновенно порицали не других, а самих себя? Послушай Павла, который взывает: «благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулителю и гонителю и обидчик» (1Тим.1:12–13). Видишь ли, как он порицает самого себя? И еще: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1Тим.1:15). И еще в другом месте: «я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1Кор.15:9).

9. Видишь ли, как везде он порицает самого себя? Он знал пользу этого порицания, знал, что оно доставляет оправдание. Так, когда нужно было ему порицать самого себя, он порицал беспощадно; а когда видел, что кто-нибудь осуждал чужие пороки, то, смотри, с какою строгостью заграждал ему уста, говоря так: «не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1Кор.4:5). Предоставь суд Тому, Кто знает тайны сердечные. Хотя бы ты, по твоему мнению, точно знал дела ближнего, суд твой ошибочен: «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» (1Кор.2:11). Сколь многие из презираемых и ничтожных просят светлее солнца? Сколь многие из великих и славных окажутся прахом и гробом повапленным? Слышал ли ты, как Павел порицает самого себя, с силою и даже преувеличенно непрестанно вспоминая о грехах, за которые он не имел подвергнуться осуждению? Он был хульником, и гонителем, и досадителем прежде своего крещения, а крещение изгладило те грехи; однако он вспоминает о них, не потому, чтобы должен был отдать за них отчет, а чтобы показать человеколюбие Божие, и каким его, бывшего таким, устроил Бог, сделав из гонителя апостолом. Если же он вспоминает о грехах, изглаженных, то тем более мы должны вспоминать о грехах, сделанных нами после крещения. Какое нам будет оправдание, или какое прощение, когда тот непрестанно вспоминал о делах, не подлежащих осуждению, а мы не вспоминаем даже и о тех, за которые должны будем дать отчет, но, оставив собственные пороки, занимаемся чужими? Послушай, что говорит Петр: «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк.5:8). Послушай, как и

Матфей порицает прежнюю свою жизнь, называет себя мытарем и не стыдится открыто осуждать прежнее свое поведение (Мф.10:3). Не имея ничего, за что бы осуждать себя после крещения, они вспоминают прежнее, научая нас не составлять никакого суждения о чужих пороках, а заботиться и непрестанно помышлять о своих собственных. Нет, подлинно нет другого такого врачевства для исцеления от грехов, как непрестанное воспоминание о них и постоянное их осуждение. Так мытарь мог избавиться от бесчисленных грехов, сказав: «Боже! будь милостив ко мне грешнику» (Лк.18:13). Так фарисей лишился всякого оправдания за то, что, оставив мысль о своих беззакониях, стал осуждать вселенную, говоря: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» (Лк.18:11). Поэтому и Павел увещевал так: «каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом» (Гал.6:4). Хочешь ли знать, как в ветхом завете праведники порицали самих себя? Послушай, и они говорили согласно с теми. Так Давид говорил: «беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бременю отяготели на мне» (Пс.37:5). А Исаия взывал: «горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами» (Ис.6:5). И три отрока, находясь в печи и предавая за Бога тела свои на смерть, причисляли себя к крайним грешникам и говорили: «согрешили мы, и поступили беззаконно» (Дан.3:29), тогда как что было светлее их, что чище? Здесь, если они и совершили какие-нибудь грехи, то естество того пламени изгладило все их. Однако они не смотрели на добрые дела свои, а помышляли о грехах. Так и Даниил после львиного рва, после бесчисленных страданий, которые он претерпел, – и он осуждал самого себя, а ближнего никто. Почему? Потому, что порицающий самого себя умилоствует Его и располагает к себе; это порицание делает праведника еще праведнее, а грешника избавляет от осуждения и делает достойным прощения. Итак, зная это, будем заботиться не о чужих, а о своих пороках; будем испытывать свою совесть, вспоминать всю свою жизнь, исследовать каждый из наших грехов, и не будем не только порицать других, но даже и слушать порицающих. Ведь и за это положено осуждение и величайшее наказание. "Не внимай, – говорит Писание, – пустому слуху» (Исх.23:1). Не сказано: слуху суетному не верь; но: и не принимай его; загради свои уши, прегради вход порицанию, покажи, что и ты – слушатель сам не меньше чувствуешь неприязни и отвращения к порицателю, как и тот, кого он порицает. Подражай пророку, который говорит: «тайно клеветующего на ближнего своего – сего я изгонял» (Пс.100:5). Не сказал: я не верил, или не принимал слов его; но: и прогонял его, как врага и противника.

10. Но есть люди, которые, утешая себя суетным утешением, говорят так: Господи, не поставь мне этого в грех, потому что я должен отвечать на слышанное! К чему это оправдание? К чему такое извинение? Молчи, и ты будешь избавлен от обвинений; не говори ничего, и ты будешь свободен от опасения. Для чего ты сам на себя навлекаешь беспокойства и пред Богом, и пред людьми? Для чего делаешь сам себя подлежащим обвинению? Для чего налагаешь на себя тягчайшее бремя? Разве не довольно для тебя давать отчет в собственных пороках, что ты наваливаешь на себя еще чужие грехи? Напрасно это оправдание; не за слышание только ты будешь отвечать, но и порицание вменится тебе; если ты, услышав, не молчишь, то будешь отвечать не за слышание только, но и за порицание. «От слов своих оправдаешься, – говорит Господь, – и от слов своих осудишься» (Мф.12:37). Я говорю и объявляю это, боясь не за тех, которых порицают, а за тех, которые порицают. Тот, кого порицают, не терпит никакого оскорбления или вреда; напротив, если ложно то, что говорят о нем, он получит еще награду; а если справедливо, и тогда он не терпит никакого вреда от твоего порицания. Ведь Судия произнесет ему приговор не по твоему злословию. И, если должно сказать нечто удивительное, великодушно переносящий порицание получит даже величайшую пользу, подобно тому, как и мытарь; а порицающий, хотя бы и справедливо порицал ближнего, весьма много вредит себе. Не нужно и доказывать того, что он погиб, если клеветает; но для всякого, конечно, очевидно и то, что, хотя бы он говорил и правду, он сам себе prepares строжайший суд, разглашая несчастья ближнего, делаясь причиной соблазнов, открывая всем то, что надлежало бы скрывать, и проповедуя о грехах ближнего. Если соблазнивший одного неминуемо будет наказан, то соблазняющий весьма многих худою молвою какому не подвергнется наказанию? И фарисей не лгал, а говорил правду, называя мытаря мытарем, однако, был осужден. Итак, зная это, возлюбленные, будем избегать порицания. Нет греха тяжелее и вместе легче этого греха. Почему? Потому, что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает человека невнимательного. Остальные грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто продолжительностью времени пресекаются. Например, решил ли кто убить, решил ли похитить или обратить в свою пользу чужое, – ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет губительную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни

ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое, но довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело, – потому что здесь требуется к услугам только язык. Потому, если это зло быстро, если этот грех легко приражается, если тяжело за него наказание и мучение, а пользы никакой, ни великой, ни малой, то будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещевать согрешающих, как и Господь говорит: «если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним» (Мф.18:15). Негласность обличений сделает более легким и врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран; не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их; а пчелы летают по цветам. Поэтому последние делают соты, а первые причиняют боль телам, на которые садятся; эти отвратительны, а те вожделенны и достолюбезны. Будем же, поэтому, заставляя свою душу летать по лугу добродетели святых и непрестанно распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. Но, если и увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братьями. Когда же они ничего такого не послушаются, то назовем их мухами, чтобы хотя унижительность этого названия удержала их от дурного занятия, чтобы, оставив это дурное занятие, они употребляли весь свой досуг на рассматривание собственных пороков. Таким образом и падшие восстанут, припоминая свои грехи не разглашенные, и, непрестанно помышляя о собственных пороках, легко отстанут от них, чрез воспоминание о прежних грехах сделавшись более медленными к совершению остальных, и постоянно представляющие добродетель святых получают величайшую ревность подражать им. А когда чрез все это будет исправлено целое тело нашей Церкви, то мы будем в состоянии всею полнотою ее войти в царство небесное, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно и во веки веки веков. Аминь.

Примечания

¹ - здесь св. И. Зл. имеет в виду, очевидно, Быт.14:13, где еврейское «ибри» – еврей, приложенное к имени Аврам, у 70 переведено не «еврей», а ц.-сл. «пришелец».

² - т.е. для епископа Флавиана, который говорил поучения иногда прежде, а иногда и после св. Златоуста в антиохийской церкви.

³ - Почти во всех рукописях имеется: – на первую Паралипоменон, но здесь, несомненно, разумеется 2 Паралипоменон, где излагается история Озии.

⁴ - Св. И. Зл., цитируя здесь прор. Иезекииля, приводит его слова из Зи 18 не буквально, а в перифразе.

⁵ - И здесь св. И. Зл., цитируя пр. Иезекииля, приводит его слова из 18:21–22 не буквально, а в перифразе.

⁶ - (в ц.сл.: "похоть")

⁷ - В русском переводе: «когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя».

⁸ - Разумеется епископ Флавиан, или какой-либо другой проповедник, говоривший прежде св. Златоуста.

Содержание

Беседы на слова пророков Исаии и Иеремии святитель Иоанн Златоуст	1
Беседа 1. Похвала тем, которые пришли в церковь; о благочинии при славословиях, и на слова пророка Исаии: «видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис.6:1)	2
Беседа 2. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Ис.6:1). И о том, что не должно оставлять без внимания ни времени, ни даже единой буквы божественных Писаний	13
Беседа 3. На первую ³ (чит. вторую) Паралипоменон, где говорится: «возгордилось сердце его» (2Пар.26:16), также о смиренномудрии, о том, что добродетельному не следует быть самонадеянным, и о том, сколь великое зло – гордость	19
Беседа 4. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном»; похвала городу Антиохии и вдохновенное обличение запрещающих брак	28
Беседа 5. На слова пророка Исаии: «в год смерти царя Озии видел я Господа», и доказательство того, что справедливо наказан был проказою Озия, недостойно кадивший, что позволительно не царям, а священникам	39
Беседа 6. О серафимах	45
Беседа 7 на слова пророка Исаии: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис.45:7).	52

Беседа 8 на слова пророка Иеремии: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер.10:23).	64
Примечания	104